

Омгрове 175
Намалу Фитерс

Опасное
окружение

Натали Питерс

Опасное окружение

OCR&Spelcheck Miledi

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157145

Питерс Н. Опасное окружение: АСТ-ЛТД; Москва; 1997

ISBN 5-15-000247-X

Оригинал: NatashaPeters, "Dangerous obsession"

Перевод:

А. Е. Коган

И. М. Лебедева

Аннотация

Очаровательная француженка Элиза даже не могла предположить, какие удивительные сюрпризы уготовила ей судьба, бросив в объятия обаятельного, дерзкого и столь же таинственного капитана пиратов. Но пути подлинной страсти неисповедимы, для нее ничто и разница в происхождении, и условности света, и даже опасность...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	33
Глава 3	70
Глава 4	112
Глава 5	147
Глава 6	180
Конец ознакомительного фрагмента.	181

Натали Питерс

Опасное окружение

Глава 1

ПОМОЛВКА

– Где ты была?! – бушевала Франсуаза. – Граф в ярости. Он уже бог знает сколько раз за тобой посылал, а ты бродишь неизвестно где. Скорее же, девочка! Поторапливайся!

Перепрыгивая через мраморные ступени парадного входа фамильного замка Лесконфлеров, я бросилась к Франсуазе.

– Милая, ты неотразима, когда стоишь вот так – уперев руки в бока, совсем как торговка рыбой из предместья, по ошибке попавшая в Лувр! – Но Франсуаза все еще хмурилась.

– Улыбнись, нянюшка! Оглянись вокруг: какой славный денек! Я люблю лето! Я и весну люблю, и замок, и дядюшку Тео, и даже тебя!

– Остановись, дитя мое, хотя бы во имя любви к Господу. – Франсуаза высвободилась из моих объятий, но тон ее был куда менее строг, чем слова. – Ты – настоящее пугало. А эти волосы... Где ленты? Где шпильки?

Раздалось деликатное покашливание дворецкого.

– Вас хочет видеть дядя, мадемуазель Элиза. Я сказал, что вы уже идете.

– Иди-иди. – Франсуаза махнула дворецкому нетерпеливо и почти высокомерно, будто была не простой нянькой, а хозяйкой замка. – Скажи, что Элиза сейчас придет. – Она недовольно оглядела мой наряд. – Кто это надоумил тебя так нарядиться?

– Ну не будь занудой, Франсуаза. Ты же не крестьянка какая-нибудь! Сейчас все дамы в Париже...

– Париж! – презрительно фыркнула нянюшка. – Знаю я, что творится в этом Париже!

Она решительным жестом извлекла из кармана фартука гребешок и принялась расчесывать мои непослушные черные кудри.

– Увидят тебя в таком виде, никому и в голову не придет, что ты дочь знаменитого генерала, племянница графа и крестница самого Наполеона. Ты выглядишь как уличная девка.

– А как выглядят уличные девки, Франсуаза? – лукаво прищурилась я.

– Не приставай, – ворчливо ответила та, – не до того. Дядя небось уже замучил всех расспросами, где ты есть.

– Но он видел меня за завтраком, Франсуаза, не прошло еще и двух часов. Клянусь, он даже взгляда не оторвал от своего паштета. Даже если бы я сидела за столом совсем голая, он и тогда ничего бы не заметил.

– Замолчи! Ты могла бы выказывать больше уважения к человеку, который заботится о тебе с самого детства. Что ты, что твои непутевые братья – все вы шалопаи! Но ты стоишь их обоих, это точно. Сущее наказание на мою седую голову. Чем я только прогневала Создателя?

Франсуаза расправила мои юбки, укоризненно покачала головой, заметив травинки на подоле, затем, отступив на шаг, испытующе оглядела меня.

– В общем, да, – неохотно признала она, – с каждым днем ты становишься все больше похожей на мать, а она была куда лучше всех этих бледных немочей, которыми наводнен Париж и которых там отчего-то считают красавицами. Тоже мне, Париж! Тьфу!

Поднимаясь к дядюшке в библиотеку, я все еще посмеивалась над патетической тирадой Франсуазы.

Библиотека была моим самым любимым местом в замке. Она совсем не походила на угрюмые и чопорные библиотеки в домах англичан, где мне доводилось бывать. Стены комнаты были оклеены бледно-серыми обоями, а большие прямоугольные зеркала, расположенные между высоким потолком и книжными полками, зрительно раздвигали пространство, улавливая свет, падавший из застекленной двери позади письменного стола дядюшки Тео. В углу напротив окна стоял большой глобус, друг моего детства. Сколько увлекательных часов провели мы с ним вместе! В другом углу стоял бюст моей матери работы Хоудона. «Корсиканская краса-

вица» – так называлась эта работа, и каждый, кто видел ее, уверял, что ваятель лепил «красавицу» с меня. Пол был застелен толстым ковром с оранжево-голубым восточным орнаментом.

Помимо книг, в библиотеке хранилось множество других интересных вещей. Здесь были забавные безделушки и статуэтки со всех концов света, роскошные китайские вазы, шкатулки из слоновой кости, замысловато вырезанные деревянные и каменные фигурки, миниатюрные пейзажи и портреты Лесконфлеров, Бурбонов и Марини, мой портрет кисти Давида и даже несколько образцов древнего оружия: легендарный лук моего предка Лесконфлера и несколько медных наконечников стрел, найденных при земляных работах в поместье. Все эти многочисленные предметы, любовно собранные несколькими поколениями Лесконфлеров, стояли, лежали и висели на стенах между полками, на камине и даже на дядюшкином столе. Библиотека была для меня не просто местом, где трудился над мемуарами дядя, пополняя анналы истории сведениями о нашей семье, но и неким святилищем, храмом, наполненным дорогими для Лесконфлеров воспоминаниями. Другие комнаты замка поражали воображение в основном громадными размерами и скудостью убранства, состоявшего из изрядно обшарпанной мебели.

Дядя Тео кивнул мне, не вставая из-за стола. На нем были давно вышедший из моды припудренный парик и атласные панталоны. Парчовый камзол жемчужного цвета с тру-

дом сходил на круглом животике. Голубые глазки его сияли, а круглые розовые щечки-яблочки сегодня румянились сильнее обычного.

– Добрый день, дядя Тео. Ты хотел меня видеть?

– Да, дитя мое. Садись, пожалуйста, поближе ко мне. – Он ласково улыбнулся, потирая пухлые ручки. – Элиза, у меня для тебя новости, приятные новости, я бы даже сказал, чудесные новости.

Он взял со стола листок бумаги и гордо помахал им, как ребенок машет праздничным флажком. Затем, набрав в грудь побольше воздуха, дядюшка Тео с самым решительным видом заявил:

– Сегодня утром, Элиза, я получил письмо от весьма благородного джентльмена, который просит твоей руки. Элиза, я счастлив за тебя! Ты поразила его воображение. Послушай, какими словами он живописует твою красоту: «Я ни разу не встречал такого редкого соединения изумительной красоты и живого ума. Вы вобрали в себя лучшие качества ваших французских и корсиканских предков и являете собой поистине совершенное создание природы. Небеса, должно быть, пели от радости в день вашего появления на свет. В вашем лице человечество достигло наконец воплощения замысла Создателя. Элиза – вы венец природы, вы – ожившая богиня! Вы – живой памятник Женственности и Любви!» – Дядя Тео патетически вздохнул. – Разве это не наивысшая оценка твоих достоинств? Ты должна гордиться, еще как гордиться!

Я не могла удержаться от смеха.

– Право, дядя, я еще слишком молода, чтобы чувствовать себя памятником, и потом Франсуаза только что убеждала меня в том, что я самая безалаберная девчонка из тех, с кем ей доводилось иметь дело, да и вы сами говорили...

– Да-да, Элиза, но годы идут, и пора тебе наконец повзрослеть. Ты быстро превращаешься в женщину, дорогая, и скоро тебе придется стать женой и матерью. Бог мой, Элиза, тебе уже семнадцать! Скоро, боюсь, ты выйдешь из возраста невесты. Говорю тебе, это счастье, что ты успела получить предложение в срок.

– Но, дядя, это не первое предложение и, я уверена, не последнее.

– Запомни, девочка, – строго возразил дядя Тео, – предложение предложению – рознь. Это – совсем не то, что страстное признание на балу во время танца. Это, – и он потряс письмом над головой, – первое из предложений, которое заслуживает того, чтобы его приняли во внимание!

Так вот оно что, подумала я, на этот раз попался соискатель с деньгами.

– Дядя Тео, – сказала я, – мне пока еще не хочется выходить замуж! Мне и так прекрасно живется! Но скажи, от кого это письмо? Не от прыщавого Марка Лаврена?

Мой дядя самодовольно усмехнулся.

– Нет, письмо не от молодого Лаврена. Оно... От кого бы ты думала? – Дядя Тео умолк, должно быть, чтобы я успела

проникнуться значительностью минуты. — От барона Фридерика Роланда фон Мейера! — И он вопросительно посмотрел на меня.

От ужаса я едва не лишилась чувств.

— Что? От этого напыщенного жирного коротышки? Я... Меня тошнит от одного его вида, дядя Тео! Барон Фредди! — Я резко вскочила со стула. — Дядюшка, поверьте, он ужасный человек, правда, ужасный! Я, право, с трудом удерживаюсь, чтобы не уснуть, когда он говорит со мной. Он невыносимо скучен: только и может бубнить о своих поездках в Баварию и об охоте. Да и то — нет чтобы рассказать что-нибудь действительно интересное, а вечно одно и то же: все о своем богатстве да о том, какой острый нюх у его старого пса. И еще он такой безобразный! Дядя Тео, он форменный урод! Этот жирный живот на тоненьких ножках, этот младенческий пух на голове! Он похож на огромного пупса с жабым ртом и выпученными глазами! Дядя, разве ты не заметил, как у него воняет изо рта? Заметил, я знаю! Я сама видела, как ты отшатнулся от него, когда тот подошел слишком близко. Я едва сдерживаюсь, чтобы не наругать ему...

— Довольно, Элиза. — Дядя решительно поднялся из-за стола. — Барон оказал нам большую честь, попросив твоей руки, и он заслуживает по крайней мере уважительного отношения к себе. Стыдись! Ты ведешь себя недостойно! Когда ты наконец образумишься? Все эти мальчишеские забавы, верховая езда, игры с братьями не пошли тебе на пользу.

Ты настоящая дикарка! Господи, а как ты говоришь, Элиза! Иногда мне кажется, что ты выросла в казарме.

Перегнувшись через стол, я схватила дядю за руку и сжала ее в ладонях.

– Но, дядя, так оно и есть. Я – дочь солдата...

Дядя Тео гордо выпрямился.

– Твой отец был офицером, Элиза. Он погиб как герой на поле битвы, отдав свою жизнь за Францию.

Порывшись в кармане, он извлек носовой платок и промокнул лоб. Окна были распахнуты настежь, но в комнате стояла духота.

– Послушай меня, Элиза, я делал для тебя и твоих братьев все, что мог. Я поступал так, как, по моему мнению, поступили бы твои покойные отец и мать, и, уверяю тебя, мне пришлось нелегко. Я – закоренелый холостяк, и воспитывать детей, как ты понимаешь, мне было нелегко. И все же, смею думать, ты не чувствовала себя в моем доме несчастной и обделенной любовью.

Я обежала стол и бросилась дяде на шею.

– Милый, добрый дядюшка Тео! Ты самый лучший дядя на свете! О таком можно только мечтать! Я люблю тебя очень-очень, и ты знаешь об этом. Я не хочу тебя огорчать. Я выйду за кого пожелаешь, только, прошу тебя, не выдавай меня за барона Фредди! – Голос мой сорвался, и почти шепотом я добавила: – Умоляю тебя, дядя Тео. Я не такая уж дикарка, как может показаться на первый взгляд. Я люблю

нарядные платья и красивые вещи, и год, что я провела при дворе, был чудесным! И ты знаешь, я никогда не скучала на балах: меня приглашали наперебой многие придворные красавцы. Уверяю тебя, не стоит всерьез относиться к предложению барона...

– Я уже ответил ему, Элиза, – тихо сказал дядя Тео. – Я сообщил ему, что ты обрадована, польщена и с радостью принимаешь его предложение. Я жду его приезда в течение ближайших недель. Венчание состоится в первых числах ноября.

Я почувствовала, как кровь отхлынула от щек. С минуту я молча смотрела на дядю, не в силах поверить в то, что приговор подписан.

– Нет, – сдавленно сказала я наконец, – ты, верно, шутишь. Прошу тебя, скажи, что все это неправда! Я... Я закончу с собой!

Без сил я упала в кресло и зарыдала.

– На меня твои истерики не действуют, – сурово заявил дядя. – Я – твой законный опекун и вправе тебе приказывать. Ты поступишь так, как я сочту нужным, а я забочусь только о твоём благе.

– Ты лжешь!

Я знала, что снаряжение моего старшего брата Филиппа и проведенный мною сезон при дворе пробили изрядную брешь в финансах дяди и пришлось приостановить ремонтные работы в замке. Конечно, барон махнул рукой на прида-

ное – нельзя же хотеть всего сразу: и «живой памятник Женственности», и деньги! – и дал дяде недвусмысленные заверения о выделении в обмен на согласие юной прелестницы ее опекуну суммы, вполне достаточной для ремонта замка.

Но, видит Бог, дядя Тео не настолько изнемогает под бременем нужды, чтобы торговать любимой племянницей!

– Я не хочу, не могу за него выйти. Я понимаю, что по закону ты можешь распоряжаться моей рукой, но представить все как свершившийся факт... Это так на тебя не похоже! Как ты мог, дядя Тео? Я... Я думала, что ты меня любишь, но я ошибалась! Ты любишь то же, что и все остальные мужчины: деньги и только деньги! Тебе вовсе нет дела до моего счастья, и я... Я ненавижу тебя!

В сердцах я стукнула кулаком по столу.

Дядя Тео ничего не сказал. Сгорбившись, он сидел за столом. Мне показалось, что он внезапно постарел. Впервые я заметила, как набухли синие вены у него на руках, как углубились морщины у губ. Мне стало жаль его. Я подошла к нему и присела рядом.

– Прости меня, дядя Тео! Я не хотела тебя обидеть, но, пойми, я была потрясена. Конечно, тебе это предложение кажется соблазнительным, ведь барон богат. Конечно, я скверная девчонка, непослушная, вздорная и вполне заслуживаю наказания. Господи, я дорого бы дала за то, чтобы стать как сестры Турран: слащавой, тихой и покорной, но я ничего не могу с собой поделать. У меня ужасный нрав, и язык у ме-

ня, даже девчонки в школе говорили, «острый как бритва». До сих пор я по-настоящему не пыталась исправиться, но, дядя, клянусь тебе, я буду стараться. Ты увидишь, я сделаю так, что у моих ног окажутся богатые женихи со всего света. Может быть, я смогу выйти замуж за одного из племянников императора и стать самой королевой Корсики. Ты ведь знаешь, сколько у Наполеона родни! Или вдруг меня посватает сам император. Он мой крестный, а я уже выросла. Я ему всегда нравилась, и, когда мне не было еще четырнадцати, он говорил, что моя грудь ничуть не уступает груди Жозефины.

– Элиза! – в испуге воскликнул дядя.

– Честное слово, – не унималась я. – Он вправду так сказал. Может быть, он женится на мне. Если он мог жениться дважды, почему бы не рискнуть и в третий раз? Я гораздо красивее, чем его императрица, все так говорят. Я одна из самых красивых женщин Франции, подумай об этом, дядя Тео! Элиза Лесконфлер! Королева Франции!

Дядя Тео вздохнул, а затем усталым голосом произнес:

– Сам император одобрил этот союз как полезный для страны. Он даже обещал посетить церемонию и как добропорядочный крестный проводить тебя к алтарю. Наполеон очень любил твоего отца, Элиза, восхищался его храбростью. Это большая честь для тебя.

– Честь! Ничего себе честь! Ты считаешь честью для меня стать женой человека, к которому я не питаю ничего, кроме отвращения? И ради чего? Чтобы заполучить в союзники

жалкую страну, где едва ли найдется с десятков умеющих говорить по-французски? Ерунда, императору ничего не стоит послать туда войско, и в тот же день они станут нашими друзьями до гроба!

– Значит, для Франции такое решение не годится, – упрямо стоял на своем дядя Тео.

– Здесь все выбирают! – взорвалась я, – Франция, Наполеон, Тео Лесконфлер! Все, кроме меня!

Сжав кулаки, я шагнула к окну. Передо мной открылся пленительный и мирный вид: широкие лужайки террасами спускались к горизонту, скрытому темной стеной леса; многочисленные фонтаны устремляли в воздух веселые голубые струи, и солнечный свет преломлялся в прозрачных каплях, превращая их в миллионы маленьких призм. Слезы навернулись у меня на глаза. Я любила этот замок, эту землю, здесь мой дом, а другого я никогда не знала. Да, эта красота заслуживает того, чтобы принести ей в жертву какую-то жалкую девчонку. Я бессильна что-либо изменить. Слово моего дяди было законом, который я не смела нарушить.

– Мне искренне жаль, Элиза, – сказал, откашлявшись, Тео, – что мое решение огорчило тебя. Часто бывает, – тут он снова закашлялся, – что личным благом приходится жертвовать во имя интересов общества.

– Скажи лучше, во имя пополнения казны Лесконфлеров!

– Позволь мне закончить. Твой отец, мой младший брат, тоже одобрил бы этот союз, Элиза. Он любил Францию и

счастлив был умереть за нее. Он любил этот дом и гордился теми замечательными мужчинами и женщинами, что рождались и умирали в этих стенах на протяжении многих столетий. Наши предки превыше всего ставили фамильную честь, поскольку человек умирает, а имя его живет еще очень долго после его ухода в мир иной. Ни разу имя Лесконфлеров не было опорочено. И сейчас я вынужден признать, что дал согласие на этот брак, чтобы оградить наш род от позора. Для этого нужны деньги. То, что случилось, очень неприятно и даже опасно для семьи.

Некоторое время я не понимала, зачем дядя Тео обо всем этом говорит, но мало-помалу смысл его слов стал доходить до меня.

– Оноре... – выдохнула я.

Так звали одного из моих братьев. Оноре был на пять лет старше меня и на два года – Филиппа. Как старший сын, именно он должен унаследовать титул и состояние Лесконфлеров.

– Но, – заикаясь сказала я, – он задолжал совсем немного, только портному и сапожнику.

– Карточные долги Оноре составили пятьдесят тысяч франков. И еще десять тысяч одной юной леди из благородного семейства, отцу которой я никогда не решусь посмотреть в глаза, – угрюмо ответил дядя Тео.

Пол в комнате, казалось, покачнулся, словно палуба корабля в шторм.

– О нет! – Я бессильно опустила на стул. – Я и представления не имела...

– Тогда ты ничем не могла помочь, Элиза, и я не хотел понапрасну огорчать тебя. Но вот появляется барон и предлагает мне недостающие десять тысяч франков. Мы должны быть ему весьма благодарны.

Несколько минут мы оба молчали, но я наконец не выдержала:

– Но это же несправедливо! Почему я должна расплачиваться за грехи Оноре? Как ты можешь оставить его наследником замка и земель после того, как он повел себя бесчестно? Я думала, что ты любишь меня, дядя Тео, а ты оказался предателем. Ты любишь Оноре, и это дурацкое имя Лесконфлеров, и эту груду камней и досок больше, чем меня. У тебя нет сердца, дядя Тео! А если я буду несчастна всю жизнь? Задумался ли ты хоть на секунду, что меня ждет, когда устраивал этот чудовищный сговор? Никогда я не прощу тебе этого, никогда, никогда!

Я спрятала в ладонях лицо и безутешно расплакалась. Так я не плакала с тех пор, как была маленькой девочкой. Дядя Тео подошел ко мне и положил руку на плечо. Я отстранилась.

– Я думал о тебе, Элиза, – сказал он тихо. – Я думал о тебе, когда старался уберечь от разорения и бесчестия нашу семью. Барон – человек добрый, и, я думаю, со временем ты сможешь его полюбить. У тебя доброе сердце, и ты поймешь,

что так будет лучше. Слава Богу, ты не обделена здравым смыслом, Элиза. Пожалуйста, постарайся меня понять.

– Как я хотела бы поверить, что этот брак – счастье для меня. Глупенькие девчонки, с которыми я училась в школе, только и мечтали о замужестве. Они успели придумать имена своим чадам и решить для себя, как меблируют дом и в какой цвет выкрасят стены, еще до того, как встретили мужчину, готового предложить им руку и сердце! Они, наверное, сочли бы за счастье выйти замуж за кого угодно и даже смогли бы внушить себе, что полюбили избранника их родни. Но я не умею притворяться! Я знаю, что браки, совершаемые на земле, браки по расчету, не имеют никакого отношения к тем, что свершаются на небесах, что бы мне там ни говорили. Я так несчастна! Я... Я убью себя накануне свадьбы. Я лучше умру, чем позволю этой свинье ко мне прикоснуться!

Дядя Тео горько вздохнул.

– Не хватает только, чтобы еще и ты обесчестила имя Лесконфлеров.

– Мне все равно! – воскликнула я. – Если этот грязный боров дотронется до меня, я и его убью!

Дядя осуждающе покачал головой.

– Когда твой отец женился на твоей матери, у меня были серьезные сомнения в мудрости его решения: едва ли стоило подливать во французскую кровь корсиканскую. Теперь я вижу, что сомневался не зря. Ты просто маленькая дикарка.

– Нет!

– Тогда и веди себя соответственно – как девушка из хорошей семьи, а не как корсиканская крестьянка с дурными наклонностями!

Мы впились друг в друга глазами, и дядя не выдержал первым.

– Дорогая Элиза, – устало произнес он, – ты слишком темпераментна. Ты ведь уже почти женщина, а ведешь себя словно испорченный эгоистичный ребенок. Я больше не хочу этого терпеть, и помни, я вовсе не обязан тебя выслушивать!

Я побежала к выходу, но у двери, уже взявшись за ручку, остановилась.

– Уж лучше быть слишком темпераментной, – выкрикнула я, – чем похороненной заживо в семейном склепе Лесконфлеров во имя сохранения вашего честного имени!

С этим я вышла. Последнее слово осталось за мной. Оно-ре ждал меня в гостиной. Увидев мое заплаканное лицо, он слегка покраснел.

– Здравствуй, сестренка, – сказал он с нехарактерными для него ласковыми нотками в голосе.

– Ах, вот и сам виновник, – набросилась я на брата. – Празднуешь победу? Предатель! Негодяй!

– Элиза, умоляю тебя, – жалобно бормотал он, протягивая ко мне руки.

Я со всего размаха ударила по его ладоням.

– Я должна была бы догадаться: дядя Тео не способен до-

думаться до такого злодейства сам. Ведь ты – главный вдохновитель этой свадьбы, не так ли? Ведь именно ты, Оноре, внушил дяде мысль принять предложение барона? Бьюсь об заклад, ты и надоумил эту... эту свинью, этого идиота барона сделать мне предложение! Так?! Так?!

Оноре замер, вытянувшись в струнку.

– Конечно, нет. Плохо ты себя ценишь, сестренка. Подумай хорошенько, и ты поймешь, что у меня не было в этом надобности. Барон от тебя без ума с того самого момента, как увидел тебя. Смею заверить, что любая особь мужского пола легко может сойти с ума от одного взгляда на твою кудрявую головку и пропасть от одной лишь вспышки черных глаз. И я вовсе не в сговоре с дядей Тео. Когда он в первый раз рассказал мне о своих планах, я был категорически против. А теперь мне даже нравится его идея. Представляю себе бедного барона, когда он поймет, кого он на самом деле взял в жены! Милую девушку из благородного семейства? Отнюдь. Хорошо образованную и благонамеренно воспитанную крестницу императора? Едва ли. Ты – дьявольское отродье, Элиза, и мы с тобой знаем это лучше других. Ты капризна, упряма и дика. Жаль, что барон не из тех, кто может обуздать тебя.

Я плюнула ему в лицо. Я его ненавидела, готова была убить. Оноре поймал меня за запястья железной хваткой. Тяжело сопя, я пыталась высвободиться, но тщетно.

– Ради Бога, Элиза, успокойся! В конце концов, это не самое страшное! Свадьба, говорят, главное событие в жизни

женщины. Ты должна благодарить... Ох! Ну ты и ведьма!

Я изо всех сил укусила его за кисть, и Оноре выпустил меня. Он отступил, поглаживая прокушенную до крови руку. Он смотрел на меня. А я – на него.

– Это ты должен благодарить меня, Оноре, – процедила я сквозь зубы. – Как бы ты смог наслаждаться жизнью, если бы дядя Тео не добыл для тебя эти несчастные десять тысяч франков?

Оноре вспыхнул.

– Не понимаю, о чем ты.

– Прекрасно понимаешь! Старший сын и наследник оказался мотом, попал в западню и страшно нуждается в деньгах. И какой бы вы думали он нашел выход? Он решает продать самый ходовой товар из семейного состояния! Собственную сестру! Дядя Тео продал меня барону, чтобы спасти тебя, Оноре, и семейную честь! Честь! Меня тошнит от этого слова. Когда я слышу его, я готова быть как волчица! Что это за «честь», если ради нее нужно продавать женщину как рабыню тому, кто предложит более высокую цену? На этот раз, Оноре, твоя взяла. Можешь жить спокойно благодаря мне. Но не жди от меня благодарности. И даже не смей при мне заикаться о замужестве и счастье. Я... Я этого не потерплю!

Слезы хлынули из глаз. Ничего не видя вокруг себя, я убежала из дома на солнечную террасу и побрела как слепая к сосновому бору, с восточной стороны окаймлявшему лужай-

ку. Я упала на землю и завывала. Я рыдала, задыхаясь, я ненавидела их всех: всех этих мужчин, распорядившихся моей жизнью как выгодным товаром. Всех братьев, дядьев, поклонников, священников, императоров. Наконец поток слез иссяк. Я чувствовала себя раздавленной и униженной.

Я встала и огляделась, чувствуя себя обиженной на весь мир. Солнце по-прежнему ярко сияло в безоблачном синем августовском небе. Птицы беспечно щебетали. Невдалеке из-под куста выскочил кролик, приподнялся на задние лапки, посмотрел на меня и тут же нырнул за кочку. Мир был безразличен к моим страданиям, он продолжал жить своими заботами. Жизнь моя рушилась, но никому не было до меня дела. Гнев закипел во мне. Господи, неужели я способна испытывать такой силы ненависть! Я решительно зашагала прочь из парка в лес, туда, где начиналась настоящая чаща. Вскоре замок пропал из виду. Сюда не заходила даже замковая прислуга. Почему я вела себя так по-детски? Наверное, мне следовало оставаться спокойной. Возможно, мне надо было бы даже согласиться с дядей Тео в том, что он нашел наилучший способ поправить благосостояние семьи. Но нет. Он уже принял предложение барона от моего имени. Я вспоминала унижительную стычку с братом. Может, стоило сыграть на его братских чувствах? Но и это бесполезно: Оноре все равно остался бы на стороне дяди. Оба они отчаянно мечтали перетащить в семью этот мешок с деньгами, и им дела не было до той, которую они принесут в жертву.

Я бродила не один час, пытаюсь найти выход. Я давно заблудилась, но меня это не пугало: мне не хотелось возвращаться домой. Вновь и вновь я мысленно возвращалась к разговору с дядей. Он сказал, что я чересчур темпераментна. Верно! Я все еще жива, я мыслю и чувствую. Я хотела от жизни многого, очевидно, гораздо больше того, что имела право хотеть.

Уже перед закатом я оказалась возле ручья, пересекавшего владения Лесконфлеров. Упавшие деревья образовали естественную плотину, и ручеек перед плотиной превратился в небольшую заводь с кристально чистой, прозрачной водой. Этот уголок леса был очень красив, чудный остров дикой нетронутой природы. Здесь пили воду олени, на поросших высокой травой берегах вили гнезда птицы, старая ива склонилась над озерцом, образуя изящную арку. Я узнала это место. Здесь мы купались втроем, Филипп, Оноре и я, когда только переехали жить к дяде Тео, сразу после смерти матери. Я очень скучала по Филиппу и с нетерпением ждала его возвращения домой. Уж он наверняка принял бы мою сторону. Он по-настоящему любил меня.

Я села на камень у самой кромки воды и, скинув туфли и чулки, опустила ноги в воду. Какое наслаждение! Повинуясь внезапному порыву, я разделась и бросилась в воду. Меня обдало ледяным холодом: ручей питался подземными водами, — и все горькие мысли разом улетучились из головы. Я долго лежала на воде, лишь чуть-чуть шевеля руками, чтобы

только держаться на поверхности, и вода тихонько ласкала мое тело.

Я была красива, и барон желал меня как женщину. От этой мысли меня даже передернуло от отвращения. Многие мужчины желали меня. Я видела их глаза, жадно ощупывавшие крутые бедра, осиную талию, красивую белую грудь, аппетитно видневшуюся в вырезе платья. Что ж, я могу сбежать в Париж, стать куртизанкой, дамой полусвета. У меня будут сотни любовников, и все молодые, красивые и богатые. Барон Фредди будет поражен, а дядя Тео рассвирепеет. Франсуаза станет причитать. Этот план позабавил меня, я рассмеялась, выбралась на берег и с наслаждением растянулась под заходящим солнышком. Ровный плеск воды убаюкал меня, и я уснула, даже не одевшись.

– Вижу, старик Нептун приготовил мне в подарок славную рыбку.

Я разом проснулась и села. Держа под уздцы лошадь, у озера стоял мужчина и нагло разглядывал меня серыми, прищуренными глазами. Закатное солнце подсвечивало его шевелюру, придавая ей цвет старого золота. И лицо, и шею незнакомца покрывал золотистый загар. Он не носил ни воротника, ни шейного платка, и в глубоком вырезе свободной рубахи виднелась крепкая загорелая грудь. Черты его лица, худого, со впалыми щеками, были правильны: ровный прямой нос, высокий лоб. Узкие и твердые губы кривила циничная усмешка.

Наряд незнакомца выдавал в нем бывалого путешественника: ничего лишнего, но все добротнo и удобно. Куртка того же свободного покроя, что и рубаха, немаркого темно-коричневого цвета, бежевые бриджи плотно обтягивали ноги. Высокие сапоги покрывала дорожная пыль.

– Прошу прощения, мадемуазель нимфа, – голос его обладал приятным теплым тембром, – эта дорога на Анжу, не так ли?

Только сейчас я поняла, что совершенно голая. В надежде, что не слишком опоздала явить ему свою скромность, я поспешно натянула нижнюю юбку через голову. Под бесцеремонным взглядом незнакомца пальцы мои долго не могли отыскать крючки на корсете. Наконец я просто стянула обе половинки лентами и села в траву, обхватив руками колени.

– Кто ты?.. Да как вы смеете?..

Незнакомец погладил лошадь по крупу.

– Как смею я поить лошадь у этого чудного источника в самый жаркий из жарких дней? – засмеялся он.

– Вы находитесь в частном владении, – заявила я, пытаюсь сдержать дрожь. – Немедленно убирайтесь, или я прикажу арестовать вас.

Мужчина снова засмеялся.

– Так, значит, я нарушитель? Вы считаете меня вором только потому, что я пью вашу воду и дышу вашим воздухом? Тогда я вынужден принести вам извинения. Но перед тем как меня повесить, вы должны разрешить мне испробо-

вать сочный плод, ниспосланный небесами. Тот самый, что сейчас передо мной.

Я едва не задохнулась от возмущения и страха, когда смысл слов дошел до меня. Незнакомец отвернулся, лаская кобылу, которая, напившись, вытягивала шею, требуя внимания хозяина. Потрепав лошадь по холке, он опустил на одно колено и зачерпнул воду ладонями. Утолив жажду, ополоснул лицо и шею, пригладил влажной рукой волосы.

Я вскочила и опрометью кинулась в лес. В ужасе я мчалась, не разбирая дороги, колючая хвоя и шишки набивались в мои башмаки, корявые сучья цепляли одежду. Я надеялась только на то, что он не посмеет пуститься следом. Но тут, к ужасу своему, я услышала стук копыт. Все пути к спасению были отрезаны.

Взглянув вверх, я увидела всадника на красивой гнедой кобыле, и в ту же секунду мужчина ловко перегнулся и, легко, как пушинку, подхватив меня, усадил перед собой. Стараясь выровнять дыхание, я бессильно прислонилась к его груди, но тотчас же выпрямилась, высвобождаясь из его объятий.

– Не думал, что в этих лесах водятся нагие дикарки, – сказал он посмеиваясь. – Да еще такие молоденькие и красивые.

Я резко ударила его локтем в бок, но мускулы у него оказались железными. Он прижал меня к груди той рукой, что держал поводья, а другой принялся расстегивать лиф на платье.

– Восхитительно, – хмыкнул он. Прикосновение его пальцев к груди привело меня в ярость.

– Пустите меня! Ублюдок! Собака! Пусти!

Он только посмеивался.

– О, они становятся тяжелыми, как океанские волны, когда ты злишься. Только во Франции бывают девчонки с такими стройными ножками и такой пышной грудью.

Я извивалась в его объятиях.

– Пустите, – молила я, – сейчас же опустите меня на землю!

– Я не отпустил бы тебя сейчас, гонись за мной хоть вся наполеоновская гвардия, – сказал он. – Ты так торопишься домой? Наверное, хозяин тебя ждет, и за это я его винить не могу.

Рука его переместилась на мой живот, и он с силой придвинул меня к себе.

Так он считает меня служанкой! Я была вне себя от ярости.

– Как вы смеете?! Я... Я убью вас за это!

– Не бойся, я тебе щедро заплачу.

Я едва не задохнулась от гнева. Служанка и к тому же шлюха!

На небольшой полянке у ручья он спешил и протянул мне руку. Я заметила торчащий из седельной сумки наконечник хлыста. Действуя молниеносно, я выхватила хлыст и изо всех сил стегнула по ненавистному лицу. На щеке незнаком-

да появился кровавый рубец. На мгновение он отшатнулся. Я соскользнула с лошади и попыталась прошмыгнуть за его спиной.

Его реакция была мгновенной. Одним движением он перехватил меня поперек живота и притянул к себе.

– Клянусь, ты не нимфа, ты – дикая кошка, которую еще предстоит укротить.

– Вы... Вы – скотина, – прошипела я.

Он лишь громко расхохотался и попытался меня поцеловать. Я изо всех сил укусила его за губу.

– Ты любишь вкус крови, не так ли, моя девочка, так давай насладимся им вместе. – И он ударил меня по щеке.

Прижав мои руки к бокам, он накрыл мой рот своим. Я совсем ослабела от бега, мне не хватало воздуха, щека моя горела от пощечины, а поцелуй его отнял у меня последние силы. Я честно старалась не разжимать губ, но он сумел раздвинуть их языком и достичь глубин моего рта. Наконец он отпустил меня, и я с трудом перевела дыхание. Голова моя кружилась.

– Вижу, что тебя еще никто не целовал. Я просто не в силах в это поверить. Или все мужчины в здешних местах слепы, или они идиоты!

Я сплюнула на землю и вытерла губы тыльной стороной ладони.

– Дело в том, что они джентльмены, а не животные!

Незнакомец усмехнулся, окинув меня недвусмысленным

взглядом с головы до пят. Я покраснела, то ли от злости, то ли от стыда, понимая всю свою беспомощность.

– Пожалуй, их можно назвать святыми, – протянул он, – тихих, очерствелых, грубых провинциалов. А может, они просто трусы: боятся спутаться с развратной злючкой, которая сначала завлекает, а потом старается укусить.

– Я вас не соблазняла! – горячо возразила я.

– Но соблазнила.

Голос его, густой и низкий, действовал на меня завораживающе. Он мягко подошел ко мне, как охотник, выслеживающий пугливую дичь. Я чувствовала, что не в силах отвести от него взгляда: он словно загипнотизировал меня. Я ощутила странную легкость во всем теле, и судорожный трепет, неведомый мне раньше, пробежал по телу. Ноги вдруг налились тяжестью, я была не в силах сделать и шага.

– Прошу вас... Не обижайте меня... – прошептала я внешне пересохшими губами.

Незнакомец был совсем рядом. Я чувствовала теплые токи, идущие от его тела, вдыхала причудливую смесь запахов лошади, пота, кожи. Он положил руки мне на плечи и заглянул в глаза. Жестокая усмешка не оставляла его губ.

Вздрогнув, я опустила глаза и вдруг – о ужас! – увидела, как восставшая плоть натянула ткань его брюк.

– Мужская анатомия всякий раз ставит нам подножку, – беспечно заметил он. Руки на моих плечах усилили хватку. – Но я не думаю, что это так уж плохо.

Лицо его вплотную приблизилось к моему, и во мне осталось лишь одно чувство – страх. Я видела запекшуюся кровь на его щеке и красный след на губе от укуса. Глаза его были холодны как лед. Он видел перед собой всего лишь девку, которую собирался использовать для того, чтобы развлечься во время путешествия.

На мгновение гипноз перестал действовать, я очнулась.

– Оставьте меня! Отпустите!

Улыбка слетела с жестких губ, и он легко опрокинул меня на землю. Прижав к земле мои раскинутые руки и ноги, он целовал меня вновь и вновь, и всякий раз язык его проникал все глубже. Я задыхалась от злости и страха.

– Тебе не нравится, когда целует мужчина? – прошептал он хрипло.

– Я ненавижу тебя, – повторяла я сквозь всхлипы. – О проклятие, отпусти меня! Отпусти!

Сердце мое бешено колотилось, ноги дрожали от придавившей их тяжести. Я перестала сопротивляться и закрыла глаза; затем, почувствовав, что он отпустил мои руки, вцепилась ногтями ему в лицо и едва не закричала от радости, когда он, взыв от боли, отпрянул. Но победа оказалась пирровой. Мой мучитель наотмашь ударил меня по лицу. В ушах зашумело, перед глазами поплыли круги, и мне показалось, что я умираю.

Когда я снова открыла глаза, при виде его кривой усмешки мне стало по-настоящему страшно. Я закричала, но он,

зажав мне рот, навалился на меня. Я почувствовала, как его восставшая плоть пронзила меня, как стальной клинок, с такой яростью, что я, клянусь, слышала треск раздираемого тела.

– Мой Бог, – выдохнула я, – не оставь меня.

Он взял мое лицо в свои сильные ладони и заглянул мне в глаза.

– Что ж, я польщен. Как мило было с твоей стороны сохранить для меня девственность, маленькая разбойница. Ты, должно быть, угробила не меньше дюжины конюхов для того, чтобы преподнести мне этот роскошный подарок.

Мне было страшно больно, и я заплакала навзрыд. Он притянул меня к себе и не отпускал, пока я не успокоилась. Страх и боль понемногу утихли, уступив место всепоглощающей ненависти и отвращению. Он начал двигаться, вначале медленно, почти нежно. Я прикусила губу, чтобы не закричать. Движения все убыстрялись, пока через некоторое время, показавшееся мне вечностью, все не закончилось. Он вздрогнул и затих.

Наконец он встал, а я, вне себя от стыда и омерзения, свернулась клубочком на траве, поджав к подбородку ноги.

– Ты заплатишься за это, – произнесла я сквозь слезы. – Клянусь всем, что мне дорого, ты заплатишься за это своей жизнью.

– Не сомневаюсь, – кратко ответил он, – Я играючи мог бы прикончить тебя, маленькая мегера. Удивительно, как это

никто до сих пор не научил тебя, как себя вести. Представить не могу, как хозяин мирится с твоей дерзостью. Прощай. Отдых вряд ли можно отнести к разряду приятных, но я по крайней мере освежился. – И незнакомец разразился долгим смехом.

Что-то упало в пыль рядом со мной. Золотой луидор. Я продала свою девственность за один золотой луи. Вскочив на ноги, я швырнула луи вслед мерзавцу, но он уже успел сесть на лошадь и не потрудился даже оглянуться.

– Подонок, тварь, – кричала я вдогонку, – ненавижу тебя!

До моих ушей донесся звук его смеха, но он так и не повернул головы. Вскоре он пропал из виду. Тошнота подкатила к горлу. Я упала на колени. Меня выворачивало, слезы лились из глаз. Наконец я успокоилась и пошла к ручью, чтобы смыть грязь и кровь, затем вернулась за чулками и туфлями. Одевшись, я побрела к дому, не чувствуя ни скорби, ни боли – совсем ничего. Та Элиза, которая вошла в этот лес, ничего общего не имела с Элизой нынешней. Я ушла с полянки, ни разу не оглянувшись на то место, где он осквернил меня.

Глава 2

СВАДЬБА

К замку я подошла уже в темноте. Чувствуя себя не в силах кого-либо видеть, я хотела одного – добраться до своей комнаты незамеченной. По черной лестнице я поднялась на второй этаж, и тут меня перехватил Оноре.

– Господи, Элиза, что с тобой? Мы тут с ума сходим, я хотел было уже идти на поиски...

Брат запнулся, обеспокоенно глядя на мои спутанные волосы, заплаканные глаза и испачканное платье.

– Элиза, все в порядке? – Он заглянул мне в глаза. Я молчала. Оноре встряхнул меня за плечи и требовательно повторил:

– Что случилось? Ради Бога, скажи что-нибудь!

Слезы подступили к глазам. В конце концов, Оноре – мой брат, и он любит меня.

– Я... Все хорошо, Оноре, правда, – прошептала я и заплакала.

– Неправда, – угрюмо констатировал он. – Ты говоришь, что все хорошо, а выглядишь так, будто тебя целую милю тащили по грязи. Почему ты плачешь, Элиза? Расскажи мне, что произошло?

– Мужчина, – сбивчиво начала я, захлебываясь слезами, –

в лесу, возле заводи, где мы купаемся. Ты знаешь это место. Оноре выпустил мою руку.

– Господи, – упавшим голосом сказал он, – это я во всем виноват. Он... Он тебя обидел?

Я поняла, что он имел в виду. Уставившись взглядом в пол, я кивнула.

– Кто он? – потребовал ответа Оноре, схватив меня за плечи. – Клянусь, я убью его!

– Не знаю, Оноре. Я никогда раньше его не видела.

– Какое оскорбление! – Оноре вцепился себе в волосы. – Я отыщу и убью его! Клянусь тебе, Элиза!

– Убей его, – горячо выдохнула я, стиснув руку брата. – Сделай это ради меня! Он был таким... таким...

Силы оставили меня, и Оноре, поддерживая за плечи, отвел меня в комнату. Уложив на кровать, он сказал:

– Я сейчас пришлю Франсуазу, а потом пойду к дяде Тео.

– Только не это, Оноре!

Я умоляюще посмотрела на него. Мне не хотелось, чтобы о моем позоре узнали все. Хватит и того, что я открылась Оноре, а если он еще расскажет и дяде...

– Я должен сделать это, Элиза. Теперь-то уж тебе просто необходимо выйти замуж за барона, у тебя нет другого выхода. Я расскажу дяде, и он, безусловно, сделает все возможное, чтобы отыскать этого пса и воздать ему по заслугам. Я сам вырежу у него из груди сердце, клянусь.

Ненависть захлестнула меня мутной волной, и я сама ис-

пугалась собственной кровожадности.

– Да! – с радостью согласилась я. – Найди его и вырежи у него из груди сердце!

Дядя Тео был потрясен случившимся, но, к нашему изумлению, велел отказаться от всяких попыток отыскать обидчика, чтобы не допустить появления сплетен и слухов, которые могли бы расстроить свадьбу. Оноре твердил о защите моей чести, но дядя Тео оставался неумолим. Для того чтобы сохранить мое доброе имя, был уверен он, требуется одно – как можно быстрее выдать меня за барона Фридерика и никому не говорить ни слова.

– А что, – с сарказмом полюбопытствовал Оноре, – мы будем делать с первой брачной ночью? Я знаю, Фредди не слишком умен, но даже он...

– Барон, – отрезал Тео, – выпьет порядком вина за свадебным столом. Об этом я позабочусь. А на следующий день сможет винить только себя за наступившую амнезию.

– Я могу добыть склянку куриной крови, – задумчиво согласился Оноре, – чтобы иллюзия была полной.

– Твои услуги не понадобятся, Оноре, – заключил дядя Тео. – Такие люди, как барон, добросердечные и простые, видят только то, что хотят видеть, и верят тому, во что хотят верить. Так что, Оноре, я запрещаю тебе даже думать о том, чтобы найти этого... мужчину.

Дядя окинул меня взглядом. Я покраснела до ушей и прикусила губу, чтобы не разреветься.

– Мы все в этом виноваты, – добавил Тео уже мягче, – ты, я и даже ты, Элиза. Сколько раз предостерегал тебя от прогулок в одиночестве по лесу.

– Но...

– На этом обсуждение закончено. – Дядя Тео поцеловал меня в лоб. – Спокойной ночи, дитя. Мне жаль, что все так случилось, но мы не должны позволить случившемуся мешать нашим планам, ты должна это понимать.

Когда мы остались одни, Оноре с горечью заметил:

– Оказывается, наш добрый дядюшка Тео обладает железной волей.

Решение дядюшки Тео казалось нам несправедливым. Оноре, хотя внешне и покорился воле дяди, в душе не оставил планов мщения, и, когда двумя неделями позже в замок приехал Филипп, сияющий и нарядный в своем новом мундире, он, поделившись бедой с братом, призвал его в союзники.

– На карту поставлена честь нашей сестры! – горячился Оноре. – И наша фамильная честь тоже!

Филипп покачал белокурой головой:

– Ты должен был подумать о нашей чести раньше, Оноре, тогда бы ничего не случилось.

Но Оноре будто не слышал слов Филиппа – он весь кипел от праведного гнева.

– Ты забыл, что мы наполовину корсиканцы. Братство и честь для корсиканцев важнее, чем для французов. Мы не

можем оставить это преступление без возмездия.

Я переводила взгляд с одного брата на другого. В Оноре, как и во мне, возобладала корсиканская кровь. Мы оба были невысокими и черноволосыми, оба были страстными натурами и обладали бешеным темпераментом. Филипп же был настоящим отпрыском Лесконфлеров. Высокий и светловолосый, он и в критической ситуации не терял рассудительности.

– Но и корсиканец, – спокойно возразил Филипп, – не станет рисковать репутацией сестры. Мы не имеем ни малейшего представления, кто этот парень. Если начать наводить справки, руководствуясь только описанием Элизы, скоро вся округа узнает о случившемся. Заверяю тебя, Оноре, если мне доведется повстречать мерзавца, я прикончу его на месте не моргнув глазом и брошу его труп на съедение собакам. Я не трус и готов ради Элизы пожертвовать жизнью. Но жертвовать ее будущим ради удовлетворения жажды мщения мы не имеем права.

На этом о вендетте забыли. Дядя Тео написал барону письмо, в котором сообщил, что день свадьбы переносится на более ранний срок, «поскольку Элизе не терпится стать вашей женой».

Приготовление к свадьбе шли ускоренными темпами: с полдюжины белошвеек день и ночь трудились над свадебным платьем и приданым, в замке готовили комнаты для приглашенных со всей Франции гостей.

Дядя Тео вздохнул с облегчением, узнав от Франсуазы о том, что я не беременна от насильника, но свадьбу все равно решено было сыграть поскорее. Чем скорее меня сбудут с рук, тем меньше вероятности, что непредвиденные обстоятельства расстроят дядюшкины планы по спасению чести семьи. Через шесть недель после того, как я потеряла девственность, я должна была стать баронессой фон Мейер.

Шли дни. Я много читала, иногда выезжала верхом с Оноре и Филиппом, но большую часть времени проводила одна – в саду или в своей комнате. Дядя Тео запретил мне удаляться от замка за пределы видимости без сопровождения, но мера была излишней: я была слишком подавлена, чтобы по-прежнему беззаботно бродить по полям и лесам. Я больше не думала ни о бароне, ни о том, что мне предстоит. Гораздо чаще, чем мне хотелось, я вспоминала жаркий августовский день у ручья.

Я не могла забыть его и страшно злилась на себя за это. Я живо помнила каждую деталь его одежды, каждую черту его лица, улыбку, предвестницу то ли смеха, то ли грозы, глубокий голос и пронзительные серые глаза. Я закрывала глаза и, кажется, чувствовала сильные руки на своем теле, жестокие поцелуи на груди. Меня начинала бить дрожь. Я убеждала себя, что это дрожь отвращения, но ночью я не раз просыпалась с ощущением непонятного, нового для меня беспокойства во всем теле. Я ненавижу его, говорила я себе, но помимо воли волны желания захватывали меня, и я ничего

не могла с этим поделаться. За несколько минут из девочки я превратилась в женщину. Но как!

Я старалась представить себе барона в качестве жениха. Меня воротило от его приторного тона, противного сладковатого запаха пота, от одутловатого его лица, жирного студенистого живота. Девчонки в школе с хихиканьем и пришептываниями рассказывали, что длину и форму «мужского достоинства» можно определить по руке его обладателя – по ладони и пальцам. Я представляла себе пухлую бесформенную клешню барона и вздрагивала от омерзения.

С каждым днем, приближающим меня к свадьбе, я становилась все более невыносимой, вздорной и капризной. Франсуаза догадывалась, что виной тому было не только отвращение к барону.

– Ты ничуть не лучше тех глупых девчонок, которые любят тех, кто над ними издевается, – прямо заявила она как-то раз. – Я не знаю ни одной женщины, которая предпочла бы хорошего мужчину дурному. Нет, вы все хватаете того, кто похуже!

– Скажешь тоже! – возмутилась я. – Влюбиться! Я ненавижу его! Я ненавижу его так сильно, так сильно... Я просто больна от ненависти. Обещаю тебе, Франсуаза, я убью его, попадись он мне на глаза.

– Что ж, остается только надеяться, что он никогда не попадется тебе на глаза, – хмыкнула нянюшка. – Такие мужчины, как он, не приносят ничего, кроме неприятностей. Мой

тебе совет: забудь его. Когда тебе будет столько же лет, сколько мне, ты поймешь, что крыша над головой и пища в желудке куда важнее, чем то, что мужчина может вставить тебе между ног, поверь мне.

– Не смей так разговаривать со мной, Франсуаза! Мне нет до него дела! Я его ненавижу! Ненавижу! – Я сжала кулаки. – Боже, почему я так несчастна?

Я бросилась на кровать и горько зарыдала. Франсуаза, присев рядом, принялась гладить меня по голове, тихонько бормоча слова утешения. Но я не слышала ее.

Венчание было намечено на воскресенье, а в пятницу вечером устраивали грандиозный бал в честь подписания брачного контракта. Ожидали гостей со всех концов страны. К их приему уже все было готово: открыты и убраны комнаты нежилого крыла замка, выписано несметное количество еды и изысканных вин. Местное дворянство, зная щедрость барона, с нетерпением предвкушало грядущее празднество, справедливо полагая, что оно станет самым грандиозным событием в провинции со времен вступления на престол Бонапарта.

Наконец пятница наступила. После полудня я приняла ванну и по настоянию Франсуазы напудрилась и надушилась. Затем битых два часа Франсуаза и горничные колдова-

ли над моей прической, завивая волосы в тысячу мелких локонов, которые затем, подняв высоко наверх, скрепили золотым гребнем, усыпанным бриллиантами, – подарком дяди Тео. После прически наступила очередь бального наряда. Поверх нижнего платья из белоснежного шелка надели платье из прозрачной золотистой органди¹ с летящими рукавами до локтя, которое крепилось под грудью и свободно распахивалось ниже, являя взорам белоснежный шелк нижнего наряда. К восьми часам я была готова.

В последний раз придирчиво оглядев меня, Франсуаза и горничные восхищенно заахали:

– Мадемуазель, какая прелесть!

– Ах, очарование...

– Она так красива, что я сейчас заплачу!

Я нетерпеливо приказала:

– Дайте и мне посмотреть. Кто-нибудь, принесите зеркало! Не каждый день приходится видеть телка, столь пышно убранного для заклания.

Франсуаза неодобрительно покачала головой. Две горничные внесли большое овальное зеркало в рост человека, реликвию, сохраненную в доме еще со времен Короля-Солнца².

¹ Органди – очень тонкая жесткая прозрачная шелковая ткань, выработанная мелкоузорчатым переплетением.

² Людовик XIV (1638—1715) – французский король с 1643 года. Его правление считается расцветом французского абсолютизма. Легенда приписывает ему изречение: «Государство – это я».

Я взглянула в зеркало. На меня смотрело такое знакомое и все же в чем-то неуловимо чужое лицо, обрамленное черными кудрями. Бриллианты сверкали среди локонов, как звезды на полночном небе. Глаза под черными бровями мерцали, как угли, а кожа была белоснежна, как шелк платья, как лепестки розы на снегу, розовели щеки. Платье из органди окружало меня золотистым сиянием, делая похожей на недоступную сказочную королеву или гордую и неукротимую Титаник.

Слезы застили мне глаза, подернув дымкой возникшее передо мной видение божественной красоты. Сердце мое больно сжалось, и, схватив подсвечник, я с силой запустила им в эту новую Элизу. Зеркало со звоном разлетелось на кусочки.

– Я ненавижу ее, ненавижу. – И, закрыв лицо руками, я зарыдала.

Суеверная Франсуаза пришла в ужас.

– Разбитое зеркало может принести немало бед, – печально покачала она головой. – Что ждет тебя, Элиза, одному Богу известно...

– Замолчи! – прикрикнула я на няньку. – Что может быть хуже, чем выйти замуж за этого толстого германского барона, за этого шута горохового, за эту жирную обезьяну! Я вообще ни за кого не хочу выходить замуж! Я не вынесу этого!

Франсуаза обняла меня.

– Ты вынесешь, дитя мое, потому что так надо. Нельзя впадать в уныние, Элиза, ты не видишь счастья у себя под

носом. Как говорится, лучше синица в руке, чем журавль в небе. Смирись с этой истиной, иначе ты никогда не будешь счастлива. Вытри глаза.

Раздался стук в дверь.

— Пришло время взрослеть, Элиза. Пора становиться женщиной, — закончила Франсуаза и открыла дверь.

На пороге стоял мой верный жених.

— Мне будет позволено высказать мадемуазель свое уважение? — церемонно начал барон. — Я хотел бы кое-что преподнести моей девочке, это мне доставит большое удовольствие...

— Тогда входите, — грубовато перебила Франсуаза, пропуская жениха в комнату. — А вы, девушки, выйдите.

Няня жестом указала на дверь двум горничным, и те все с тем же удивленно-возбужденным выражением лиц, которое не покидало их вот уже несколько часов, выпорхнули в коридор.

Барон вежливо поклонился вслед девушкам (мы с Оноре всегда смеялись над его демократичной манерой раскланиваться с прислугой — от чистильщиков сапог до приказчиков) и засеменил ко мне.

Я смотрела на него без тени улыбки.

— Ах, драгоценная Элиза, могу я сказать вам, что вы сегодня воистину великолепны? — произнес он напыщенно и, припав на жирное колено, прижался липкими губами к моей руке. — У меня нет слов, чтобы выразить свое восхищение.

Все, что я могу, это в немом поклонении целовать след вашей ножки...

– Вы хотели говорить со мной, Фридерик?

– О да, конечно, конечно!

Барон с трудом поднялся на ноги и гордо извлек из кармана камзола обтянутый бархатом футляр. Торжественно открыв крышку, он произнес:

– Я принес вам кое-что для сегодняшнего бала, моя дорогая.

От самодовольства немец раздулся как шар, и я с трудом подавила желание поддать этот «шар» ногой. В шкатулке лежало чудовищное по своей безвкусице бриллиантовое кольцо, с купидонами и золотыми кружевами вокруг громадных камней, и такие же серьги.

Мне хватило воспитания, чтобы скрыть свои чувства.

– Фридерик, право, не стоит...

– Прошу вас, – настаивал барон, – это драгоценности моей досточтимой матушки.

Немец торжественно приложил кольцо к моей груди и восхищенно вздохнул:

– Золото для моей золотой девочки и бриллианты для той, что своим сиянием затмевает звезды!

Я выразительно посмотрела на Франсуазу, но, сделав над собой усилие, лишь вежливо поблагодарила барона:

– Благодарю вас, очень красиво.

И барон, дрожа от счастья быть допущенным наконец по-

ближе к телу любезной его сердцу дамы, застегнул массивное ожерелье.

Наконец мой несносный жених, не упустив случая раз десять поцеловать мне руку, удалился, и я, облегченно вздохнув, грустно опустила взгляд на грудь.

– Франсуаза, ты можешь представить себе что-нибудь более безобразное?

– Нет, – призналась няня, – не могу. Но ты начинаешь делать успехи, по крайней мере не швырнула подарок ему в лицо.

– Я бы не смогла, – уныло ответила я, – его и поднять-то тяжело!

Франсуаза от души рассмеялась. Ее смех был так весел и заразителен, что, не удержавшись, я тоже рассмеялась.

Вот такой, беззаботно смеющейся – впервые за много недель, – и застал меня Филипп.

– Неужели ты и впрямь смирилась с этим браком? – шепотом спросил он, когда мы направлялись в бальную залу. – Или барон купил твою благосклонность этой нелепой вещцей?

– Ни то, ни другое, – решительно заявила я, – я никогда не смирюсь со своей участью. Я просто устала печалиться и на сегодняшний вечер решила стать прежней, веселой Элизой. Я тебе нравлюсь такой?

– Ты мне всегда нравишься, – нежно заверил меня брат. Брачный пир задумывался с размахом. Подъезд к замку

был запружен каретами – я никогда не видела такого скопления кучеров в ливреях, слуг и конюших. Через каждые двадцать метров дороги дядя Тео выставил мальчишек с фонарями, чтобы те освещали путь нашим гостям. В девять мы с бароном открыли бал, станцевав первый танец, а потом я танцевала и кокетничала чуть ли не со всеми мужчинами, присутствующими на празднике. Голова моя кружилась от шампанского и танцев; чувствуя необыкновенную легкость, я наслаждалась последними мгновениями свободы. В одиннадцать Филипп пригласил меня на мазурку.

– Ты сегодня в ударе, сестрица, – сообщил он во время очередной фигуры, – но, по-моему, барон грустит. Он, конечно, польщен твоим успехом, но, я думаю, ему было бы приятнее, если бы ты уделила ему чуточку больше внимания.

– Пора ему привыкать, – весело ответила я. – После того как мы поженимся, я собираюсь завести целый сонм поклонников и об... обожателей!

– Элиза, – с шутливым неодобрением заметил Филипп, – боюсь, ты выпила слишком много шампанского.

– Ты прав. – Я довольно глупо хихикнула и похлопала его по плечу веером. – Я много выпила, Филипп, но сегодня – последний день моей свободы, и я буду делать что хочу. Буду танцевать до рассвета. Нет, до полудня завтрашнего дня, нет, до воскресного утра, а потом упаду и засну, навечно засну. До самой смерти.

– Элиза, все не так уж плохо, – рассмеялся Филипп. – По

крайней мере твой барон богат как сам черт, и я не сомневаюсь, сестренка, ты сумеешь обвести его вокруг своего маленького пальчика.

– Надеюсь. Ой, Филипп, если бы он не был таким безобразным! Он напоминает мне поганку, такую расплывшуюся и бородавчатую. Бррр...

Мазурка закончилась. В перерыве между танцами я услышала, как дворецкий объявил еще одного гостя:

– Господин Арманд Чарльз Александр Валадон, маркиз де Пеллиссьер.

Я взглянула на вошедшего, и... бокал выпал из моих рук. Все разом повернули головы в мою сторону, а слуга опрометью кинулся убирать осколки.

– Элиза, что с тобой, тебе плохо? Ты побледнела как полотно.

– Филипп, скорее уведи меня отсюда, – прошептала я. – Уйдем прямо сейчас!

– Но почему...

– Прошу тебя, умоляю!

Филипп вывел меня из залы и усадил в гостиной, в нише окна.

– Тебе принести воды со льдом? Мороженого? Зачем ты столько пила...

– Филипп... – Меня трясло. – Филипп, это он. Это тот человек... из леса.

– Кто, Элиза?

– Маркиз Пеллиссьер, Филипп.

Филипп побледнел.

– Боже...

Я смотрела на брата с мольбой.

– Как нам быть, Филипп? Если он меня увидит, он скроется. Убей его! Мы... Я... Я так его ненавижу, Филипп! Надо что-то придумать!

Филипп нахмурился и пристально посмотрел на меня.

– Ты уверена, что это он, Элиза? – спросил немного погодя брат. – Ты не могла обознаться?

– Нет, Филипп, клянусь тебе, нет! Я его сразу узнала! Я... Я даже разглядела шрам на щеке, там... там, где я ударила его кнутом. Филипп, Боже мой, мне нехорошо.

Филипп обнял меня за талию.

– Постарайся взять себя в руки, Элиза, и выслушай меня. Ты в состоянии идти самостоятельно? – Я кивнула. – Тогда ступай в библиотеку и жди меня там. Все не так просто. Он влиятельный господин, один из любимчиков Наполеона. Я разыщу Оноре, и мы решим, что делать. Все будет хорошо, Элиза, обещаю тебе. А сейчас иди.

Закрыв за собой дверь библиотеки, я прислонилась к косяку и закрыла глаза. Сердце мое, казалось, было готово выпрыгнуть из груди, мне не хватало воздуха. С трудом я добралась до стеклянной двери, выходящей на балкон, и распахнула ее. Ночная прохлада ворвалась в комнату, прояснила мысли. Внезапно я успокоилась, и тогда ко мне пришла

злость.

Как он посмел! Как смел он явиться в этот дом накануне моей свадьбы?! Ничего, он поплатится за дерзость. Уж в этом я была уверена! Филипп и Оноре не дадут ему уйти: в том, что касается защиты моей чести, я могла положиться на братьев. Да, они подчинились приказу дядюшки и не разыскивали моего обидчика, но если он сам явился в наш дом... что ж, тогда они уничтожат его как опасного, злого зверя, каковым он, по сути, и является.

Нет, они не станут выяснять отношения прилюдно, не делают ничего такого, что может бросить тень на мое имя. Разговор произойдет с глазу на глаз: «Добро пожаловать в замок Лесконфлеров, сударь. Мы рады видеть вас на свадьбе сестры. Как мы понимаем, вы уже имели счастье с ней видеться. Как, вы так не считаете? Припомните, сударь. Припомните то, что случилось шесть недель назад...»

И вот тогда они, укрывшись от любопытных глаз, обсудят все условия дуэли. Филипп, прекрасный фехтовальщик, маэстро шпаги, предложит оружие. Оноре будет секундантом. Филипп Лесконфлер и Арманд Валадон со шпагами в руках встанут друг перед другом. Я уже почти слышала веселый звон скрестившихся клинков, тяжелое дыхание мужчин, видела ловкие выпады. Филипп немного учил меня фехтованию, и мне нетрудно было представить каждый жест дуэлянтов.

«Убей его за меня, Филипп, – повторяла я про себя. – Про-

ткни его насквозь и принеси мне его сердце на кончике шпаги!»

Дверь открылась. На пороге стоял маркиз Пеллиссьер, а сзади, вплотную, – Филипп и Оноре. На губах маркиза играла циничная усмешка, та самая, что преследовала меня во сне и наяву вот уже шесть недель. Он переступил через порог. Оноре и Филипп вошли следом и закрыли дверь.

– Прошу вас, господа, не так напористо, – сказал маркиз. – Мне чертовски жаль испортить бархат.

– Напрасные опасения, милорд, – ласково ответил Филипп. – В гробу прореха на спине будет незаметна. Напротив, все будут восхищаться тем, как хорошо вы смотрите в состоянии вечного покоя.

Нож Оноре упирался в спину маркиза.

– Это наша сестра, милорд, – представил меня Оноре, – но, боюсь, представления излишни. Вы уже знакомы.

– Разве? Я не припомню, когда имел счастье.

Я вышла из тени на середину комнаты, где было светлее. Лицо маркиза расплылось в насмешливой улыбке.

– Ну конечно, теперь вспомнил. Тогда, мадемуазель, вы были одеты по-другому. Если бы не ваш наряд тогда...

Оноре ткнул его под ребра.

– Похоже, вы забыли приличия в том же лесу, в котором моя сестра оставила честь, – резко сказал Оноре. – Но быть может, вы оба восстановите утраченное, если месье поведет себя как джентльмен. Вы не припомните, о чем мы с вами

толковали несколько минут назад?

– Разумеется, помню. Острие вашего ножа хорошо освежает память, мой друг, – ответил маркиз. – Но, уверяю, у вас нет необходимости в таких грубых приемах. Мы ведь не в Сицилии.

– Мы – корсиканцы, сударь, – мрачно поправил гостя Оноре. – В наших жилах течет горячая корсиканская кровь, такая же, что и у императора. И, как и он, мы не прощаем оскорблений, но, как и он, мы умеем быть благоразумными.

– Предмет переговоров – ваша жизнь, – заговорил Филипп.

– Какие переговоры? – возмутилась я. – Что еще за переговоры? Почему он еще жив?

– Минутку, Элиза, – перебил меня Оноре. – Ну так как, милорд, вы приняли решение?

– Слово «решение» подразумевает выбор, – холодно заметил маркиз. – А у меня, насколько я понимаю, выбора нет.

Арманд Валадон шагнул ко мне, и я не отстранилась, не отступила. Я встретила его взгляд спокойно и холодно, хотя сердце мое разрывала ненависть. В этом человеке было нечто грозное и неотвратимое, словно он был вестником грозного рока или самой смерти. Маркиз склонил голову.

– Мадемуазель Лесконфлер, не окажете ли вы мне честь, приняв мою руку и сердце?

– Что?!

Возмущенная, я обернулась к братьям.

– Так вот, значит, как в вашем представлении выглядит защита чести сестры? Труссы! Да я лучше умру, чем выйду за злодея! Дай мне свой нож, Оноре, – потребовала я, протянув руку, – я убью его своими руками, как и обещала. Вот так братья! Лучше бы я попросила помощи у малолетних детей.

– Элиза, – вспыхнул Оноре, – успокойся. Это была идея Филиппа. Я всегда был за то...

– Брак – наилучшее решение, – с холодной улыбкой объявил Филипп, – для всех присутствующих.

– Вы испугались! Вы труслили перед императором! Стыдитесь! Франции не нужны трусы! Выйти за него замуж? Одна мысль об этом для меня оскорбительна!

– Я с вами совершенно согласен, мадемуазель, – заявил с улыбкой маркиз. – Может быть, мы сможем достичь понимания, и тогда...

– Мне не нужно никакого понимания, – отрезала я, – мне нужна твоя кровь!

Маркиз зевнул и опустился в кресло.

– Разберитесь пока между собой, господа, а я подремлю. Дадите мне знать, когда придете к общему мнению.

– Ты выйдешь за него замуж, – твердо заявил Филипп. – Элиза, побудь с господином маркизом, пока мы с Оноре займемся приготовлениями. У вас есть час на то, чтобы поближе познакомиться, прежде чем вас объявят мужем и женой.

– Познакомиться?! Обвенчаться?! – кричала я. – Вы, должно быть, шутите!

– Поверь мне, Элиза, – устало объяснил Филипп, – это единственный выход, наилучший. – Он повернулся к моему новоявленному жениху: – Не пытайтесь улизнуть, милорд. У окон и дверей я выставил вооруженную охрану. Им приказано убить вас, если вы появитесь без сопровождения одного из нас.

Маркиз кивнул и, зевнув, закрыл глаза. Оноре и Филипп вышли, оставив нас наедине.

Я нервно мерила шагами комнату. В те минуты я ненавидела братьев сильнее, чем своего обидчика. Они меня предали. Мне не у кого искать помощи. Я остановилась и украдкой взглянула на дремлющего маркиза. Сложив на груди руки, он тихонько посапывал.

Я топнула ногой.

– Как вы смеете спать? Немедленно проснитесь и убирайтесь отсюда!

Он приоткрыл один глаз.

– Простите меня, мадемуазель, но у меня сегодня был трудный день, а вечер, кажется, предстоит еще более утомительный.

– Убирайтесь! – Я указала ему на дверь. – Вы меня слышите? Убирайтесь немедленно! Сейчас же!

Маркиз поднял брови.

– Чтобы угодить в объятия стражников? Вам ведь этого хочется, не так ли? Нет уж, спасибо, мадемуазель, я лучше останусь здесь.

– Вы... Вы – ничтожество! – сказала я – Вы самый ничтожный червь, вы – хам, меня от вас тошнит!

– Прошу прощения, мадемуазель, за то, что мой вид вызывает в вас такие неприятные чувства. Большинство женщин реагируют на меня по-другому.

– Большинство женщин, – фыркнула я, – безмозглые создания. Я знаю, что вы из себя представляете. Жестокий, самодовольный, бесчувственный хам. Скот. Животное. В вас нет ни на грош порядочности!

– Порядочность, воспитание, хорошие манеры... До сих пор меня никто не обвинял в отсутствии оных. Другое дело, что я веду себя в соответствии с обстоятельствами, а в вашем конкретном случае обстоятельства меня подвели. Как мне, по-вашему, следует обращаться с дамой, знакомство с которой было достаточно кратким и которая, кажется, очень скоро станет моей женой? Наша первая встреча состоялась при весьма пикантных обстоятельствах, и я смело могу сказать то же, что и вы: я видел вас, мадемуазель, такой, какова вы есть на самом деле – блудливой, капризной и бешеной, – закончил свою сентенцию маркиз и со вздохом заключил: – Да, моя маленькая леди, вы – дикарка, и перспектива заполучить вас в жены меня пугает.

– Как вы смеее так со мной разговаривать? – Я сжала кулаки. – Вы... Вы подло на меня напали. Вы – самодовольная свинья! Ублюдок! Скотина!

– У вас весьма обширный лексикон, – заметил Валадон. –

Должно быть, вы владеете полным набором площадной бра-
ни.

– Вы – отвратительный, ужасный человек!

Валадон надо мной смеялся.

– С трудом верится, что в наш просвещенный век супру-
жество должно быть неизбежным следствием краткого аль-
янса. Провинция... Отсталые нравы... И я, похоже, попался
в лапы грубых, дурно воспитанных людей...

Я пошла на него с кулаками.

– Если уж кого называть грубияном, так это вас!

– ... пытающихся взвалить вину за незначительное про-
исшествие...

– Ничего себе незначительное!

– ... на плечи жертвы.

Я онемела от такой наглости. Он встал с кресла и прошел-
ся по комнате.

– Очень мило, – заметил маркиз, взглянув на мой портрет
работы Давида, где я была изображена в образе Дианы-охот-
ницы. Портрет был написан по заказу Наполеона к моему
шестнадцатилетию. – Но не вполне точно. Чтобы передать
эти искры в глазах, этот румянец и эту поразительную осо-
бенность – набухание груди, когда вы сердитесь, нужна кисть
посильнее. Эта картинка слишком слащава, слишком невин-
на. А вы не невинны, Элиза, вы никогда не были невинной
овечкой.

Я схватила со стола дяди Тео тяжелую серебряную чер-

нильницу и швырнула ему в голову. Однако маркиз увернулся, и чернильница врезалась в одну из любимых статуэток дяди Тео, приказав фигурке долго жить. В мгновение ока этот несносный человек оказался рядом и схватил меня за руки. Я попыталась его лягнуть, но на мне были парчовые бальные туфельки, и как оружие они негодились.

– Вы – испорченный, невоспитанный ребенок, мадемуазель, – заключил Валадон. – Клянусь, если бы вы были моей, я бы бил вас до бесчувствия. Мне не слишком нравятся избалованные дети...

– Кроме тех случаев, когда вам хочется их насиловать!

Маркиз широко улыбнулся, и пальцы его больно впились в мою руку.

– Вы знаете, что потеряли невинность только потому, что чуть не выцарапали мне глаза. Вас следовало проучить, и я преподавал урок, всего один.

– Лжец! – выплюнула я ему в лицо. – Вы бы все равно это сделали!

– Разве? Может, вы и правы, только правды нам никогда не узнать. Вы были так соблазнительны – как спелое яблочко, которое только и ждет, что его сорвут. Редкие девушки купаются нагими в глуши, а потом, даже не удосужившись одеться, лежат на травке и мечтают о любви. В конце концов меня можно простить: ведь я всего лишь мужчина, а не святой. – И он отпустил меня.

Дрожа от гнева, не в силах от ярости вымолвить ни слова,

я растирала запястье, сердито глядя на покрасневшие места. Валадон между тем снова уселся в кресло, закинув ногу на ногу.

– Мы должны отнестись к тому, что произошло, как цивилизованные люди, а не как варвары. Наш брак будет роковой ошибкой, ведь между нами ничего не было, кроме мимолетного желания, подогретого жарким и душным полуднем.

– Но...

– Вы ведь выходите за барона фон Мейера, как я слышал? – невозмутимо продолжал маркиз. – Вот и прекрасно! Нарожайте ему с десятков чудных сыновей, и давайте забудем эти глупости. Уговорите братьев довольствоваться иной формой компенсации.

– Если я и стану их о чем-нибудь просить, – процедила я сквозь зубы, – так только о том, чтобы они проткнули вас насквозь. Вы думаете, я хочу стать вашей женой? Лучше умереть!

Дверь распахнулась, и в комнату вошли Оноре и Филипп в сопровождении престарелого прелата, с трудом передвигавшего ноги.

– Нам повезло, Элиза, – возбужденно воскликнул Оноре. – Среди гостей оказался кардинал Франческо Паоло де Куера. Мы все объяснили кардиналу, и он любезно согласился пойти нам навстречу.

– Нет! – отрезала я. – Нет, нет и еще раз нет.

Братья замерли.

– Вы что, не понимаете? Я не хочу выходить замуж за это чудовище! Никогда! Я лучше пойду за самого дьявола, чем...

– Ради Бога, Элиза, – нетерпеливо перебил Филипп. – Ты рыдаешь дни напролет, потому что приходится выходить за барона, а теперь, когда сам маркиз Пеллиссьер просит твои руки, упираешься как ослица.

– А кто оплатит долги Оноре?

– Не думай об этом, Элиза. Мы сами найдем выход.

Ничего себе! Сначала любимые родственники собирались разбить мою жизнь, только чтобы не допустить скандала, который мог разразиться по вине Оноре, а теперь они заявляют, что его долги – пустяк, с которым можно легко управиться! Я сжала ладонями пылающие щеки.

– Ужас! Безумие!

– Не могу с вами не согласиться, мадемуазель, – нарушил тишину голос маркиза.

Престарелый кардинал нетвердым голосом осведомился:

– Мы можем начинать? Благословляю вас, дети мои.

– Да, святой отец, да, – сказал Оноре, подводя кардинала к нам с маркизом.

– Какое чудное утро, – проворковал старичок. – Да?

– Святой отец в маразме, – заявил маркиз. – Он невменяем!

Нас обвенчал в библиотеке замка безумный итальянский прелат при двух свидетелях: Оноре и Филиппа, как того и

требует закон. В конце церемонии прелат извлек откуда-то из глубин своего облачения соответствующий документ.

– Да благословит Господь барона и баронессу, – сказал священник, протягивая для поцелуя руку.

Глядя на нас слезящимися глазами, он предложил нам поцеловаться в знак скрепления союза. Арманд Валадон громко захохотал:

– Он думает, что я – барон. Наш брак недействителен!

– Обряд имеет законную силу, – холодно возразил Филипп. – Можете быть уверены.

И в этот момент в комнату ворвались дядя Тео и настоящий барон.

– Элиза, где ты была? – набросился на меня дядя. – Все спрашивают...

Тео посмотрел на кардинала, потом на маркиза, потом взгляд его упал на документ на столе. Дядя все понял.

– Милосердный Боже, – выдохнул он и тяжело опустился на стул. Барон начал что-то щебетать по-немецки.

– Маркиз де Пеллиссьер – тот самый человек, которого мы искали, – заявил Оноре. – Он предпочел женитьбу на Элизе неминуемой смерти. Церемония состоялась несколько минут назад.

– Вы с ума сошли? – спросил дядя Тео, сжимая побелевшими пальцами подлокотник кресла. – Вы понимаете, что вы сделали?

– Не беспокойся, дядя, барону все будет возмещено, обе-

щаю.

– О браке не может быть и речи, слышите вы? Я добьюсь аннулирования документа! Я запрещаю!

– Свадьба? Похороны? Церемония? – вмешался барон. – Я ничего не понимаю. Что сделала моя золотая девочка?

И тут началось. Дядя сыпал словами, пытаясь что-то внушить барону, барон безутешно рыдал, Филипп и Оноре отстаивали законность обряда, а кардинал кротко улыбался всем присутствующим. Арманд Валадон стоял у открытого окна, не принимая участия в общем сумасшествии, и безмятежно любовался фонтанами огней. В полночь планировался грандиозный фейерверк, долженствующий ознаменовать счастливое событие – объединение домов фон Мейеров и Лесконфлеров. Фейерверк пустили точно в назначенный час, но никто из присутствующих в комнате, за исключением маркиза, так и не наслаждался зрелищем.

Дядя Тео наконец заметил моего новоявленного супруга и потребовал от него немедленно увезти меня из замка. Филиппу пришлось с полчаса уговаривать дядю смириться и разрешить мне остаться до утра, чтобы Оноре смог сопровождать нас с маркизом до его поместья под Парижем.

Я подошла к дяде и хотела обнять его, но он отстранился.

– Не надо, Элиза, мне и так хорошо. Я должен был предвидеть, что ты в конце концов поступишь по-своему. Дурак я был, ожидая от тебя и братьев послушания. Все вы, корсиканцы, дикари, и ваш Бонапарт не исключение!

Если уж дядя решился помянуть Наполеона, то, видно, он и вправду был здорово расстроен. Даже Филиппу не удалось примирить его с происшедшим. В конце концов нас с маркизом выпроводили из библиотеки.

– Я покажу вам спальню, – обратился Филипп к Валадону.

Сердце мое упало. «Боже, только не это», – подумала я.

– И вы собираетесь проследить за тем, чтобы я исполнил супружеский долг? – холодно поинтересовался маркиз.

Филипп напрягся.

– Милорд, у нас у всех выдался нелегкий вечер, так давайте вести себя как джентльмены...

– Но я могу надеяться, что меня по крайней мере не проткнут шпагой, сделав мою жену вдовой еще до того, как она вкусит семейных радостей? – Маркиз обернулся ко мне: – Пойдем, дорогая, к гостям, ведь этот бал устроен в честь твоей свадьбы, не так ли? – Он взял меня под руку и твердой рукой повел в залу, полную гостей, не имеющих ни малейшего представления о драматических событиях, разыгравшихся в библиотеке. – По всем правилам мы должны явиться на бал вместе.

– Нет!

Я попыталась вырваться, но у Валадона была железная хватка. Я умоляюще посмотрела на братьев, но они отвели глаза: я стала женой маркиза, его собственностью, и он был волен поступать со мной по своему усмотрению.

– Я умоляю вас, – обратилась я к мужу, – избавьте меня

от необходимости выходить к гостям вместе с вами.

Маркиз окинул меня равнодушным взглядом.

– Теперь мы муж и жена, и нам часто придется бывать в обществе вместе. Вам стыдно, – спросил он, неприятно нажимая на последнее слово, – быть моей женой? Может быть, вас смущает внезапность всего происшедшего? Я не могу вас за это винить. Я и сам несколько растерян. До сих пор у меня был один безотказный способ бороться со смущением: не замечать его, поскольку это чувство всегда связано с мыслью, что о вас могут подумать окружающие. Но ведь нам на это наплевать, не так ли? Иначе, Элиза, вы не вели бы себя так бесстыдно в лесу. Или вы все еще смущены воспоминанием? По моим личным наблюдениям, у вас вообще нет никакого стыда. – И он потащил меня по длинному коридору в зал.

Я была готова умереть от стыда, чувствовала себя униженной, раздавленной, выставленной на посмешище и тем не менее шла, не опуская головы, шла рядом с ним так, будто ничего естественнее этой ситуации и вообразить было нельзя.

Наконец мы были у дверей бальной залы. Я инстинктивно подалась назад.

– Нет, не могу, – прошептала я, – я отказываюсь туда идти.

– Мадам, – голос его перекрыл гул толпы и гром оркестра, – прошу не забывать, что теперь вы – моя жена! За время нашего недолгого знакомства я успел понять, что вы капризны, эгоистичны и упрямы. Вы любите, чтобы все было по-

вашему. Или вы мне подчинитесь, или я заставлю вас пожалеть о своем упрямстве.

Маркиз обвел взглядом зал. Как только он заговорил, все разговоры разом стихли, даже музыканты прекратили играть, наступила полная тишина.

– Простите нас, дамы и господа, – обратился маркиз к гостям, – вы прибыли сюда, чтобы отпраздновать свадьбу, так веселитесь! Музыканты, прошу вас, вальс.

Толпа подалась назад, освобождая нам место. Мой муж развернул меня к себе лицом, и я уже было занесла руку, чтобы залепить ему пощечину, но он перехватил ее в воздухе и поднес мои пальцы к губам. Затем, не смущаясь отсутствием музыки и ропотом возбужденной скандалом толпы, закружил меня в танце. Наконец оправившиеся от потрясения музыканты заиграли вальс.

– Я никогда вас не прощу, – шипела я.

– Никогда – слишком долгий срок, мадам. О, да вы прекрасно танцуете! Раз-два – три, раз – два-три... Весьма недурно.

– Я ненавижу вас! – цедила я сквозь стиснутые зубы. – Лучше бы я вышла за обезьяну!

– Лучше бы я женился на кобре. – Кажется, он разозлился. – Но это так, между прочим. Кстати, почему бы вам не улыбнуться гостям. Невесть что о нас могут подумать.

– Мне наплевать, о чем они думают!

Маркиз укоризненно покачал головой:

– Мне следует заняться вашей речью, мадам. Ваш лексикон пугающе груб. – И он вдруг притянул меня к себе так, что наши тела оказались тесно прижатыми друг к другу.

Толпа дружно ахнула. Он кружил меня все быстрее и быстрее, я перестала различать лица окружавших меня людей, куда-то ушли смущение и злость. Я видела лишь его одного, чувствовала только упрямую силу его тела, теплое дыхание, волнующее прикосновение руки. Я закрыла глаза, голова моя откинулась назад, и я почувствовала его губы на шее...

Музыка внезапно прекратилась. Мы остановились. Голова моя кружилась, и я бы упала, если бы не его сильные руки.

– Господа, – произнес маркиз, обращаясь к залу, – мы с женой благодарим вас за теплые поздравления, но сейчас уже поздно, и мы устали.

Затем, к моему ужасу, он подхватил меня на руки и понес вверх по лестнице. Наверху он остановился и возмущенно спросил:

– Кто-нибудь покажет нам, где спальня, или я должен исполнить свой супружеский долг прямо в зале?

Слуга с квадратными от удивления глазами бросился к нам:

– Сюда, пожалуйста, мой господин.

Наконец мы оказались одни в роскошно убранной спальне, залитой золотистым сиянием сотни свечей.

– Неплохо, – заключил он, окинув взглядом помещение. –

На мой взгляд, немного вычурно, во вкусе барона. А, я вижу, какой-то заботливый человек приготовил для нас шампанское! Должно быть, тот из ваших братьев, у которого лучше развито чувство юмора, Филипп, если я не ошибаюсь. Жаль, что мы не сможем стать друзьями. Выпьете?

Я молча смотрела на него.

– Как хотите, – сказал он, пожимая плечами. – Шампанское весьма недурно. – Он с чувством провел ладонью по кровати, чуть покачал матрас, проверяя его упругость и мягкость. – Насколько я понимаю, шампанское в спальне молодоженов служит для устранения излишней скромности и смущения... – маркиз искоса смотрел на меня, – ...успокоения нервов, приглушения боли, если боль возможна. Но вы, конечно же, уже не девственница...

– Благодаря вам, милорд, – прервала я его монолог.

– Благодаря мне. Мы и в самом деле давние знакомые, вы и я.

Валадон наполнил бокал вновь и опустил в кресло.

– Эта импровизированная свадьба, Элиза, доставляет мне некоторые неудобства.

– Рада слышать.

Маркиз нахмурился.

– Всякий раз, как я встречаю вас, мне приходится прерывать свой путь. Будь вы другой, я, может быть, и благословил бы те необычные обстоятельства, которые свели нас. – Маркиз усмехнулся. – Вы, вероятно, хотите, чтобы я не прика-

сался к вам этой ночью, и тогда наш брак будет признан фиктивным, не так ли? В этом случае, когда уляжется скандал, вы сможете снова выйти замуж, хотя бы за этого гротескного немца.

– Я не прошу одолжений, – сказала я холодно.

– Скорее всего их и не будет. В конце концов, гораздо приятнее провести ночь в роскошном замке в обществе благородной дамы, чем в маленькой грязной каморке провинциальной гостиницы в компании уличной проститутки. Вы не находите? Снимайте ваше платье, мадемуазель, или, скорее, мадам, и давайте приступим к делу.

От страха у меня задрожали поджилки. Облизнув внезапно пересохшие губы, я заявила:

– Не стану.

– Вы должны, – спокойно ответил он. – Я ваш муж, и вы должны мне подчиняться. – Валадон поставил пустой бокал на столик. – Раздевайтесь. Я хочу еще раз взглянуть на то, что купил, спасая свою голову.

– Нет, сударь. – Я надеялась, что мой голос не выдал страха. – Если вы решили изнасиловать меня в моем собственном доме, я не могу вас остановить. Но и помогать вам я не стану. Я буду бороться до конца, насколько у меня хватит сил.

Арманд Валадон чуть улыбнулся и принялся гасить свечи, одну за другой, неторопливо подходя к каждому канделябру по очереди. Когда комната погрузилась во мрак, он раздел-

ся, бросил одежду на стул и по мерцающей лунной дорожке подошел ко мне.

Отступив к низкому туалетному столику, я закрылась руками и, судорожно вздохнув, закрыла глаза. Почувствовав нежное прикосновение его ладоней, я внутренне сжалась, но поклялась не показывать страха. На этот раз я не буду просить о пощаде, не буду кричать и плакать. Я просто выберу удобный момент и нападу.

Расстегнув верх моего платья, он медленно спустил его с плеч. Я напряглась и резко подняла вверх колено. Его реакция была мгновенной: прикрыв одной рукой пах, другой он схватил меня за волосы и грубо откинул назад голову, едва не свернув при этом мне шею.

– Только без глупостей, мадам, – прошипел он. – Зачем вам жених без главной доблести?

– Будьте вы прокляты!

Валадон снял с меня кольцо и серьги – подарок барона.

– Надеюсь, это не часть приданого, – сказал он, небрежно бросая бриллианты на пол. Затем вынул из прически тяжелый гребень, и кудри мягкой волной упали мне на плечи.

Я замерла под его поцелуями, чувствуя, что решимость моя тает и я становлюсь податливой как воск. Рука его скользнула вниз, к ягодицам, и, когда он стал нежно сжимать их, я застонала. Каждая клеточка моего тела искрилась жизнью, каждый нерв трепетал.

Руки мои, не повинуюсь рассудку, стали гладить его плечи

и спину. Я обняла его за шею, утопила пальцы в его густых волосах. Чуть разведя бедра коленом, он ласкал меня мягкими толчками, и, казалось, я чувствовала его плоть внутри себя. Застонав, я в изнеможении прижалась к нему.

Тогда он подхватил меня на руки и понес к кровати. Блаженная истома охватила меня; я закрыла глаза и положила голову ему на плечо. А далее произошло нечто совершенно необъяснимое. Остановившись перед кроватью, он мгновение подержал меня на руках, а потом... даже не положил, а просто бросил на постель.

– Спокойной ночи, мадам.

Я не видела ясно его лица, но по голосу поняла, что он ухмыляется. Вала дон перекинул через плечо одежду и взял в руки туфли.

– Куда... куда вы идете?

– Спать в гардеробной, куда же еще? Спите спокойно, моя леди. Я не скотина и не варвар. Я не стану насиловать вас... сегодня.

С этим он удалился в смежную комнату.

Я зарылась лицом в подушку. План его стал мне совершенно ясен. Он не взял меня, потому что я сама этого хотела, слишком хотела, и он это почувствовал. Господи, наверное, я действительно бесстыдная и развратная женщина. И сейчас он, конечно, смеется надо мной. Что ж, поделом мне. Я сама своим поведением избавила этого негодяя от всякого чувства вины за то, что произошло возле озера. Я на самом

деле оказалась ничем не лучше уличной шлюхи.

Всю ночь я не спала, не в силах перебороть голод, снедавший меня изнутри.

Глава 3

МЕДОВЫЙ МЕСЯЦ

Мы покинули замок в предрассветном сумраке, когда дядя Тео и гости еще спали. Оноре и Филипп намеревались сопровождать нас верхом для пущей уверенности, что маркиз не сбежит до той поры, пока не привезет меня в свое имение и не объявит хозяйкой своих владений, маркизой Пеллиссьер. Оноре взял с собой пару пистолетов, шпагу, охотничий нож, и, когда маркиз вежливо осведомился, не причинит ли такое обилие оружия вреда владельцу, бедный братец вспыхнул до корней волос.

Франсуаза собрала два сундука с одеждой, которая могла мне понадобиться во время путешествия и первое время в новом доме. Сундуки привязали у козлов³, а с собой в карету я взяла только саквояж с самым необходимым.

На мне был костюм, сшитый специально для поездки в Баварию, в имение барона: бархатный зеленый дорожный костюм с черной отделкой. Жабо из нежнейших белоснежных кружев, особенно эффектное на фоне почти мужского кроя жакета, очень удачно, по крайней мере по заверениям портнихи, подчеркивало овал моего лица. Франсуаза причесала меня так, чтобы из-под полей маленькой шляпки виднелись

³ Козлы – сиденье для кучера в передке экипажа.

черные локоны.

Франсуаза умоляла Филиппа и Оноре разрешить ей поехать со мной.

– Это неслыханно, – говорила она, – чтобы молодая дама ехала без сопровождения женщины!

– Не печалься, Франсуаза, – отвечал Филипп. – Элиза пришлет за тобой, как только устроится на новом месте. Через неделю-другую.

– Мы должны ехать очень быстро, – высокомерно добавил Оноре, – поэтому карета должна быть как можно легче. – Оноре выразительно глянул на внушительный зад Франсуазы. – Лишний груз нам ни к чему.

– На себя посмотри, мальчишка, – не осталась в долгу няня. – Уйди с глаз моих, а то не посмотрю, что ты уже вырос, и задам тебе хорошую трепку.

Я обняла няню.

– Франсуаза, ну почему я должна ехать с этой скотиной? Нянюшка похлопала меня по плечу.

– То, что случилось, к лучшему, попомни мои слова. Ты не пожалеешь!

– Я уже жалею! Я не встречала еще никого, кого бы я так, так... – Подняв глаза, я увидела, что мой муж стоит в дверях, небрежно облокотясь о косяк. Перехватив мой взгляд, он насмешливо поклонился. – Я ненавижу его! – воскликнула я и сорвавшимся голосом добавила: – А он ненавидит меня.

Франсуаза хмыкнула.

– Разве? Он злится только потому, что мужчины предпочитают сами выбирать и время для женитьбы, и будущую жену. Но, будь уверена, ты ему понравишься, и он будет благодарить небо, что ему досталась такая жена. Ты самая красивая девушка во всей Франции, и, несмотря на вечные капризы, ты – добрейшая душа. Дай ему месяц, и он не променяет тебя на весь уголь Китая.

– Чай, Франсуаза, на весь чай Китая, – мягко поправила я.

– Элиза, поторопись, – нетерпеливо прикрикнул Оноре, натягивая поводья.

Маркиз открыл дверь кареты и протянул мне руку, чтобы помочь войти, но я демонстративно отстранилась. Устроившись на сиденье, я бросила последний взгляд на родной дом, ибо замок Лесконфлеров был единственным домом, который я знала. Тоска подступила к моему сердцу, но я приказала себе: «Соберись. Ты ничего не боишься, и он никогда не увидит твоих слез».

Карета тронулась. Искоса взглянув на маркиза, я увидела, что он дремлет. К лучшему, решила я. Мы не обменялись ни единым словом, даже не пожелали друг другу доброго утра, и я не собиралась нарушать молчание первой. Я буду молчать до конца нашего путешествия, дала я себе слово.

Словно чувствуя мой взгляд, маркиз улыбнулся одними кончиками губ. Должно быть, ему снится, говорила я себе, какая-нибудь трактирщица или проститутка. Ничего, он скоро к ним вернется. Мне от него ничего не нужно.

Воспоминания прошлой ночи не оставляли меня, заставляя краснеть от злости. Господи, с каким желанием раскрылась я навстречу его умелым поцелуям, я буквально молила его взять меня! Я не могла забыть, какое наслаждение доставили мне те мгновения. Мужчина, способный довести женщину до такого бесстыдства, должно быть, не кто иной, как сам дьявол, оправдала я себя наконец и потрясла головой, словно чтобы избавиться от мучительных воспоминаний.

Спящий, он казался совсем безобидным и вовсе не похожим на дьявола. Правильные и мужественные черты его лица, жесткие и резко очерченные даже во сне, не несли печати порока или зла. Он был красив и силен. Неожиданно я поняла, что люблюсь этим лицом. Мне нравились волевой подбородок, форма его ушей и то, как они прижаты к голове. Честное слово, маркиз оказался самым красивым мужчиной из тех, кого я встречала в жизни.

Вероятно, он не любит жабо и шейные платки, думала я, глядя на открытый ворот его рубашки. Его одежда была проста, он не носил перстней, и, если бы не прекрасный крой и дорогая ткань, его можно было бы принять за крестьянина.

– Если вы уже удовлетворили свое любопытство, мадемуазель, пardon, мадам, – он приоткрыл один глаз, – я попросил бы вас переключить ваше драгоценное внимание на что-нибудь другое и дать мне вздремнуть.

– Если вам не спится, я тут ни при чем! – фыркнула я.

– Нет, при чем. Жар, исходящий от этих горячих глазок,

очень даже меня согревает. — Маркиз открыл другой глаз. — А когда женский взгляд так горяч, мысли любого мужчины поворачиваются на любовь.

— Как вы смеете предлагать мне подобные вещи! Не прикасайтесь ко мне! Не подходите!

— Играем в оскорбленную невинность? — пробормотал он. — Ну-ну.

Я демонстративно отвернулась к окну, а через несколько минут тихое сопение из угла кареты известило меня о том, что мой муж действительно уснул. Брошенный украдкой взгляд подтвердил догадку.

За все утро мы останавливались всего однажды — чтобы сменить лошадей, и второй раз уже днем, чтобы перекусить. У небольшой таверны вблизи Тура мы встретили верховых в военной форме. Офицер, подойдя к Оноре и Филиппу, попросил разрешения осмотреть карету. Не увидев у нас ничего подозрительного, солдаты, разбившись на небольшие группы, ускакали.

— Поиски идут полным ходом, — сообщил Филипп, помогая мне выйти из кареты. — Будем надеяться, им удастся поймать этого парня.

— Кого, Филипп? — спросила я, опираясь на его руку.

— Какого-то шпиона. Он выкрал план боевых действий и удрал прямо из-под носа генерала Боли. Это произошло в Анжу несколько недель назад. А пару дней назад кто-то взорвал военный склад недалеко отсюда. Я думаю, это один и

тот же человек. Англичанин.

– Какая низость! – возмутилась я. – Эти англичане никогда не научатся вести себя как порядочные люди. Ты помнишь Лондон, Филипп? Шум, крик – как на базаре. А английская кухня просто отвратительна!

– Действительно мерзость, – согласился Филипп. – Вы согласны, сударь? – Он обратился к маркизу, потягивающемуся на солнышке.

– Полагаю, вы правы, – безразлично согласился маркиз. – Но слуги их, знаете ли, показались мне лучше наших. Я думаю, что как нация они скорее рождены служить, чем управлять.

Филипп от души рассмеялся.

– Надеюсь, мы когда-нибудь заставим их послужить нам! Вы говорите на их языке?

– На английском? – Моего мужа, кажется, обидел вопрос. – Ужасный язык, грубая какофония. Я никогда не стремился его выучить, так как уши мои не в силах слышать то, что говорит язык.

В этот момент к нам подошел Оноре, и мы отправились в трактир.

После обеда мы продолжили путь. Оноре сел со мной в карету, а Валадон с Филиппом поехали верхом; потом Филипп с Оноре поменялись местами. По отдельным веселым репликам и взрывам смеха я поняла, что братья находят общество моего мужа приятным. Меня больно задело их види-

мое согласие, и я почувствовала себя одинокой. Меня лишили всего для меня дорогого, даже расположения моих близких, думала я обиженно, и в этом виноват он, маркиз де Пеллиссьер.

Когда вечером мы подъехали к дорожной гостинице вблизи Орлеана, я чувствовала себя усталой и разбитой от жары и тряски; все тело затекло. Филипп отправился заказывать комнаты: одну для себя и Оноре, другую – для меня и маркиза. Я хотела было попросить его взять для меня отдельную комнату, но не смогла придумать объяснения, которое прозвучало бы для брата убедительно. Вернувшись, Филипп объявил, что все комнаты заняты, кроме одной.

– Для вас и Арманда, – пояснил он. Так, мой муж уже для него Арманд!

– Мы с Оноре можем прекрасно выспаться на лавках в общей зале или на худой конец в конюшне.

– Еще чего, в конюшне!

– Что тут особенного? – улыбнулся Филипп. – На обратном пути мы переночуем в вашей комнате.

– Как? Я думала, вы останетесь.

– Нет, Элиза. Мне пора на службу, а Оноре лучше побыстрее предстать пред дядей Тео. Может быть, он простит нас. Мы убедимся в том, что Пеллиссьер представил тебя в новом доме подобающим образом, а потом...

– Конечно, Филипп, – я положила ему на плечо руку, – мне не следовало надеяться, что вы останетесь со мной. Про-

сто... Просто я не подумала, что мы расстанемся так скоро. Наверное, я не могу никак привыкнуть к тому, что я его жена.

Филипп многозначительно рассмеялся.

– Тебе повезло, Элиза. Маркиз в два, нет, в три раза больше мужчина, чем барон, и ты это знаешь. Я слышал, что добрая половина мамаш в Париже, и не только в Париже, хотели бы заполучить его в зятя. – Филипп улыбнулся и добавил уже серьезнее: – О подобном браке мы и мечтать не могли.

Я горько усмехнулась:

– Конечно, он бы и не взглянул на бедную Элизу Лесконфлер, если бы сам выбирал жену. Но судьба оказалась к нему немилосердна, и он женился на мне, причем при таких обстоятельствах, что я едва ли могу винить его за то, что он меня ненавидит.

Филипп усмехнулся.

– С чего ты взяла, что он тебя ненавидит? И дядя Тео будет доволен, когда немного попривыкнет. Увидишь.

Я вздохнула и вошла в дом. Когда я поднималась в комнату, где меня уже ждала горячая ванна, в коридоре я столкнулась с двумя хорошо одетыми дамами.

– Если бы только Арманд Валадон вернулся из России! Я слышала, что сам император послал его в Санкт-Петербург с секретной миссией. Весьма важной и весьма секретной. Я понимаю, конечно, интересы Франции... Но без него так скучно! – донесся до меня обрывок разговора.

Дамы скрылись из виду, а я так и осталась стоять с открытым ртом, пока горничная не пригласила меня: «Сюда, мадам», – и я поспешила за ней.

Комната, отведенная нам, была небольшой и уютной. Горничная помогла мне раздеться и ушла, взяв мой костюм и туфли, чтобы вычистить. Я с удовольствием опустилась в горячую ванну и закрыла глаза. И в этот момент вошел маркиз.

Я закрыла руками грудь.

– Как вы смее? – возмутилась я. – Вы даже не постучали!

– Я пришел потереть вам спину. Со стороны ваших братьев было очень жестоко заставить вас путешествовать без служанки.

– Мы – люди бедные, – ледяным тоном заявила я. – У нас нет лишних служанок. Но у вас, как я полагаю, их больше чем достаточно. Горничные для верхних покоев и для нижних покоев, горничные такие и горничные сякие, для работы и для забав и даже просто для декораций.

Ухмыляясь, он разглядывал меня.

– Жаль, что эта ванна тесна для двоих, – философски заметил маркиз.

Меня бросило в жар.

– Как у вас хватает наглости разговаривать со мной после того, как...

Я почувствовала, что краснею.

– После вчерашней ночи? – Он тихо рассмеялся. – Наде-

юсь, вы на меня не в обиде? Я всего лишь сберег вашу... э... добродетель.

– Ах, вы... – Я плеснула на него водой. – Я вообще не понимаю, что вы здесь делаете. Все думают, что вы в России.

Улыбка сползла с его губ.

– С чего вы это взяли?

– Две женщины в коридоре. Судя по всему, они прямо изнывают от тоски по вашему обществу. Переживали, что вы в Санкт-Петербурге. Бедные дуручки! Надо было их порадовать, сказать, что вы вернулись домой неожиданно и очень некстати.

– Очень интересно, – задумчиво протянул маркиз.

– В самом деле. За ужином я обязательно сообщу им о том, что их мечта сбылась и вы вернулись.

– Мы будем ужинать в комнате.

– Но я хочу спуститься вниз! Мне надоело любоваться вами, я хочу...

– Нет.

Он смотрел на меня, но мне казалось, что меня он не видит.

– ... Мы поужинаем здесь и уедем завтра на рассвете. У нас был трудный день, и вам надо отдохнуть.

– Я не устала!

Я так распалилась, что не заметила, как наполовину высунулась из ванны.

Внизу послышался стук копыт по мостовой, и маркиз, на-

конец отвернувшись от меня, подошел к окну и выглянул во двор.

– Ну-ну, еще один эскорт наполеоновских солдат, – проворчал он себе под нос. – Это уже интересно.

С этими словами он пошел к двери, даже не посмотрев в мою сторону.

– Скотина! – крикнула я ему вслед. – Сын потаскухи! – И швырнув мыльной губкой в дверь, выскочила из ванны.

Лучше бы он мучил меня, но не обращался как с прислугой. Как смеет он указывать, куда мне идти и куда не идти! Я торопливо оделась и, когда появилась горничная с ужином, решительно отослала ее прочь.

Уже выходя из комнаты, я едва не столкнулась с маркизом, державшим в руках поднос.

– Собрались куда-нибудь? – поинтересовался он.

– Вам прекрасно известно, куда я собралась!

– Конечно. Вы хотите поразить постояльцев этой захудалой гостиницы своим, на мой взгляд, излишне легкомысленным нарядом. Не советую. Сегодня прохладно, и вы можете простыть.

– Ничего, не заболею. Простите, я хочу присоединиться к своим братьям в столовой.

Он протиснулся мимо меня в комнату и поставил поднос с едой на маленький столик в центре комнаты. Придвинул два стула.

– Ваши братья уже поужинали, мадам, и сейчас пьют ко-

ньяк.

— Какое, право, свинство, — возмутилась я. — Не могли меня дожидаться. Впрочем, я все равно спущусь вниз и в таком случае буду есть в одиночестве. — И я направилась к двери.

— А я хочу, чтобы вы остались, — неожиданно примириительно сказал Валадон, и не успела я и глазом моргнуть, как уже сидела на стуле. Маркиз убрал салфетку с подноса, и нашему взгляду открылся омлет и неаппетитные на вид рогастики. Вино, поданное к ужину, пахло уксусом.

— Фу, — сморщилась я, вставая. — Не думаете же вы, что я буду есть эту гадость!

Он опустил мне на плечо тяжелую руку, удерживая на месте.

— Советую попытаться. Сегодня ничего больше не будет.

В ярости я сбросила поднос со стола, и вино растеклось по полу.

— Возьмите свой ужин с собой в ад! Мне он не нужен!

Маркиз резко сдернул меня со стула и перекинул через колено. Задрав платье и нижнюю юбку, он принялся методично лупить меня. Я вопила и лягалась, но, похоже, на моего мужа эти крики не производили ни малейшего впечатления. Когда он наконец опустил меня на пол, я бросилась на него, целясь ногтями в глаза, но он встретил меня пощечиной.

Никто и никогда не обращался со мной подобным образом. Я молча смотрела на него, не в силах сказать ни слова. Что мне делать? Бежать к братьям? И что сказать? Что мой

муж меня побил? Да лучше умереть, чем признаться в позоре.

Я могла только плакать. Уткнувшись носом в жесткий матрас, я рыдала до тех пор, пока не почувствовала себя действительно больной. Наконец я услышала, как открылась, а затем захлопнулась дверь: мой мучитель оставил меня одну.

Внезапно я поняла, что нужно делать. Я села, ободренная созревшим решением, и вытерла насухо глаза. Больше я не останусь здесь ни минуты. Я убегу в Париж. Пристану к бродячим артистам. Стану танцовщицей, или певицей, или... – акробаткой. Точно, акробаткой. А на худой конец – стану уличной шлюхой, но только не женой этого негодяя.

Вернулась горничная с вычищенным дорожным костюмом и туфлями. Я торопливо переоделась, собрала немногие пожитки в саквояж и, пожалев о том, что мне не дали на дорогу денег, выскользнула из комнаты. Снизу из общей залы доносились голоса и смех.

– Здорово, Арманд, – услышала я пьяный голос Оноре; должно быть, мои любезные братья сидели совсем рядом с дверью. – И ты знал, что муж должен вот-вот приехать!

– Мужчина должен уметь брать от жизни все, – разглагольствовал маркиз. – К тому же опасность обостряет чувства. В любовных делах, друзья мои, стратегия порой нужна не меньше, чем на поле битвы.

Братья одобрительно засмеялись. Я живо представила эту сцену: они поднимают кружки и чокаются с ним. Свинья!

Все они – свиньи! Я ненавидела их всех, всех троих.

На цыпочках я пробежала к черному ходу, проскользнула через кухню, благодаря при этом Бога, что повар не обратил на меня никакого внимания, словно я была кошкой, и выскочила во двор. Что делать дальше? Мне надо успеть исчезнуть до того, как они поднимут тревогу. Мозг мой работал лихорадочно. Лошадь. Мне нужно украсть лошадь. Я обошла дом и прокралась к конюшне. Мысленно послала всем троим молчаливое «прощай» и... оказалась в объятиях маркиза.

– А, моя маленькая женушка! Дышим воздухом?

– У меня... разболелась голова, и я решила прогуляться.

Он испытующе посмотрел на меня:

– И поэтому прихватили с собой саквояж? Как это разумно.

– Разумно. Здесь полно воров, и ценности лучше носить с собой. Пустите меня!

Я накинулась на него с кулаками, но маркиз только посмеивался, отмахиваясь от меня, как от назойливой мухи.

– Поскольку гостиница вам не понравилась, – он взял меня под руку и повел вокруг дома, – я решил отвезти вас в мое поместье прямо сейчас. А вот и средство передвижения.

Перед входом в гостиницу стоял небольшой двухколесный экипаж, запряженный парой лошадей. Угрюмый конюх держал их под уздцы.

– Что это значит? Где мои сундуки? Где Оноре и Филипп? Я ничего не понимаю!

– Вам и не надо ничего понимать, садитесь и едем.

Только сейчас я заметила, что маркиз одет по-дорожному.

– Ваши братья нагонят нас утром, когда выспятся как следует, а сундуки пришлют позже. – И взяв меня под локоть, он буквально втащил в экипаж.

– Вы собираетесь править сами?

Я села на узкую скамью, поставив саквояж под ноги. Багаж маркиза уже был в повозке, здесь же лежал мешок, в котором, судя по запаху, находилось съестное.

– Почему бы и нет? Разве Арманд Валадон не из самых лихих кучеров? – И мой муж уселся рядом со мной.

Конюх передал ему поводья, получив в обмен пригоршню монет.

– Благодарю вас, мой друг, – сказал маркиз. – Я прослежу за тем, чтобы вам вернули лошадей в должном состоянии.

– Удачи вам, сударь, – поклонился конюх. – Вам и вашей даме.

Мы тронулись в путь. Полная луна в безоблачном небе освещала дорогу, и лошади шли довольно резво. Маркиз молчал, сосредоточенно глядя вперед. После того, как несколько моих вопросов остались без ответа, я тоже замолчала. Легкую повозку немилосердно трясло, но я слишком устала, чтобы замечать неудобства. Вскоре мысли мои потеряли ясность, горести забылись, и, уронив голову на грудь, я уснула.

Проснулась я перед рассветом. Голова моя уютно поко-

илась на плече мужа. Я быстро выпрямилась и поправила шляпку. Маркиз дружески улыбнулся мне:

– С добрым утром! Как спалось?

– Плохо. У меня все тело затекло, и я хочу есть.

– В мешке хлеб и сыр. Угощайтесь.

– Не буду, – упрямо заявила я. – Я хочу кофе и свежую булочку и еще...

– Мы не будем останавливаться, – ответил маркиз сухо. – Хлеб и сыр – все, чем мы можем довольствоваться на сегодня. Впрочем, как угодно. Мне все равно, будете вы есть или нет.

– Вы, должно быть, сумасшедший, – протянула я, недоуменно глядя на своего супруга. – На месте Наполеона я бы вам даже белье стирать не доверила, не то что государственные секреты или дипломатические переговоры. Вы... грубый, неотесанный мужлан! Я... Я не хочу быть вашей женой! Немедленно подите от меня прочь!

– У меня нет настроения сегодня с вами нянчиться, – грубо ответил маркиз. – Если вы сейчас же не замолчите, я просто привяжу вас к сиденью и заткну кляпом рот.

– Вы не посмеете!

– Вы так думаете? – Я взглянула на маркиза и поняла: лучше молчать.

В наступившей тишине слышно было щебетание птиц где-то вдали. Постепенно тьма рассеялась, и я различила очертания крестьянских домов, деревьев и огромных валунов.

– Какая каменистая местность, – заметила я. – Гораздо больше походит на Нормандию, чем на Орлеан.

Сейчас, когда солнце встало, Валадон погнал лошадей изю всей мочи, и мы мчались так, что пейзаж по обеим сторонам дороги сливался в одну полосу.

Он действительно очень спешит, думала я. Неужели ему и впрямь не терпится представить молодую жену матери и сестрам? А есть ли у него мать и сестры? Я не знала. Я вообще ничего о нем не знала. Я хотела было расспросить мужа о его семье, но стук копыт по каменистой дороге и скрип колес заглушали слова. Я не сразу заметила, что солнце остается у нас за спиной. Странно. Мы едем на запад, а не на северо-восток, в противоположную сторону от Парижа.

– Куда мы едем? – прокричала я ему в ухо. – Почему мы не можем подождать Оноре и Филиппа? Куда мы так спешим? Мы едем не к вам домой, мы едем на запад...

– Замолчите! – рявкнул он.

– Скажите мне, – не унималась я, – я имею право знать...

– Мы всего лишь делаем маленький крюк. А сейчас, Бога ради, Элиза, попридержите язык. Позже я все вам объясню.

Внезапно я по-настоящему испугалась. Я совершенно не знала этого человека. И почему мы мчимся как преступники от погони? Ответ был один: потому что мой муж не был маркизом Пеллиссьером. Если так, то кто же он? Английский шпион, которого повсюду разыскивают?

– Куда вы везете меня, сэр? – спросила я на своем школь-

ном, не очень беглом английском. — Не пытайтесь и дальше обманывать меня. Я знаю, кто вы такой!

Бросив на меня быстрый взгляд, он чуть улыбнулся, но тут же снова переключился на дорогу. Мы с сумасшедшей скоростью неслись вперед. Так быстро я не ездила еще ни разу за всю свою жизнь. Стоит одной из лошадей споткнуться, стоит сломаться колесу, и тогда... Я закрыла глаза и стала молиться.

Когда мы остановились, чтобы сменить лошадей, солнце было уже высоко. Перед тем как выйти из экипажа, маркиз крепко взял меня за руку и заглянул в глаза:

— Слушайте меня, Элиза. Вы не скажете ни одного слова никому из тех, кто станет нас останавливать, понятно?

— Я...

— Если вы заговорите... — Маркиз замолчал, пристально глядя на меня, словно давая возможность осознать грозный смысл его слов. — ... ваша жизнь зависит от вашего поведения. Ясно?

В бессильной ярости я прикусила губу. Мне было страшно. Этот человек способен на все. Он сжимал мою руку словно железными клещами. Рот его был плотно сжат и мне казалось, что глаза его горят красным огнем, словно уголья. Ему ничего не стоит меня убить, поняла я.

— Да, милорд, — произнесла я едва слышно. Он отпустил меня.

— Можете немного прогуляться.

— Лошади в мыле, — ворчал хозяин постоянного двора, критически осматривая животных. — Вы, ребята, должно быть, здорово куда-то спешите.

Я почувствовала руку маркиза на талии; он улыбался, но глаза его были холодны как лед.

— Сами понимаете, куда мы спешим, сударь, — нежно проворковал маркиз.

Лжец! Негодяй! Я открыла было рот, но Валадон приложил палец к моим губам.

— Ах, моя ягодка, не волнуйся. Знаете ли, сударь, семья этой девушки не в восторге от ее выбора, и мы боимся, что ее отец и братья пустятся за нами в погоню.

Собеседник маркиза сочувственно прищелкнул языком.

— Плохое дело, брак без благословения. Вы знаете, чем это оборачивается?

Хозяин постоянного двора пристально посмотрел на меня; рука маркиза так напряглась, что мне стало трудно дышать, и я лишь вымученно улыбнулась.

— Жаль, — заметил трактирщик, — что ее семья против. Ни разу мне не доводилось встречать такую красивую пару, простите мне мою откровенность. Вы такой высокий и светлый, а мадам маленькая и темная. Ах, какой у нас странный мир, месье, если двое не могут насладиться своей маленькой толикой счастья.

С этим он распряг наших несчастных коней и увел их.

— У вас прекрасно получилось, моя дорогая, — одобрилитель-

но кивнул маркиз. – Так и продолжайте.

– Грязный ублюдок, – прошипела я еле слышно. – Ты заплатишь за все, обещаю.

Я дернулась, чтобы высвободиться, но он удержал меня.

– Позже, потерпите немного.

Хозяин поменял нам коней и пообещал никому не рассказывать, что видел нас. Когда мы выезжали с постоянного двора, я будто случайно выронила ридикюль в надежде, что братья заметят этот знак, когда поедут следом. Я была почти уверена в том, что меня спасут, и невольно оглядывалась назад: не покажутся ли Оноре и Филипп на горизонте.

– Вы напрасно стараетесь, Элиза. Ваши братья сейчас, должно быть, скажут во весь опор в Париж, – с мрачной усмешкой заметил маркиз.

Экипаж в очередной раз тряхнуло, и я, не удержавшись, упала на пол. Надежда покинула меня. Мысли, одна страшнее другой, лезли мне в голову. Когда я стану больше не нужна этому чудовищу, он зарежет меня, как курицу, и закопает в землю. Лесные звери съедят то, что от меня останется, а дожди отбелят кости. Братья и дядюшка Тео забудут меня. Перспектива была так грустна, что я, не удержавшись, всхлипнула.

Небо заволокли тучи, и маркиз решил, что после наступления темноты ехать нельзя.

– Слава Богу, – вздохнула я, – мне смертельно хочется лечь в нормальную постель. И какой-нибудь нормальной

еды.

– Ничего этого не будет, – заявил мой спутник. – Мы переночуем в поле, вдали от человеческого жилья.

Заявление это показалось мне настолько абсурдным, что я рассмеялась ему в лицо.

– Вы, должно быть, шутите! Вы ненормальный! Безумец, сбежавший из сумасшедшего дома! Учтите, маркиз де Пеллиссьер или кто вы там есть, я не буду спать на земле как... как гусеница! Я просто никуда больше не поеду. Убейте меня прямо сейчас. Лучше умереть, чем терпеть ваше присутствие!

– Не испытывайте мое терпение, Элиза, – сказал он то ли в шутку, то ли всерьез. – Я ведь могу и забыть о том, что вы нужны мне.

– Нужна? Для чего?

Мы подъехали к маленькому островку деревьев в поле возле ручья.

– Рядом с вами, вооруженному романтической сказкой о непонятых влюбленных, мне проще оставаться неузнанным.

– У вас ничего не выйдет. Вас найдут и повесят, и я хочу присутствовать при вашей казни. Я буду стоять у самого эшафота и веселиться. Лицо ваше станет багровым, а глаза вылезут из орбит, и я буду смеяться от радости!

Маркиз приподнял бровь.

– Кровожадная ведьмочка, вот вы кто. – И с этими словами он выпрыгнул из повозки и пошел привязывать лошадей.

Как только маркиз отошел к ручью и повернулся ко мне спиной, я побежала через поле в рощу, видневшуюся вдаль. Я бежала долго, но, упав в изнеможении, слышала за собой шаги. В бессилии я закрыла лицо руками. Не говоря ни слова, он сгреб меня в охапку и потащил назад, к нашему лагерю, а я была слишком слаба, чтобы сопротивляться.

– Сегодня мы будем спать рядышком, как муж и жена, – объявил он, укутывая меня в свой дорожный плащ, – и, Элиза, будьте уверены, я не дам вам сбежать.

– Вы не посмеете ко мне притронуться, – сказала я дрожащим от гнева голосом. – Неужели вам мало того, что вы со мной сделали? Вы унизили меня, сломали мне жизнь, растоптали меня, и все мало? Я не буду спать с вами, вы, вы... беспородный пес! Лучше убейте меня.

Он вздохнул:

– Элиза, когда вы злитесь, вы будите во мне желание. Ложитесь и спите, или я не знаю, что с вами сделаю.

Я села на траву и обняла руками колени.

– Я вообще не буду спать.

– Как вам будет угодно. – Он пожал плечами.

Маркиз открыл мешок с едой и принялся поедать зачерствевший хлеб и сыр с такой жадностью, будто вкуснее ничего не ел. Я смотрела, как он ест, и ненавидела его все сильнее. Я замерзла, устала, была голодна, а он энергично работал челюстями и плевать хотел на мои страдания. Я не могла отвести глаз от этого проклятого хлеба с сыром.

– Хотите? – Он протянул мне сыр, но я решительно помогала головой и, отвернувшись, легла на землю. Пустой желудок недовольно урчал.

Немного погодя он лег рядом. Я собралась было встать, но он удержал меня.

– Только в целях предосторожности, – объявил маркиз, обнимая меня одной рукой. – Мне хочется спать, и я не хочу играть роль сторожа. Прошу вас, лягте и спите, Элиза.

– Мерзкий лживый паразит, подонок, мразь, вонючий пес. Я ненавижу вас, маркиз Валадон, я ненавижу вас так... так... – Я не находила слов.

Сжав кулаки, я пыталась вывернуться. Он перекатился на живот и оказался на мне.

– Последний раз предупреждаю, – хрипло сказал он, – хватит детских выходок.

– Пусти! – завопила я. – Отпусти меня! Я... Я буду молчать, клянусь, только не делай ничего со мной. Я больше не буду убегать.

Он хрипло дышал мне в лицо, я слышала, как громко стучит его сердце, или, может, это стучало мое?

– Пожалуйста, – попросила я тихо, и слезы жалости к себе потекли у меня по щекам. – Пожалуйста, не мучьте меня, я буду послушной, обещаю вам.

– Ты знаешь, как вывести человека из себя. – Он вздохнул и скатился с меня. Я плотно закуталась в плащ и повернулась на бок, тихонько всхлипывая.

– Прекрати хныкать, – пробормотал маркиз.

Оказалось, что и он, как большинство мужчин, не выносит женских слез. Я отметила про себя это обстоятельство. Что же, это доказывает, что он всего лишь человек, а не исчадие ада.

Кузнечики и цикады завели свои ночные песни. На землю опустилась густая мгла. Я долго ждала, пока его дыхание станет ровным – знак того, что мой суженый спит глубоким сном, но в конце концов уснула сама.

В сентябре утренники довольно холодны, и поэтому ничего удивительного не было в том, что я проснулась в его объятиях. Голова моя покоилась у него на плече, и легкий ветерок его дыхания ерошил мне волосы.

Я немедленно высвободилась.

– Как вы смеее!

Он потянулся:

– Напротив, как смеее вы?

Поеживаясь от ночного холода, я отправилась к ручью. Умывание ледяной водой не доставило радости. Начинался еще один несчастный день.

Я была голодна и поэтому без жалоб проглотила хлеб и сыр. Выехали мы еще до рассвета. Только одно небольшое происшествие отличило второй день нашего путешествия от первого. На одной из полупустынных дорог, вблизи городка под названием Вьеавиль, мы встретили военный разъезд. Мой спутник насторожился, и я заметила, что он сунул ру-

ку под плащ. Плащ слегка распахнулся, и я увидела торчащий из-за пояса пистолет, вне сомнений, из арсенала Оноре. Так, значит, мой распрекрасный муженек сумел напоить бдительного братца и избавить его от лишнего оружия! Да, он действительно опасен, и втрое опасен оттого, что умен. Если бы я могла подать солдатам знак, как-то навести их на мысль... Маркиз перехватил мой взгляд.

– Не стоит геройствовать, Элиза, – ледяным тоном заметил маркиз. – Если вы поведете себя разумно, я оставлю их в живых. Но если попыбуете меня выдать... то они умрут, да и вы, боюсь, вместе с ними.

Маркиз остановил повозку.

Подъехавший сержант вежливо снял передо мной шляпу. Я собрала волю в кулак и весело прощбетала:

– Здравстуйте, месье! И куда это вы едете в такое славное утро?

– Куда-нибудь да едем, – со смехом отвечали солдаты. – Сегодня – в Бельгию, завтра – в Россию. Откуда нам знать?

– О, – удивилась я, – так это дорога на Россию?

– Нет, – сержант фыркнул от смеха, – она ведет всего лишь во Вьеавиль. А куда направляетесь вы?

– Повидать родственников, – с ясной улыбкой ответила я, выразительно посмотрев на супруга. – Мы только недавно поженились, месье.

– Ты можешь помолчать одну минуту? – буркнул маркиз. – Этим добрым людям не до моего несчастья.

Солдаты заржали, я скромно зарделась, и дозор усакал прочь, пожелав нам счастливого пути.

– Неплохо, Элиза, – сказал маркиз, подстегивая лошадей, – вы постепенно исправляетесь.

По мере продвижения все сильнее ощущался запах моря.

– Мы едем в Нант, не так ли? – спросила я; маркиз в ответ лишь усмехнулся. – Полагаю, наша поездка закончится именно там. Как только вы окажетесь в безопасности, тотчас избавитесь от меня: воткнете мне нож в спину или найдете другой способ покончить с ненужной свидетельницей.

– Если мы действительно едем в Нант, мне незачем убивать вас ножом, достаточно сбросить в море, – с невинным видом заметил мой спутник. – Так куда удобнее.

Нант был пропитан запахами рыбы, моря и человеческих испарений. На узких, темных и грязных улицах города можно было встретить моряков всех национальностей: французов, португальцев, американцев, испанцев. Тут же бранились между собой грязные женщины с такими же чумазыми детьми, поджидали работу широкогрудые портовые грузчики, отдыхали толстые, довольные жизнью торговцы. В разноязыкой и пестрой толпе нетрудно было затеряться, и этим всю пользовались и беглые каторжники, и дезертиры. Вдоль моря тянулись гостиницы с сомнительной репутацией, притоны, публичные дома. Мы остановились перед заведением, с первого взгляда внушившим мне опасения.

Наморщив нос и приподняв юбку, чтобы не испачкать по-

дол, я вошла в дом. Хозяин без особого энтузиазма, как мне показалось, принял у маркиза деньги и повел нас вверх по заплеванной лестнице.

– Я не собираюсь здесь оставаться, – успела я прошептать маркизу в спину.

– Тогда можете остаться внизу.

Я посмотрела вниз, туда, где за приоткрытой дверью за грязными столами ели и пили грубые мужики и затасканные женщины, и поспешила за тем, кого считали моим мужем.

Когда мы остались в комнате вдвоем, он заявил:

– Я попросил комнату, которая запирается. Вот ключ. Закройте за мной дверь и никого не пускайте. Слуга принесет воду и еду, но больше, если хотите остаться целой, никого не пускайте. Только имейте в виду, – добавил он, задержавшись у двери, – от меня вам все равно не спастись, у меня тоже есть ключ. – И был таков.

Торопливо закрыв за ним дверь, я осмотрелась. В тусклом свете двух свечей, принесенных хозяином, комната выглядела особенно унылой. Запах перегара мешался с запахом пота, табачного дыма, и мне даже думать противно было, чего еще. А вдруг этот негодяй решил оставить меня здесь навеки? Но нет, его багаж на полу служит верным знаком того, что он вернется.

Я опустилась на корточки перед саквояжем. Может быть, мне удастся обнаружить хоть какое-то указание на личность хозяина? Увы! Меня ждало разочарование: я нашла всего

лишь несколько рубашек, носовых платков, шейный платок и несколько щеток с серебряными рукоятками. Со вздохом я достала щетки. Раз уж ничего более ценного добыть не удалось, стоит воспользоваться хотя бы тем, что есть.

Итак, подвела я итоги, у меня впервые появилась реальная возможность бежать. Но что мне делать одной, ночью, в незнакомом городе? У меня нет даже денег заплатить за комнату в гостинице. К тому же если я убегу сейчас, то никогда не узнаю, кто этот человек и зачем он выдает себя за маркиза де Пеллиссьера. Внезапно в моей голове созрел план действий.

Нужно переиграть его, заставить поверить, что он мне нравится, и вот тогда я, может быть, узнаю, что делает этот странный человек во Франции. Я принесу пользу своей стране! Однако патриотический порыв был не единственной причиной, заставившей меня принять столь опасное решение. Я надеялась, что, если смогу поймать шпиона (а я была уверена, что он шпион), общество простит мне столь скандальный брак.

К приходу маркиза я умылась, привела в порядок волосы и переоделась в ночную муслиновую сорочку с кружевами у ворота.

Стоя, я молча смотрела, как он снимал сапоги, а затем со вздохом улегся на кровати, устало прикрыв ладонью глаза.

– Ну вот вы и пришли, – запинаясь, как можно нежнее произнесла я.

Господи! Как я его ненавидела! Но, решив идти до конца, подавила злость и обиду.

– Я думала, вы меня бросили – сказала я с коротким нервным смешком. – Что со мной будет? – продолжала я, ни к кому конкретно не обращаясь. – Вы ведь совсем ничего ко мне не чувствуете, да?

– Чувства? – отозвался маркиз удивленно, – Что вы понимаете под чувствами? Я считаю вас привлекательной, желанной женщиной, когда вы не вопите словно бесноватая. Однако – увы! – большей частью вы предстаёте именно во второй своей ипостаси. Вероятно, скоро вы перерастете этот опасный возраст. Жаль, что мне не доведется увидеть вас другой. Надеюсь, вы встретите какого-нибудь крепкого парня, который с удовольствием станет трудиться над вами хоть по десять раз на дню, и, когда он обременит вас дюжиной ребятишек, у вас просто не останется времени на капризы.

Так я ничего не добьюсь, нужно действовать решительнее. Я не сомневалась в том, что он исчезнет этой же ночью.

– Но вы все еще считаете меня... желанной? – кротко спросила я и протянула руку к его колену.

Он медленно накрыл мою руку ладонью. Я замерла.

– Вы сегодня очень дружелюбно настроены, Элиза, – усмехнулся мой таинственный супруг. – С чего это вы так переменились? Всего лишь несколько часов назад вы бежали от меня как от прокаженного.

С этими словами он положил мою руку на мягкий бугорок

между своими ногами. Я тихонько вскрикнула и попробовала отдернуть руку, но он держал ее крепко. Я почувствовала, как краснею.

– Не стоит маленьким девочкам начинать то, что они не могут закончить.

– Я не понимаю вас.

– Я хочу сказать, что раз вы решили меня обольстить, обольщайте, но только не пытайтесь выудить у меня сведения. Меня проверяли на прочность, так что рассчитывайте силы, мадам. С чего вы взяли, что такое дитя, как вы, способно одержать надо мной верх?

Спящая плоть под моей вспотевшей ладонью ожила. Я чувствовала, как она растет и твердеет. Дыхание мое отчего-то сбилось, и по телу растеклось тепло. Я вновь попыталась отдернуть руку, но он по-прежнему крепко держал ее. Другой рукой он гладил мои распущенные волосы и ласкал лицо и шею.

– Я не ребенок, – решительно возразила я. – Я больше не ребенок, и я не играю ни в какие игры. Я поняла, что была для вас только обузой и источником неприятностей, и прошу простить меня за это.

– Ну-ну.

– Честное слово. – Я опустила голову, словно маленькая девочка, разбившая вазу. – Я виновата во всем. Будь я другой, ничего не случилось бы. Лучше бы мне умереть.

Мне показалось, что он с трудом сдерживает смех, но не

смела поднять глаз. Маркиз пощупал кружево рубашки.

– Так это – саван? – съязвил маркиз.

Я улыбнулась ему как можно обольстительнее из-под полуопущенных ресниц.

– А вам не нравится? – игриво спросила я. – Франсуаза сказала, что именно так одеваются новобрачные во время медового месяца.

– Я нахожу этот наряд уродливым.

– Ваше право, только, прошу вас, не рвите его: это моя единственная рубашка.

Он засмеялся и обнял меня. Я выскользнула из отвергнутого наряда и швырнула его на пол. Его одежда немедленно полетела следом. Мы сжали друг друга в объятиях. Он целовал меня все глубже и глубже, и тело мое сотрясала дрожь, неудержимая, как вздох. Решимость покинула меня, и уже через минуту я забыла о благородной цели сего предприятия. Он нежно коснулся моих бедер с внутренней стороны, и мне показалось, что душа моя отлетела от тела. Я не знала, чего хочу: чтобы он остановился или чтобы продолжал. Со стоном я раздвинула ноги.

– Вы слишком жадная, леди, – со смехом сказал Валадон, лаская мое тело своими чудными, умелыми и умными руками. Язык его, словно жало змеи, то проникал в мой рот, то покидал его. Откинув голову назад, я прогнулась ему навстречу, но он не торопился, он ждал, и я едва не сошла с ума от ласк его губ, его языка, его пальцев. Когда он вошел

в меня, я погрузилась в ни с чем не сравнимый по силе ощущений мир, мир – взрыв, мир – вне пространства и времени, мир – вне сознания. В желтом свете свечей он был могуч и красив, как золотой конь, который, играя мышцами, бросается вперед, берет преграду, весело бьет копытом.

Когда он наконец скатился с меня, мы оба долго лежали, хватая ртом воздух. Наконец я почувствовала себя в состоянии говорить.

– Ты уедешь в Англию сегодня?

– А если и так, какое тебе дело? – сонно рассмеялся он. – Ты получила, чего хотела, Элиза. Успокойся и засыпай.

– Но...

Глубоко вздохнув, он повернулся ко мне спиной, и уже через несколько минут я услышала его сонное дыхание.

Его я ненавидела, а на себя злилась. Чего я добилась своими унижениями? Ничего! Ничего, кроме пожелания успокоиться. Он отвернулся от меня так, словно я была пустым местом. Конечно, он с самого начала понял, для чего я затеяла этот спектакль, и оставил меня в дураках. Господи, сколько же мне довелось пережить за это время! Я чувствовала себя разбитой, больной, разом постаревшей. Я закрыла глаза.

Прошло около часа. Я лежала с закрытыми глазами, и мой «муж», решив, что я сплю, выбрался из постели. Притворившись спящей, я наблюдала за ним из-под ресниц. Мгновение он смотрел на меня, потом тихо оделся и, положив что-то под матрас, вышел из комнаты.

Первым делом я выяснила, что он сунул под матрас. Это был туго набитый кошелек. Что ж, спасибо за подарок. Высыпав содержимое на ладонь, я пересчитала монеты. Двадцать золотых луидоров. Достаточно, чтобы нанять карету до дома, если, конечно, меня для начала не изнасилуют и не ограбят в этом ужасном месте.

Я торопливо натянула одежду, надела шляпку и на цыпочках вышла в коридор. Я должна выяснить, куда он направляется. У меня есть что сообщить солдатам, думала я, только бы не опоздать.

Подойдя к лестнице, я услышала знакомый голос. «Маркиз» говорил с хозяином.

– ... и вам это дорого обойдется. Она любимица императора, его крестница, мой друг. Вы и глазом не успеете моргнуть, как его люди...

– Хорошо, хорошо, месье, – замямлил хозяин. – Я присмотрю за барышней. Приятного вам путешествия.

Хлопнула входная дверь, а хозяин вернулся в общую залу. Путь стал свободен. Я буквально слетела с лестницы и выбежала в ночь. На улице я огляделась. Глаза быстро привыкли к темноте, и я разглядела Валадона, быстро шедшего в направлении моря. Стараясь держаться в тени домов, я отправилась за ним. К счастью, в этот поздний час прохожих не было и никто не мог мне помешать.

Когда мы достигли гавани, я уже совсем выбилась из сил и остановилась, чтобы перевести дух. Спрятавшись за горой

ящиков возле дока, я наблюдала, как Валадон подошел к причалу и исчез во мраке. Послышались приглушенные голоса, и вскоре по плеску воды и скрипу уключин я догадалась, что он сел в лодку. Когда лодка отплыла футов на сто от берега, я увидела их. Маркиз сидел напротив лодочника ко мне лицом. Лодка направлялась к кораблю, мачты которого грустно чернели далеко от берега на фоне бледного ночного неба, словно облетевшие деревья холодной зимой.

Вдоль причала, пошатываясь, брел пьяный матрос, как раз в направлении моего укрытия. Я вышла ему навстречу и сурово спросила:

– Что это за корабль вон там? Быстро отвечайте!

Матрос, видимо, растерявшись от моего напора, послушно ответил:

– Американский корабль, мадам, «Красавица Чарлстона».

– Американский? А куда он плывет?

Матрос пожал плечами.

– Точно не знаю, мэм. Говорят, будто в Испанию.

В Испанию! Вот, значит, как. Не удивлюсь, если этот негодяй собирается мешать Наполеону и там.

– Мне срочно надо попасть на этот корабль. Прямо сейчас, сию минуту. Не волнуйтесь, мне есть чем заплатить.

– Я не хочу туда, – запротестовал моряк. – Это не мой корабль, мне там нечего делать. Что, если мы с вами пойдем куда-нибудь еще, а?

– Я не пойду с вами никуда, кроме вон того корабля, –

безапелляционно заявила я.

Позади нас послышались женские голоса.

– Вот эти дамы собираются как раз на тот корабль. – Матрос, взяв меня за руку, подтолкнул к появившимся женщинам. – Вы можете пойти с ними.

Вначале я решила, что это жены моряков, собравшиеся сказать своим суженым последнее «прости», но, пристально взглядевшись в них, поняла: едва ли эти дамы – добродетельные супруги. Уж слишком шумно они себя вели, слишком вызывающе были одеты и слишком весело настроены. Я подошла к толстухе, судя по всему, верховодившей в этой компании.

– Прошу прощения, мадам, – сбивчиво начала я; женщины затихли и уставились на меня. – Как я поняла, вы собрались вон туда. – Я показала на корабль.

– И что с того? – запальчиво спросила одна из женщин. – Вы что-то имеете против, ваше сиятельство?

Ее подружки захихикали.

– Нет, вовсе нет, – заверила я. – Напротив, мне бы очень хотелось пойти вместе с вами, если вы, конечно, не возражаете.

– И что у такой, как вы, общего с простыми матросами? Женщины окружили меня и со смехом стали щупать ткань моего костюма и ленты на шляпке.

– Там мой муж, – сказала я тоном, который, по моим предположениям, годился для горестного признания. – Он заста-

вил меня покинуть дом сразу после свадьбы, а сейчас он уезжает. Я никого не знаю в этом городе и очень напугана. Если мне удастся поговорить с ним, может быть, он даст немного денег для меня и... и ребенка, – добавила я для пущей убедительности.

Женщины сочувственно зашептались. Толстуха потрепала меня по плечу.

– Ну что же, голубушка, ты права. Не будет беды, если ты с ним поговоришь, но, насколько я знаю матросов, много денег тебе из него не вытянуть: они тратят все, ничего не откладывая.

Мы пошли вдоль причала к большой лодке, в которой с нетерпением поджидали нас два матроса.

– Эй, Джек, – крикнул по-английски один из них, – вот эта – чистенькая! – И ткнул меня в зад. – На сей раз нам прислали первоклассную шлюху.

Я хотела было возмутиться, но лодку качнуло, и меня бросило на женщину, одетую в дырявую шаль и юбку, под которой, видимо, ничего не было. Я чуть не задохнулась – так ужасно пахло от этой девицы.

На «Красавицу Чарлстона» мы забирались по веревочной лестнице при помощи матросов, подталкивавших снизу, а сверху к нам тянулись десятки жадных рук. Наконец я почувствовала под ногами палубу. Пьяные матросы встретили нас хохотом и похабными выкриками. Увернувшись от очередных объятий, я нырнула в тень. У меня была одна цель

– найти Арманда Валадона и выложить ему все, что я о нем думаю, а затем передать его капитану и команде как английского шпиона.

Вдруг из темноты появилась рука и полезла ко мне в корсаж.

– Ох, – выдохнул кто-то пьяным голосом, – только посмотрите на это, посмотрите...

Дрожа от омерзения, я вырвалась и побежала вдоль палубы, слыша за спиной хриплое дыхание. Затем что-то грохнуло, послышалась брань. Я оглянулась: мой преследователь зацепился ногой о канат. Облюбовав темный уголок между двумя громадными бочками с питьевой водой, я уселась на свой саквояж и опустила голову на руки.

Все получилось совсем не так, как я хотела. Вместо того чтобы обезвредить преступника, мне самой пришлось спастись бегством. Господи, как только подобная глупость могла прийти мне в голову: что-то пытаться втолковать глухой ночью абсолютно пьяным матросам! Постепенно шум разгула стал утихать, затем все успокоилось совершенно. «Немного погодя примусь за поиски этого растреклятого Валадона, но сначала немного отдохну», – сказала я себе.

– Смотрите-ка! Просыпайся, малышка! Кэп сегодня не в духе с самого утра, так что тебе не поздоровится, если он увидит тебя.

Я в недоумении огляделась. Вокруг, куда ни кинь взгляд, расстилалось бесконечное море, а над ним – свинцовое небо.

Сердце мое оборвалось.

— Где мы, сэр? — медленно спросила я по-английски. Матрос только руками развел:

— Мы отчалили с утренним отливом, перед рассветом. Придется тебе поплавать с нами. Капитан терпеть не может зайцев, так что лучше бы тебе вымолить у Господа какой-нибудь французский корабль, пока мы еще не так далеко от берега.

— Вы не поняли меня, сэр. Я пробралась на корабль, чтобы выяснить, кто скрывается под именем маркиза де Пеллисьера. Я знаю, что этот человек здесь.

— Конечно, конечно, леди. Пойди и Расскажи свою сказку капитану.

Когда я увидела Джозефа Фоулера, мне стало не по себе. Грузный, косматый детина со зверским лицом пах ромом, морской водой и прокисшим потом. Я как могла, на своем корявом английском объяснила ситуацию, но он, похоже, даже не слышал меня: взгляд его был прикован к моей груди.

— ... Я должна сообщить вам, капитан, что этот мужчина — самозванец. Он вовсе не Арманд Валадон. Я не знаю, как его зовут, но я твердо уверена в том, что он английский шпион. Вы наверняка его вчера видели. — Я описала маркиза.

Капитан сморщился.

— На корабле нет пассажиров. Мне надоели ваши байки. Паркер! — позвал он матроса, который нашел меня. — Сделай что-нибудь с этой девкой. Мне не нужны шлюхи на борту.

Ты понял?

– Капитан, – несмело возразил матрос, – у нас есть один пассажир. Американец. Приплыл прошлой ночью. Мистер Мак-Клелланд. Вы помните, была договоренность...

– Ах, этот, – нахмурился капитан. – Давай его сюда. Прямо сейчас!

Может быть, Валадон сошел с корабля до отплытия? Маркиз не американец, это точно. Я стояла, уставившись в пол, едва живая от страха. Наконец дверь капитанской каюты открылась – на пороге стоял Валадон собственной персоной. Я вздохнула с облегчением: мне все-таки удалось добиться своего.

– Это он, капитан! – закричала я, – Это тот самый человек! Он шпион, и я требую, чтобы мы немедленно вернулись в Нант и...

– Вы знаете эту женщину, Мак-Клелланд? – сурово спросил капитан. – Говорят, она пробралась прошлой ночью на борт со шлюхами. Мои люди нашли ее сегодня за бочками с питьевой водой. Нашла где прятаться!

– Я не пряталась! Я просто уснула!

Валадон перевел взгляд с меня на капитана, который, похоже, был не в силах отвести глаз от моей груди. Я замерла. Сейчас вся моя жизнь зависела от того, что скажет маркиз. Или он признается, что знает меня, или... Я взглянула на капитана: на губах его выступила слюна, он отер ее тыльной стороной ладони, – и умоляюще – на маркиза.

– Да, я ее знаю, – неохотно признался тот. Его английский, как я успела заметить, был безупречен. – Она... она – моя жена.

Я перевела дух. Капитан нахмурился.

– Корабль – не место для женщин! Если вы хотите взять ее с собой, платите, если же предпочтете бросить за борт, свидетелями будем только мы с Паркером, а мы, будьте уверены, умеем держать язык за зубами.

Маркиз окинул меня ледяным взглядом.

– Ваше предложение заманчиво, капитан, но, как мне кажется, я обязан взять ее с собой. При себе у меня нет денег, хотя...

– У меня есть деньги, капитан. – Я протянула Фоулеру кошелек с золотыми луидорами. – Это все, что у меня есть. – Я старалась не смотреть на маркиза. – Но надеюсь, этого будет доста... доста... – Английское слово внезапно вылетело у меня из головы. – ...хватит.

Капитан взвесил кошелек на ладони.

– Уберите ее отсюда, Мак-Клелланд, – хмуро приказал он. – Не знаю, с чего вы решили жениться на шлюхе, а тем более прихватить ее с собой, но это дело не мое. Женщина на корабле не приносит ничего, кроме несчастья.

Мужчина, которого капитан называл Мак-Клелландом, не особенно церемонясь, схватил меня за плечо и вывел из каюты. Протащив за собой по узкому темному коридору, он втолкнул меня в каморку, потолок которой был так низок,

что маркиз едва не упирался в него головой. Вся обстановка каюты состояла из стола и двух чурбанов, служивших стульями, раковины с оловянным умывальником и кувшином и узкой койки, которую благодаря откидному верху можно было использовать еще и как сундук. Над столом на грубом крюке висел фонарь.

Мы молча смотрели друг на друга. Валадон опустился на чурбан.

– Ты когда-нибудь слышала о неразменном пенни, Элиза? – спросил он по-английски.

Я покачала головой.

– Впрочем, не важно. Добро пожаловать в новый дом. Это не Лувр и не замок Лесконфлеров, но у него есть одно преимущество: он мал, и его легко содержать в чистоте.

– Кто вы? – потребовала я объяснений на французском.

– Франция осталась там, – махнул рукой мой супруг. – Пора тебе начать совершенствовать английский. Кстати, меня зовут Гарт Мак-Клелланд, и я американец.

– Ах ты, грязный шпион!

– Какой патриотизм! Весьма похвально.

– Свинья! Негодяй! – бушевала я, – Дутый маркиз, пустышка!

– Откуда столько снобизма, Элиза? Стыдись!

– Это я должна стыдиться?! Свинья, собака, шакалий выродок! – кричала я, не забывая подбирать из своего скудного английского словаря подходящие эпитеты.

– Эта каюта едва ли достаточно просторна для масштабных сцен. – Он вел себя абсолютно спокойно. – Поверь мне, Элиза, я проклинаяю тот день, когда нога моя ступила в леса Лесконфлеров, и мне остается лишь сокрушаться по поводу того злого рока, что привел меня на ваше маленькое празднество, но раз нам придется делить эту каюту в течение долгих дней...

– Еще чего! – фыркнула я. – Как только мы прибудем в Испанию...

– В Испанию? С чего ты взяла, что мы плывем в Испанию?

– Но матрос в Нанте сказал мне...

– Пьяные матросы не в ответе за то, что говорят шлюхам, даже если те одеты как благородные дамы. Капитан Фоулер – работороговец. Это корабль для перевозки рабов. В следующий раз мы ступим на сушу только на Невольничьем берегу, а с тем, что принято считать цивилизацией, ты встретишься только месяцев через шесть, когда мы прибудем на Ямайку. Мы плывем в Африку.

Глава 4

КОРАБЛЬ РАБОТОРГОВЦА

Волны, ласкаясь, разбивались о заросший ракушками борт судна. Чайки носились над головой, ныряя за невидимым лакомством, и улетали прочь, за горизонт. Легкий ветерок теребил паруса на мачтах и прижимал к ногам мою юбку. Почему он не может подхватить меня и унести вместе с чайками на север!

Я стояла на палубе и смотрела на берег. Джунгли, подступавшие прямо к океану, сливались в темно-зеленую благоухающую массу, манящую ароматом зрелых плодов и цветущих растений.

Подвозили уже вторую шлюпку рабов. Негры взбирались на борт по веревочной лестнице, и пять самых сильных матросов, держа на прицеле двадцать запуганных туземцев, проталкивали их одного за другим к веревочному трапу.

— Мы должны привозить их мелкими партиями, — пояснил матрос. — Иначе может возникнуть паника, и они перевернут корабль. Страх — штука заразная, как чума.

Он знал, что говорил. Днем раньше мне довелось наблюдать, как высокий чернокожий мужчина, уже почти добравшись до палубы, вдруг прыгнул в воду. Один из матросов выстрелил и ранил беглеца; спустили шлюпку, но вдруг го-

лова потерявшего силы пловца исчезла во внезапно возникшем водовороте, вода окрасилась в розовый цвет. Матросы перестали грести, молча глядя, как акулы рвут орущего негра на куски.

Загнанных на палубу рабов повели в трюм. Беременные женщины с огромными животами в страхе прижимали к ногам малышей; высокие мужчины-воины с устрашающими та-туировками и побрякушками в носу и ушах были, словно дикие звери; и только совсем зеленая молодежь не понимала страшной участи, постигшей их. В большинстве своем туземцы были наги; лишь немногие носили узкие повязки из выделанной коры.

– Сколько нам здесь еще оставаться? – спросила я у одного из матросов.

– Недели три или около того, а может, и дольше. Султан сказал капитану, что вскоре доставит ему еще сотню-другую туземцев.

Я молча кивнула.

– Наверное, вы первая белая женщина, которая видит все это. – Матрос кивнул в сторону вереницы рабов.

– Искренне надеюсь, – тихо ответила я, – что и последняя тоже.

Матрос любовался добычей и, кажется, даже не слышал моей последней фразы. Я отошла к противоположному борту и стала смотреть в бесконечную даль океана.

Мы встали на якорь в Бенинском заливе в начале октяб-

ря. Попутный ветер и ясная погода были нашими постоянными спутниками с тех самых пор, как мы покинули Нант. Мой муж, экс-маркиз, Гарт Мак-Клелланд, рассказал мне, что международная торговля рабами была запрещена два года назад, в 1810 году, но плантаторы в Америке и Индии испытывали нехватку в рабочей силе и соответственно в контрабандистах типа Жозе Фоулера, всегда готового продать живой товар по сходной цене.

Первое, что мы увидели, подплывая к порту Уидаха, было странное сооружение из жердей, довольно вместительное и расположенное не на берегу, а в море, на сваях. Эта «фактория» была доступна только с лодки и использовалась в качестве пересыльного пункта. Здесь пленники ждали прихода корабля. Султан Даоми сбывал пленников работоторговцам, большей частью американцам и англичанам, обменивая их на ружья и порох.

Когда капитан Фоулер завершил переговоры с султаном, нам разрешили небольшими группами сойти на берег, и мы с Гартом присоединились к пяти матросам в лодке.

Джунгли начинались прямо от линии прибоя. Матросы вытащили лодку на берег, на узкую полосу белого песка, и мы как замороженные принялись разглядывать громадные деревья, туго оплетенные лианами и изнывающие, как казалось, от тяжести спелых плодов. Пестрые с ярким оперением птицы порхали между ветвями среди таких же ярких цветов, громко переговариваясь на своем птичьем языке. Мне пока-

залось, что в лесу рыкнул лев, совсем недалеко от нас.

Среди зелени гнездились несколько хижин. Султан, тучный мужчина с широкой улыбкой, сидевший в окружении слуг напротив большей из хижин, поднялся нам навстречу с величавой грацией привыкшего повелевать человека. Он считал свою сделку с капитаном весьма удачной и предвкушал роскошное пиршество в честь такого знаменательного события. Похоже, на туземцев произвели необыкновенное впечатление золотые волосы Гарта и моя перламутрово-белая кожа: они, окружив нас, трогали наши волосы, лица, одежду.

Это место казалось мне раем, а о том, что султан продает людей в рабство – своих пленников или тех из соплеменников, кто разгневал его, – я забыла.

Вождь пригласил нас осмотреть деревню, которая представляла собой небольшое скопление хижин вокруг общего кострища. Пока мы изучали первобытный быт туземцев, один из людей султана привел новую рабыню, чтобы мы полюбовались ею. Это была девушка, маленькая и черная, как ночь, с красивым и правильным лицом и гладкими и красивыми ногами и руками. Один из матросов, прищелкнув языком, тут же предложил султану кортик и пистолет. Султан, с сомнением посмотрев на предложенный товар, покачал головой: за такую хорошую женщину предложили маловато. Тогда другие матросы, охваченные возбуждением от мысли, что и они могут приобрести себе собственную ра-

быню, сбросились, чтобы сообща купить женщину. Султан принял предложение и передал девушку матросам, которые, цокая языками, стали гладить ее, ласкать, совершенно не заботясь о том, что бедняжка еле жива от страха.

Когда матросы со своей добычей удалились под деревья, султан поманил Гарта, сделав ему недвусмысленный знак и указывая на меня. Я поняла: султан пытается договориться с Гартом о приобретении белокожей рабыни. Неожиданно раздался женский крик и довольный гогот матросов.

Я побежала на крик. Чуть в стороне от деревни, на песке, бессильно раскинув руки и глядя в небо, лежала, скуля от страха, чернокожая рабыня, а один из матросов – на ней.

Подоспевший Гарт удержал меня, схватив за руку.

– Не делай глупостей. Оставь их.

– Останови их, ты должен их остановить, – взмолилась я. – Это ужасно, это жестоко. Прошу тебя!

– Ты хочешь быть следующей? Я ничего не смогу сделать, если они решат, что хотят и тебя тоже.

Мужчины с рычанием взбирались на девушку один за другим. Гарт крепко держал меня, зажав мне рот, чтобы я не кричала. Я сдавленно всхлипывала, не в силах смотреть на эту жестокую сцену и в то же время не в силах отвести взгляд. Султан и его люди удивленно взирали на устроенное белыми варварами представление. Один из чернокожих покачал головой, в недоумении показывая матросам жестами, что у девушки еще слишком узкие бедра, чтобы рожать хо-

роших детей.

В удивительно короткий срок матросы насытили свой голод и, застегнув штаны, отошли от несчастной. Девушка лежала на спине, раскинув в стороны руки и ноги. Она не шевелилась. Земля между ее ногами пропиталась кровью, глаза пусто смотрели в небо. Я вырвалась из рук Гарта и подбежала к ней. Упав рядом с несчастной на колени, я взяла ее руку, стараясь нащупать пульс.

– Она умерла. – В наступившей тишине голос мой прозвучал как набат. Я повернулась к матросам: – Вы убили ее. Вы – скоты. Надеюсь, что вас за это повесят.

Мужчины выглядели пристыженными и смущенными. Они настолько увлеклись своим занятием, что забыли о моем присутствии. Я видела огоньки ненависти, вспыхнувшие в их глазах: они не скоро забудут о том, что я была свидетельницей преступления. Отвернувшись, я побежала к морю. Никогда еще я не знала такого всепоглощающего ужаса, я не могла даже плакать.

Гарт нагнал меня.

– Весьма проникновенное выступление, – холодно произнес он. – Ты все делаешь для того, чтобы нас убили!

– Почему ты их не остановил? – Я резко повернулась к нему. – Ты мог остановить их, но не стал этого делать. Ты ничуть не лучше, чем они, ты, грязное животное!

Глаза его были по-прежнему холодны.

– Разве для тебя это открытие? Пойдем, я отвезу тебя на

корабль.

— Они ответят за это? — спросила я, когда мы отчалили от берега; я мечтала, чтобы их забили до смерти.

— Нет, — ответил Гарт, налегая на весла. — В конце концов она была их собственностью.

Рай обернулся адом. Я больше не выходила на берег, прячась в каюте, лишь бы не встречаться с теми пятью матросами. Каждый из мужчин на корабле, я чувствовала это, смотрел на меня с нескрываемой похотью. Они хотели меня и ненавидели одновременно. Ненавидели только за то, что я была женщиной. Всего-навсего женщиной! Но они не могли получить меня.

Мне трудно было понять, как может человек докатиться до такого зверства. Жизнь я узнавала из книг Монтеня и Руссо и не могла привыкнуть к тому, что людьми можно торговать так же спокойно и обыденно, как торгуют мясом на рынке краснолицые дюжие мясники. «Красавица Чарлстона» была адом для меня, и печатью дьявола был отмечен каждый из здесь находившихся. Понемногу и я стала черствесть душой, спокойно спать под стоны, доносящиеся из трюма, стала почти равнодушной к боли и страданиям.

Высоко над кораблем кружились чайки. Поманят крылом и улетят.

— Совсем не так, как в блестящем Париже, не так ли?

Гарт Мак-Клелланд подошел ко мне и встал рядом, глядя на море. Сгущались сумерки, и палуба была почти безлюд-

на, поэтому я решилась выйти подышать воздухом. Я ничего не сказала, только смахнула слезы с ресниц и плотно сжала губы.

– И все же капитан Фоулер чем-то напоминает мне Бонапарта. Ты должна чувствовать себя совсем, как дома.

– Как остроумно! – с горечью ответила я. – Ты бы, наверное, и в инквизиции разглядел что-нибудь веселое.

Гарт, все с той же циничной улыбкой, с которой очень редко расставался, пожал плечами.

– Я не в ответе за ваше присутствие на борту этого судна, мадам.

– Это вы так считаете, мистер Мак-Клелланд, – с нажимом произнесла я. – Вы не в ответе за то, что происходит здесь, не в ответе и за то, что случилось с той девушкой на берегу. Если бы меня здесь не было, вы бы составили тем матросам компанию, не так ли?

– Вы льстите себе, если думаете, что можете удержать меня от того, чего мне хочется, мадам.

– Не думаю, что вам вообще есть до меня какое-нибудь дело. Почему вы не позволили капитану бросить меня в море?

– Возможно, потому, что с вами я надеялся сделать путешествие более приятным. Бог видит, как я ошибся.

Я покраснела.

– Я ничего вам не должна, сударь. У меня нет по отношению к вам никаких обязательств, ни супружеских, ни ка-

ких-нибудь еще.

— В самом деле? Вы вышли за меня по доброй воле и... — Встретив мой взгляд, Мак-Клелланд осекся. — Советую вам вернуться в каюту, если не хотите быть съеденной москитами.

Гарт набил трубку и, мимоходом взглянув на небо, зашагал прочь. Легкий ветерок играл его волосами и густой бородой, успевшей отрасти за время морского путешествия. Выбирая между потным подбородком и бритьем при качке, заявил Гарт, он предпочитает первое. Впрочем, большинство мужчин на корабле сделали тот же выбор. Арманд Валадон исчез. Вместо него возник американец, называвший себя Гартом Мак-Клелландом, отказывавшийся хоть слово произнести на французском. Дни напролет он проводил на палубе с матросами или обсуждал с капитаном проблемы навигации. Он помогал управляться со снастями, пил виски, разговаривал подчеркнуто грубо и курил в моем присутствии крепкий табак. Ночи он большей частью проводил в каюте капитана, играя в карты; приходил очень поздно, раздевался и молча ложился на койку. После первой ночи он ко мне не прикасался.

Щеки мои до сих пор горят, когда я вспоминаю ту ночь. В первый же день меня здорово укачало. На все лады склоняя свою несчастную судьбу, я отказывалась от пищи и питья и к концу дня совершенно выбилась из сил.

Когда Гарт вышел из каюты, я улеглась на койке и под

мерное качание корабля вскоре уснула. Проснулась я от его взгляда. Он был совершенно голый и, кажется, собирался нырнуть ко мне под одеяло.

– Не смейте ко мне прикасаться, – взвизгнула я, натягивая к подбородку грубое одеяло. – Вы не смеете. Убирайтесь, грязное животное, или я буду кричать.

Он вырвал одеяло у меня из рук.

– Я решил, – он наклонился ко мне, – на полную катушку воспользоваться возможностями, которые ты сама мне предоставила.

Я почувствовала крепкий запах виски. Он был пьян. Никогда раньше я не видела его пьяным.

– Поцелуй меня, Элиза. – Он прилег рядом и положил руку мне на лицо. – Иди ко мне и поцелуй меня.

Он запустил руку в вырез рубашки и нащупал грудь, затем, перекатившись на живот, закинул ногу. И тут во мне словно что-то взорвалось. Он мне был омерзителен со своей любовью. Я лягалась, пиналась, кусалась, как пойманный зверь. В конце концов он оставил меня.

Я глубоко вздохнула и только собралась выложить ему все, что о нем думаю, как в дверь громко постучали. Гарт, надев брюки, вышел, а я прижалась к стене, всхлипывая и размазывая по лицу слезы и пот.

В коридоре слышался приглушенный разговор, затем Гарт отчетливо произнес:

– Нет, ничего особенного. Вы когда-нибудь слышали, что-

бы женщина устраивала истерику не из-за пустяков?

Смех. Бормотание.

– Нет, благодарю, не надо. На этот раз обойдемся без девятихвостой плетки. Если вы, конечно, не считаете, что она заслужила публичной порки. Лично я так не считаю.

Бормотание. Смех. Бормотание.

– Совершенно с вами согласен. Спокойной ночи.

Дверь открылась и закрылась вновь. Я все еще плакала.

– Вы шли к этому весь день и наконец своего добились. Может быть, сейчас вы утихомиритесь. Я выйду подышать, но на палубе я спать не намерен, Элиза, и на полу – тоже. Мы разделим эту койку...

– Если вы еще раз подойдете ко мне, я убью вас, клянусь, – предупредила я.

Гарт усмехнулся.

– Позвольте напомнить, что каюта – моя, а вы, мадам, здесь сбоку припека.

– Как вы смеете! Вы бросили меня в этой вонючей дыре в Нанте! Вам дела не было до того, что со мной станется. Вы прекрасно знаете, что я не могу отсюда уйти, а потому вы просто обязаны уступить мне эту койку.

– Я, мадам, если что и должен вам, так это хорошую выволочку. И однажды вы получите ее, будьте уверены.

Перекинув рубашку через плечо, Гарт вышел из комнаты. Решив обороняться, я осмотрелась в поисках мебели, которой можно было бы забаррикадировать дверь. Табуретки не

годились – слишком легкие. Ну почему на корабле нет стульев? Стол – то, что нужно. Надо придвинуть его к двери, чтобы ее невозможно было открыть. С лихорадочной скоростью я принялась за работу. Наконец баррикады были готовы, и я почувствовала себя в безопасности.

Я нырнула в постель, но даже глаз не успела закрыть, как в коридоре послышались шаги Гарта. Он толкнул дверь. Моя баррикада держалась.

– Элиза, открой дверь, – устало сказал Гарт. – Сейчас же.

Я ничего не ответила, тихонько посмеиваясь над его тщетными попытками проникнуть в каюту. Чтобы он там замерз на палубе!

Гарт навалился на дверь всем телом. Столешница чуть подалась назад. Пара таких толчков – и дверь откроется.

– Элиза, – в его голосе звучали грозные нотки, – если ты сейчас же не уберешь эту дрянь, я вышибу дверь.

– Давай, давай, – храбро ответила я, всем телом налегая на стол.

Гарт толкнул дверь раз, другой. На третий раз стол отлетел, а вместе с ним и я.

– Укройся, – процедил он, – а то простудишься.

Он даже не смотрел в мою сторону, молча снимая одежду. Раздевшись, он лег на койку.

– Немедленно вон, – заорала я. – Это моя кровать!

– Присоединяйся, если хочешь, – насмешливо предложил Гарт. – Места хватит.

– Пошел к черту, – бросила я, устраиваясь на полу в противоположном углу каюты.

Соломенный матрас не слишком удобное ложе, но по сравнению с ним голые доски показались мне холодными и жесткими, как камень. Я вспомнила все его издевательства. когда-нибудь он поплатится за все!

Утром, как только Гарт ушел, я заняла вакантное место на койке и проспала весь день до вечера. С тех пор я часто спала днем, а потом всю ночь слушала сонное посапывание Гарта. Если он задерживался у капитана, я наслаждалась комфортом этой убогой кровати до его прихода, а затем неохотно отправлялась коротать ночь на пол.

Всю первую неделю я кричала на него постоянно. Я жаловалась на невыносимые условия на корабле, на несъедобную пищу.

– Может, мне повезет, и ты помрешь до того, как мы доберемся до цели, – как-то раз в сердцах сказал Гарт.

– Ты думаешь, я не мечтаю умереть? Я молю об этом Бога постоянно! Ты просто бессердечное чудовище, фальшивый дворянин!

– А ты – фальшивая леди, Элиза, – лениво ответил Гарт. – Что же с того?

– Свинья! Ты ничем не лучше остальных на этом корабле, такой же скот, как они. Я больше не могу с этим мириться. Ты должен приказать капитану немедленно доставить меня во Францию. Я хочу сойти с этого корабля!

Гарт смотрел на меня с жалостью, которая только подогревала мой пыл, и уходил из каюты. Он знал, что я не решусь следовать за ним на палубу. Я чувствовала, как в моем присутствии затихают разговоры, видела, как смотрят на меня мужчины, и – боялась их. Каждый из них дожидался своего часа, и даже в каюте я чувствовала, как они выслеживают меня, не упуская случая подглядеть за мной. Все они только и ждали сигнала, что уже можно, и тогда они разом кинутся на меня.

Несколько раз я делала попытки выяснить, что Гарту, американцу, понадобилось в нейтральной к Америке Франции.

– Не понимаю, – вздыхала я, – будь ты англичанином – тогда дело другое.

– Твое понимание происходящего просто ослепляет, Элиза, – отвечал он. – Можно подумать, что ты все твои юные годы провела в дипломатической академии.

Я свирепела.

– Может быть, тебе платят англичане? Тогда все становится на свои места.

– Может быть.

– Ты просто невыносима! Я начинаю думать, что ты устроила весь этот маскарад просто ради смеха, а на самом деле ты обожаешь Наполеона, считая его величайшим человеком всех времен и народов.

– По моему скромному разумению, – протянул Гарт, – Наполеон не более чем выскочка с наклонностями диктатора,

мечтающий о том, чтобы имя его попало в книжки по истории. Однако ему не следует заглядываться на Новый Свет, пока он еще не до конца разделался со Старым.

– Ага! Значит, ты признаешь, что шпионил!

– Вовсе нет. Я только высказал свое мнение. Кстати, я заметил, что твой дядя тоже не питает особой любви к своему императору.

– Дядя Тео был знаком с Наполеоном Бонапартом еще с тех пор, как они с моим отцом были кадетами. А когда Наполеон стал первым консулом, он сделал отца генералом. Дядя Тео считал его слишком самонадеянным для своего возраста. Но Наполеон говорил, что всех великих людей считали выскочками, включая Александра Македонского и Цезаря. Дядя Тео так и не смог оправиться после революции. Вот почему мы так бедны.

Гарт усмехнулся.

– Бедны, потому что Наполеон – выскочка?

– Нет, из-за революции, – нетерпеливо пояснила я. – Большая часть владений Лесконфлеров была конфискована, но отец дяди Тео сумел спрятать фамильные сокровища до лучших времен. Тео говорил, что Наполеон пришел к власти, ступая по костям лучших и благороднейших семейств Франции. Он, по мнению дядюшки, намеренно создал хаос в стране, так как понимал: тот, кто восстановит спокойствие, будет считаться великим правителем.

– Твой дядя весьма разумный человек, – согласился Гарт.

– Совершенно верно. Но все же скажи: кто ты? Ведь я не смогу выдать тебя сейчас, посреди океана. Почему ты не расскажешь мне правду?

Гарт безразлично пожал плечами.

– Потому что это не касается ни тебя, ни кого другого.

Я топала ногами, кричала, умоляла, но все тщетно, больше мне ничего не удалось добиться. Он оказался крепким орешком.

Наш корабль стоял у берегов Африки примерно два месяца. Наконец капитан счел, что у него достаточно невольников. Обещанные султаном несколько сотен рабов прибыли за пару дней до отплытия и были переправлены в и так уже переполненный трюм.

Гарт запретил мне и близко подходить к люку, ведущему в трюм, но как-то раз стоны снизу чуть не свели меня с ума, и я решила посмотреть своими глазами на то, что там происходит. Обычно люк охранялся, но на этот раз поблизости никого не было. Я не без труда отодвинула тяжелую крышку и спустила вниз короткую лестницу.

В нос мне ударила жуткая вонь, слышались звон цепей, мольбы и стоны. Глаза мои понемногу привыкли к темноте, и я разглядела Преисподнюю, в которой оказалась. Я медленно шла в узком проходе между нагромождениями человеческих тел справа и слева от меня. Невольники теснились на нарах, словно уродцы в каком-то чудовищном магазине, не в силах не то что встать – даже повернуться. Там, где едва хва-

тало места для одного, помещались пять человек. Женщин и мужчин держали отдельно, и, поскольку женщины меньше мужчин, их «умяли» на нарах еще плотнее. Один раз в день несчастных небольшими группами выводили на палубу подышать воздухом и поесть. Рабов кормили насильно, словно гусей, приговоренных к закланию. Эти короткие прогулки были единственным просветом в их страшной жизни, оставшиеся двадцать три с половиной часа в сутки они должны были лежать в вонючем трюме, задыхаясь и медленно умирая.

Я медленно шла по этому коридору смерти, чувствуя, как ком поднимается в горле. Только сейчас я заметила, что иду по вонючей грязи, которая была не чем иным, как человеческими экскрементами. Нога моя наступила на что-то, похожее на балку или брус. Нагнувшись, я нащупала человеческую ногу, окоченевшую и холодную. Слабо заплакал младенец.

Капитан сказал, что взял на борт четыреста чернокожих. Четыреста человек в помещении размером с библиотеку дяди Тео. Еще он сказал, что и две сотни принесут достаточно выгоды. Это чудовище запланировало гибель половины от голода, тесноты и болезней. Каждый день матросы сбрасывали в море новые трупы.

Стон, звучавший громче других, достиг моих ушей. Не сразу я узнала свой голос. Я поняла, что если не уйду из этого ада немедленно, то сойду с ума. Я повернула назад и, шлепая

по вонючей трясине, бросилась к выходу, повторяя молитвы, те самые молитвы, что не произносила с тех пор, как была ребенком. И вдруг я услышала, как захлопнулась крышка люка. Я оказалась в полной темноте. Нашупав лестницу, я полезла наверх, но корабль качало, я потеряла равновесие и полетела вниз, на груды тел. Ко мне потянулись руки, несчастные хватили меня за одежду, за лицо, молили о спасении, о воздухе, о свете, о свободе. Я отчаянно закричала, стараясь нащупать лестницу. Наконец я добралась до люка и принялась стучать, сбивая костяшки пальцев о грубое дно крышки.

Наконец мне открыли, и грубые руки вытащили меня наверх.

– Как вам понравилось в трюме, мадам? – ехидно поинтересовался капитан Фоулер. – Я уже решил было посадить вас на цепь с остальными, раз они вам так нравятся. Несносная баба, повсюду сующая нос! – И он грубо отшвырнул меня.

Я упала, но знакомые сильные руки помогли мне подняться.

– Пойдем, Элиза. Нам пора в каюту.

Я взглянула Гарту в лицо.

– Ужасно, ужасно, – бормотала я как безумная. – Хуже, чем с животными, Гарт. Они живут как свиньи в клетке, только хуже, много хуже. Кошмар.

– Ради Бога, Мак-Клелланд, если я еще раз увижу эту стерву поблизости, я выпорю вас обоих. Чтобы я ее не видел, понял? В следующий раз я брошу ее в трюм и буду держать

там до самой Ямайки.

– Пойдем, Элиза. – И Гарт потащил меня за собой. В каюте он раздел меня донага и вымыл с головы до ног горячей водой с грубым мылом. Я стояла, поеживаясь, посреди комнаты, пока он скреб мою кожу и намыливал голову, изгоняя тлетворный запах разложения с волос и тела.

– Ну почему ты не можешь противостоять ему? – повторяла я сквозь слезы. – Почему ты всегда на его стороне? Тебе надо спуститься в трюм, Гарт, и посмотреть самому, что сделал этот негодяй Фоулер. То, что он сотворил, позорит человеческий род! Я представить не могла, что человек может так обходиться с себе подобными!

– Попридержи язык, Элиза, – оборвал меня Гарт. – Во имя всего святого, ты можешь помолчать?

Мгновение я смотрела на него молча, а потом разразилась потоком слез. Гарт достал мою ночную рубашку и помог просунуть руки в рукава.

– Если ты сейчас же не успокоишься, я вынужден буду тебя ударить.

– Ты... ты не посмеешь!

– Твое упрямство может стоить жизни нам обоим.

– Врешь, – бросила я ему в лицо. – Мы пассажиры, оплатившие проезд, разве не так? Он... Он ничего с нами не делает. Не посмеет.

Гарт покачал головой.

– Ты так... молода, – произнес он устало. – Разве сего-

дняшний случай ничему тебя не научил? Неужели ты не понимаешь, что человек, торгующий людьми, как вещами, способен на все? Неужели ты всерьез думаешь, что те несколько несчастных монет, которые он получил, остановят его, если он вздумает избавиться от нас? Подумай, Элиза. Рассуждай как женщина, а не как наивное дитя. Наш капитан занят опасным промыслом, и сам он человек опасный.

– Ты тоже опасный человек. И все-таки я выжила.

– Выжила, – вздохнув, согласился Гарт. – Так почему бы тебе не взглянуть на то, что происходит, как на очередное испытание твоей воли и мужества? Ты должна пережить и это путешествие, и капитана Фоулера. Держись подальше от трюма и от капитана. Это упрямый и невежественный человек. Он действительно верит, что женщина на корабле приносит несчастье, и в определенном смысле он прав. Ты представляешь, что делает с сотней мужчин на борту присутствие единственной женщины? Ты не знаешь, о чем они думают, глядя на вас? Не понимаешь, что бы они с тобой сделали, будь у них хоть один шанс? Вспомни ту несчастную девочку в Даоми, Элиза. Она умерла, потому что матросы целых шесть недель кряду изводились от желания, глядя на красивую женщину и не имея возможности коснуться ее.

– Ты обвиняешь меня в ее смерти?

– Я только еще раз хочу предупредить тебя, Элиза: держи себя в узде. Я не шучу и не дразню тебя. Держись подальше от капитана и не впутывайся в его отношения с рабами.

– Ты боишься его? Ты просто трус, как я и подозревала!
Гарт сжал губы.

– Я не трус, Элиза, но я и не безрассудный дурак. В отличие от тебя. Мой тебе совет: взрослей побыстрее. Отбрось нелепые представления о человеческой порядочности и принимай действительность такой, как есть.

– Когда мне понадобится твой совет, я у тебя попрошу, – ядовито заметила я.

– Как тебе угодно. Только больше не приходи ко мне плакать от разочарований и обид. Тебе не стоило смотреть на то, что происходит в трюме. Об этом ты должна была догадаться сама, да и вычищать трюм ты не собираешься. Я не святой и не подвижник, да и ты не из их числа. Забудь о том, что видела. Забудь рабов. Все забудь.

– Никогда! – запальчиво ответила я. – Я никогда не забуду их и никогда не прощу тебе жестокосердие. Я не святая и не подвижница, но я – человек, и сердце мое истекает кровью при виде человеческих страданий. Я не могу поверить, что ты ничего не чувствуешь: ни злости, ни гнева, ни скорби. Что ты за человек, Гарт Мак-Клелланд?

Гарт собрал в кучу мою одежду, бросил ее в таз и пошел к двери.

– Куда ты с этим собрался?

– Выброшу это барахло за борт.

– Нет! У меня так мало вещей и одни-единственные туфли. Прошу тебя, не делай этого. Я сама все вычищу, Гарт.

Гарт поставил таз с вещами на пол.

— Как пожелает моя госпожа. Может быть, домашние дела отвлекут тебя от приносящей одни проблемы благотворительности.

С этим он вышел.

Я упала на койку и закрыла руками лицо. Ужас захлестнул меня; я словно предчувствовала: худшее ждет впереди. И я оказалась права.

Следующие несколько дней прошли без происшествий. Но стоны из трюма не прекращались ни днем, ни ночью. Я вставала под этот жалобный вой и засыпала с ним. В конце концов мне стало казаться, что стонет и плачет сам корабль, изливая свое неизбывное горе серым волнам и хмуromу небу.

Я подозревала, что и на Гарта давит мрачная атмосфера на судне. Его обычная улыбочка куда-то пропала, а вместо нее появилась скорбная складка между бровями. Долгие часы он проводил где-то на корабле, как я предполагала, не в обществе капитана Фоулера, и часто совсем не приходил ночевать. Когда я пыталась вызвать его на разговор, он отвечал двумя-тремя короткими фразами. Было ясно: он не хочет со мной связываться. Гарт держался холоднее и отстраненнее со мной, чем обычно, и я стала тосковать по тем временам, когда он злился и ругал меня. Я не могла вынести его равнодушия, и даже упреки казались мне слаще, чем полное безразличие.

Команда была на грани бунта. Капитана Фоулера ненавидели все и несли службу спустя рукава. Рабы слабели с катастрофической быстротой, и судовой врач забил тревогу, настаивая на том, чтобы капитан разрешил продлить пребывание рабов на палубе. Фоулер согласился, и доктор выдвинул следующее требование: ежедневно чистить трюм морской водой. Моряки больше всего ненавидели эту работу.

В трюме началась эпидемия, и самые слабые рабы, старики и дети, умерли. Вскоре болезнь настигла и команду. Большинство заболевших матросов поправились, но юнга и еще несколько человек погибли, а человек двадцать ослабели настолько, что не могли стоять на вахте.

Капитан был в ярости, граничащей с безумием. С каждым погибшим рабом уплывали его деньги. Смерть и болезнь членов команды вынуждали здоровых работать напряженнее, а за это матросы требовали дополнительной платы. Фоулер пристально следил за командой и симулянтов публично сек остальным в назидание. Порка приносила свои плоды: дисциплина на борту «Красавицы Чарлстона» осталась железной.

В середине декабря, через пару недель после отплытия с Уидаха, мы попали в жестокий шторм. Громадная волна слизала с палубы одну из драгоценных бочек с пресной водой; грозой подожгло фок-мачту, и она наполовину сгорела. Последнее обстоятельство значительно снизило нашу скорость. Капитан Фоулер был зол на весь белый свет. В довершение

всех неприятностей сломался насос, и вода стала заливать трюм. Пока чинили насос и вычерпывали воду, несколько десятков рабов, прикованных к нарам на дне трюма, захлебнулись.

Удача нам изменила. Черeda несчастий держала всех в нервном напряжении. Капитан словно осатанел. Каждый день кого-нибудь пороли. Однажды я видела, как он выбросил за борт худенького чернокожего мальчика только за то, что тот путался у него под ногами. Сердце мое кровоточило, но я заставила себя спуститься в каюту. Гарт был прав: сейчас этот человек не остановится ни перед чем, и я не рискнула протестовать.

Однажды после полудня, не в силах более выносить заточение, я вышла на палубу. Капитан Фоулер наказывал плетью черного великана. Несчастный стоял, прикованный за руки к грот-мачте. Я тихонько встала сзади молчаливой группы матросов, наблюдавших за экзекуцией.

– Вот дает, – прошептал один другому, – ему уже всыпали двадцать горячих, а он не издал ни звука и все еще на ногах.

– Он потерял много крови, – ответил другой, – но у этих черных дубленая кожа. Они не так чувствуют боль.

Я поднялась на цыпочки и вытянула шею. Каждый удар отдавался во мне болью, словно хлестали не его, а меня. Мужчины вокруг беззвучно шевелили губами, отсчитывая удары: двадцать шесть, двадцать семь, двадцать восемь...

Устав, капитан передал плеть боцману.

– Проучи-ка этого сукина сына, ему, видать, понравилось, – приказал он, отходя к зрителям. – Сильнее!

Чернокожий гигант не издал ни звука. Тридцать. Тридцать один. Тридцать два. Матросы стали шепотом делать ставки – под какой из плетей негр упадет.

– Окатите его водой! – бросил капитан.

Кто-то плеснул негру в лицо воды, несчастный застонал.

– Продолжай, – махнул рукой подручному Фоулер. – Я хочу услышать, как этот ублюдок орет.

Экзекуция продолжалась. Ногти мои впились в ладони, но я молчала. Гарт был прав. Довольно глупостей. Гораздо больше мужества требуется, чтобы смотреть на все это и – ничего не предпринимать. Такова жизнь, таковы ее реалии, и они – омерзительны.

Еще дважды раб терял сознание, и дважды его приводили в чувство. После шестидесяти плетей капитан приказал остановиться. Спина чернокожего представляла собой кровавое месиво, кровь текла по обнаженным ягодицам и длинным ногам.

– Черт возьми, – пробурчал капитан, схватив негра за волосы, – ублюдок еще в сознании. Давайте, ребята, приберитесь здесь немного. Пару ведер морской воды, чтобы смыть грязь.

Я вздрогнула и закрыла глаза, зажав рукой рот, чтобы не закричать. Я слышала, как загремели ведра, слышала, как их опускали в море и как опрокидывали на спину несчастного,

как он тихо застонал, когда едкая соль попала на кровавую рану.

– В трюм его, – коротко приказал капитан. – Не будет больше пытаться выпрыгнуть за борт. Если он и окажется в море, так только потому, что я сам его туда кину. Все видели? – рявкнул Фоулер. Только сейчас я заметила группу перепуганных насмерть невольников, наблюдавших пытку из дальнего угла палубы. – Он все еще в сознании?

– Нет, кэп.

– Видит Бог, некоторых из этих животных нелегко бывает убить. Велите доку присмотреть за ним. Я не знаю, стоит ли его сохранять, может, лучше – сразу за борт, чтобы у других не возникало подобных мыслей.

Мне казалось, что смерть в волнах лучше той судьбы, что ожидала несчастных. Капитан и матросы разбрелись, поскольку других развлечений не предвиделось, а я подошла к израненному рабу, лежавшему в луже собственной крови. Это было страшное, почти непристойное зрелище, словно он был не человеком из плоти и крови, а порождением чьей-то извращенной фантазии. Но теперь я знала, что даже самой буйной и жестокой фантазии порой не угнаться за обычной жизнью.

Доктор Хауторн опустился рядом со мной на колени.

– Он мертв? – устало спросил врач.

Доктор Хауторн, человек добрый и бесхарактерный, большую часть суток бывал пьян, но он был единственным муж-

чиной на корабле, которого я не боялась.

– Я... я не знаю. Я не знаю, что мне делать.

– Дьявол, – пробормотал врач, прикладывая ухо к груди чернокожего гиганта. – Мы можем хоть сейчас выкинуть его за борт. Парень потерял уйму крови. Смотрите, вы испачкали платье.

– Это не страшно. Так он жив или умер?

– Пока не умер. Но это вопрос ближайших часов.

– А мы не можем его спасти? Прошу вас, доктор, давайте попробуем.

Врач грустно посмотрел на меня:

– Для чего его спасать? Вы думаете, жизнь рабов на плантациях лучше, чем на этом треклятом корабле?

– Не знаю, – покачала я головой. – Но ведь он будет жив, не так ли?

Врач со вздохом развел руками:

– Простите, мадам, но мне некуда его поместить. Если мы оставим его здесь, он умрет через пару часов. Если перенесем в трюм, не доживет и до утра.

– Мы отнесем его ко мне в каюту, – предложила я. – Я позабочусь о несчастном.

– Но ваш муж...

– Не волнуйтесь, его я беру на себя.

– Но капитан рассвирепеет, вы же знаете.

– Мы ему ничего не скажем. Если несчастный умрет, что же... а если выживет, может быть, я сама смогу его купить.

И тогда капитан только выиграет на этом деле.

Мы, как смогли, промыли и перевязали ужасные раны. Я разыскала Гарта. Мне пришлось приложить все силы, чтобы уговорить его помочь нам. Наконец вдвоем мы затащили беднягу в нашу каюту. Доктор отказался класть его на койку.

– Ему хорошо будет и на полу. Все равно к лучшему он не привык. Главное – укрыть его от дождя и солнца. Скорее всего ночью у него будет жар.

Гарт молча смотрел, как мы с доктором устраиваем больного. Когда Хауторн ушел, Гарт сухо сказал:

– Ты, конечно, не ждешь, что тебе это сойдет с рук.

– Но они собирались выбросить его за борт, Гарт. Я не могла спокойно смотреть на это, просто не могла. Мне так хотелось сделать хоть что-нибудь.

– Капитан...

– Капитана я уговорю. Когда мы доберемся до места, я одолжу у тебя немного денег и смогу выкупить Джозефа...

– Кого?

– Джозефа. Я назвала его Джозефом, в честь Джозефа Бонапарта, ты знаешь, о ком я говорю. Он всегда был очень добр ко мне, и я думаю, что этот Джозеф немного похож на того, ты не находишь?

Гарт критически осмотрел распростертого на полу негра.

– Если только губами. В остальном он вылитый Джером.

– Ты так считаешь? Ах, да ты меня дразнишь! Я не могу поверить, что ты так бессердечен, Гарт! Ты притворяешься!

– Поверь в это, – тихо сказал Гарт. – Ради собственного блага, поверь, Элиза, что я такой, каким ты меня представляешь.

К концу третьего дня Джозеф понемногу стал приходить в себя и даже попил воды. Раны на спине стали заживать, заражения, кажется, удалось избежать. Он открыл глаза и, увидев меня, испугался.

– Все хорошо, Джозеф, – успокоила я его, – ты здесь в безопасности.

Он улыбнулся, будто поняв, о чем я говорю, и снова закрыл глаза. В этот момент дверь каюты открылась.

– Ах ты стерва, ты еще и воровка!

– Как вы смеете заходить без стука, капитан? – ответила я. – Разве вы забыли, как ведут себя джентльмены?

Глаза Фоулера маслено заблестели; он облизнул губы. Мне захотелось спрятаться, только чтобы не видеть этих красных крысиных глазок.

– У вас есть кое-что, что принадлежит мне. И я пришел взять это.

Я тупо смотрела на него несколько мгновений, пока наконец не поняла, что речь идет о Джозефе.

– Ну что вы, этот мужчина при смерти. Доктор отказался было его лечить, и я попросила вместо того чтобы выбрасывать за борт, принести беднягу сюда. Вот и все. Я просто не могла видеть, как он умирает. Вы можете забрать его, когда он окрепнет, да и я могу купить его у вас, когда мы прибудем

на Ямайку.

Фоулер, поддев больного носком сапога, с насмешливым презрением сказал:

– Вижу, он вам понравился. Да будь я неладен, если позволю вам оставить его при себе только потому, что этот ваш муженек не умеет держать в узде свою бабенку. Я знаю, как обращаться с подобными стервами, и готов преподать урок.

Я вскочила.

– Как вы смеете разговаривать со мной таким тоном? Убирайтесь отсюда немедленно!

Я бросилась на него, завопив так, будто меня привязывают к гильотине. Капитан отступил на шаг, приказав через плечо двум поджидавшим его матросам забрать негра. Джо-зеф громко застонал, когда они выволакивали его из каюты. Капитан довольно засмеялся.

– Наконец я услышал голос этого подонка. Я решил было, что он немой. И все благодаря вам, мадам.

Взгляд Фоулера опять остановился на моей груди, он брезгливо сплюнул и вышел из каюты следом за своими людьми. Забыв об осторожности, я кинулась к капитану:

– Разве у вас совсем нет жалости? Разве человеческая душа для вас ничто?

– Ничто, – повторил он хрипло, – разве только, если эта душа живет в маленькой горячей бабенке. – И, обхватив меня за талию, он присосался к моим губам.

Ничего более мерзкого, чем этот слюнявый поцелуй, я

еще не испытывала. От него несло табаком и виски. Я леглась и извивалась, пока он не отпустил меня.

– Так тебе не нравятся поцелуи настоящих мужчин, шлюха! Я заметил, что твой недоделанный муж проводит ночи на палубе, любуясь звездами.

Фоулер снова сгреб меня и больно ущипнул за грудь.

– Я думаю, мне следует занять его место в твоей постели. Ему будет все равно...

– Вы... вы негодай!

Я плюнула ему в лицо. Мой голос, по всей видимости, сполна выразил то отвращение, что я к нему чувствовала. Глазки его зажглись ненавистью. И тут я испугалась, по-настоящему испугалась.

– Добрый день, капитан. Надеюсь, все обошлось без недоразумений?

Увидев Гарта, я вздохнула с облегчением.

– Еще какие недоразумения, – ответил капитан, отпуская меня. – Больше того, неприятности, мистер Мак-Клелланд. Эта ваша девка приносит одни неприятности. Вы удивляете меня, Мак-Клелланд. Как может такой разумный парень, как вы, оставлять жену наедине с этим грубым животным, рабом. Он провел с ней две ночи, пока вы любовались звездами.

Гарт рассмеялся и добродушно заметил:

– Ну в самом деле, капитан, мужчина едва ли был в состоянии...

Больше я ничего не хотела слышать. Я забежала в каюту и захлопнула за собой дверь. Закрыв лицо руками, я несколько раз глубоко вдохнула, стараясь подавить тошноту и гнев.

– Что случилось? – спросил Гарт, заходя в комнату.

– Он... Он ворвался сюда и забрал Джозефа, а когда и попробовала его урезонить...

– Могу представить, как ты это делала, – сухо заметил Гарт. – В следующий раз будет еще хуже. Я предупреждал тебя, но ты продолжаешь гнуть свое. – Он говорил спокойно, но я чувствовала еле сдерживаемый гнев. – На этот раз я оказался дураком. Нельзя было разрешать тебе приносить в каюту этого негра.

– Ты не смеешь мне указывать, – набросилась я на Гарта. – Кто ты такой, чтобы разрешать мне что-то или запрещать! Я устала от тебя, Гарт Мак-Клелланд! Если бы я не забрала его сюда, он бы умер. Сейчас он, может, еще и выживет. Этот Фоулер – чудовище! С каким удовольствием я убила бы его! И ты не лучше. Меня тошнит от вас обоих.

Я попыталась протиснуться мимо него к двери. Гарт преградил мне путь.

– Куда ты собралась?

– На свежий воздух! Твоя трусость смердит.

– Послушай, Элиза...

Я отступила на шаг и посмотрела ему в глаза.

– Нет, ты меня послушай. Я не собираюсь сидеть здесь взаперти больше ни единой минуты. Я сама смогу защитить

себя от этого омерзительного человека. Лучше, чем делал это ты. Больше я не боюсь ни его, ни тебя. Я ненавижу тебя и ненавижу этот корабль. Не было ни единого дня, когда бы я не мечтала ослепнуть, оглохнуть и умереть. С меня довольно, понял? Довольно! Крики и стоны, стоны и крики, день за днем... Сердце мое рвется на куски, а мы, люди, считающие себя цивилизованными, сидим и ничего не делаем. Я виновата только в том, что старалась помочь одному из несчастных. И запомни – если мне представится возможность, я сделаю это вновь. Пусти меня!

К моему удивлению, Гарт отошел от двери и встал у иллюминатора, глядя на волны.

– Неужели ты думаешь, Элиза, что у меня не чешутся кулаки от желания расквасить его тупую морду? Давай уходи. Убирайся отсюда. Мне плевать, что с тобой будет. Убирайся!

Меня точно пригвоздили к месту. Я смотрела в его неподвижные глаза и старалась проникнуть в его душу. Корабль накренился на один борт, и я схватилась за стол, чтобы удержаться на ногах. Казалось, стоны из трюма заставляют судно качаться от горя. Я зажала руками уши, но жалобный вой продолжал звучать в моем мозгу.

– Господи, – пробормотала я, – сделай так, чтобы они замолчали. Ради Бога, Гарт, сделай что-нибудь.

Гарт подошел ко мне и опустил мои руки. Стоны стали громче. Он удерживал мои руки, больно вонзаясь пальцами в плоть, и чем сильнее я старалась высвободиться, тем крепче

он меня держал. В глазах его вспыхнул огонь.

– Уступи мне, Элиза.

– Никогда, – задыхаясь, ответила я, – никогда, покуда живу!

– Мертвая, ты мне не нужна, – сказал он грубо.

Руки его нежно заскользили по моему телу, губы приблизились к моим губам. Знакомая истома овладела мной, я чувствовала, как он расстегнул корсаж, развязал ленты рубашки, как обнажил грудь, бережно и нежно лаская ее.

– Ты так красива, – пробормотал он, – такая нежная, такая милая.

Я старалась превозмочь растущий прилив желания, но с тем же успехом можно пытаться остановить мощный, неукротимый бег морских волн. Со стоном я упала в его сильные объятия, подставив жгучим поцелуям лицо, шею и грудь. Я больше не могла с ним бороться. Не могла и не хотела. Решимость мою разрушил медленный огонь, зародившийся в глубинах моего существа. Я знала, что этот огонь, сейчас едва тлеющий, будет разгораться, пока не поглотит меня целиком, превратив в горящую свечу.

С закрытыми глазами я ждала, пока Гарт разденет меня. Дюйм за дюймом он пробегал пальцами мое тело. Наша жажда была взаимной; я ощущала, как мощный поток чувственности, исходящий от каждого из нас, сливаясь в один, накрывает нас и несет куда-то. Он скинул с себя одежду и провел моими руками по своему телу. Я снова восхитилась чу-

десной крепостью его мышц, рук, спины, ягодиц. Погрузив пальцы в густое золото его волос, я поцеловала его.

Я отдалась ему без стеснения, с радостью, без борьбы. Его твердый клинок пронзил меня, но эта боль оказалась приятной, волнующей до дрожи. Больше не было ни криков рабов, ни похотливого капитана, ни оголодавших мужчин, находившихся всего лишь в нескольких футах от нас. Я позволила Гарту увести меня в темные пещеры любви, туда, где правило балом наслаждение, где забывались боль и горечь.

Когда мы, опустошенные, лежали в объятиях друг друга, Гарт, потрепав меня по голове, сказал:

– Больше ни одной ночи на полу, дикая кошка. Мы и так растратили впустую слишком много времени.

Ослепление страсти прошло, передышка закончилась. Ко мне вернулись слух и зрение, и снова я слышала стоны рабов. Приподнявшись на локте, я заглянула ему в лицо. Я сердилась на себя за то, что так тянулась к нему, но знала, что сейчас не смогу ему отказать ни в чем. Он приобрел надо мной власть. Я отодвинулась подальше.

– Я ненавижу тебя. Больше, чем раньше. Ничего не изменилось между нами, ничего!

Гарт потрепал меня по щеке.

– Вот тут ты не права, Элиза. Все изменилось.

С этими словами он отвернулся и уснул.

Глава 5

ЖОЗЕ ФОУЛЕР

«Красавица Чарлстона» попала в шторм, который даже не всем бывалым морякам доводилось пережить. Нас швыряло по волнам, как щепку. Человеческий груз в трюме выл от ужаса. Матросы еле успевали вычерпывать воду из трюма. Мы находились в теплых широтах, но ветер хлестал ледяными иглами, словно неся из самого ада. Даже ко всему привычные моряки не могли выстоять на палубе долго, а рабы, не ведавшие других температур, кроме тропических, страдали от холода едва ли не сильнее, чем от качки.

Меня швыряло по каюте, словно горошину в пустом ведре. Я не могла найти ни одного устойчивого предмета, за который можно было ухватиться не то что руками, а хотя бы взглядом. Во время редких затиший я, свернувшись клубочком, лежала на койке, измотанная морской болезнью.

– Что с тобой происходит, Элиза? – спрашивал Гарт, когда я, прижимая руки к желудку, плакала от очередного приступа. – Ты всегда держалась молодцом, а сейчас совсем раскисла.

– Спасибо за сочувствие, милостивый государь! – с бесильной злостью отвечала я. – Иногда ваша доброта переходит всякие пределы. Господи, ну почему ты не даешь мне

умереть? Убей меня, Гарт, и положи конец моим страданиям.

Гарт, черствый человек, только посмеивался.

– Ничего, все пройдет. Завтра море успокоится. Я возьму тебя на палубу, и солнышко вернет твоим щекам румянец.

– Уходи немедленно. Ты отказываешь мне даже в том, чтобы я страдала в одиночестве. Господи, – стонала я при очередном крене корабля. Стол ездил от одной стены к другой, табуретки катались по полу, как бильярдные шары, но Гарт со своей обычной усмешкой стоял надо мной, твердо и несокрушимо. – Убери отсюда свою мерзкую рожу, – взывала я, – глядя на тебя, мне делается во сто раз хуже.

Он засмеялся и вышел, а я, вцепившись в койку, чтобы не упасть, как только его не обзывала.

Шторм утих ночью, и наутро я вышла на палубу, чтобы подышать свежим воздухом. Море все еще немного волновалось, и, когда я взглянула вверх на качающиеся мачты, меня затошнило. Я подбежала к борту. Появился Гарт.

– Получше? – спросил он без всяких признаков сочувствия. – Ты сегодня ночью здорово хулиганила. Совсем мне спать не дала.

– Плохо. – Я вытерла рот платком. – Почему бы тебе не пойти спать в другое место?

– Как же, Элиза? – удивился Гарт. – Ты же знаешь, что лучшее место на земле рядом с тобой. Разве я могу бросить тебя в несчастье?

– Чтобы ты свалился с этой мачты и сломал свою поганую шею, – с чувством сказала я. – Нет ничего приятнее, чем увидеть тебя с переломанными костями. Чтобы ноги твои отгрызли акулы, чтобы...

Он подкрался ко мне сзади и поцеловал в шею. Дрожь удовольствия прокатилась по моей спине.

– Смерть – это очень грустно, Элиза, – засмеялся он. Я гневно вспыхнула и выскользнула из его рук.

– Я ежечасно молюсь о смерти. Твоей или моей, все равно. В любом случае я буду от тебя свободна.

Я спустилась в каюту. Там пахло потом и рвотой. Открыв окошко, я вытряхнула постели, затем принесла ведро с морской водой и принялась скрести пол.

– Познакомьтесь, мадемуазель Элиза Лесконфлер, – бормотала я себе под нос, оттирая с пола грязь, – поденщица, шлюха, авантюристка. Рожденная в благородном семействе, воспитанная в лучших школах Франции и Англии, свет очей двора и самого императора! О, как я его ненавижу! Бог видит, как я его ненавижу!

И снова к горлу подкатила тошнота. Что со мной? Я хорошо переносила море, но с недавних пор... Может быть, я умираю, успокоила я себя. Не важно. Смерть все равно лучше того убожества, в котором я вынуждена жить.

Вычистив каюту, я принялась за стирку. Одежда моя была в ужасном состоянии: дорожный костюм изнашивался, да и белье протерлось. Однажды я попросила Гарта найти мне иг-

лу. Он исполнил мою просьбу, а потом со смехом потребовал вознаграждения. Сейчас я уже привыкла управляться с иглой, а первый раз...

Гарт вошел, когда я шила. Хмуро глянув на него, я вернулась к своему занятию.

– Хорошо, что ты прибралась, – заметил он, – здесь уже начало пахнуть.

Я прикусила губу, чтобы не накричать на него. Гарт присел за стол напротив.

– Какому-то счастливчику достанется такая прекрасная женушка, – сказал он, разглядывая меня. – Может, ты еще и готовить умеешь?

Я вскинула подбородок.

– Разумеется, не умею.

– Ах, простите, – поспешил извиниться Гарт. – Я не думал, что мои слова будут восприняты как оскорбление. Интересно, что с тобой делать, когда мы доберемся до Америки. Ты, вероятно, могла бы стать гувернанткой в доме какого-нибудь плантатора, может быть, даже выскочишь замуж. Хотя англичане весьма разборчивы в смысле жен. Тебе лучше податься не в Вест-Индию, а на север, в Штаты, там народ демократичнее. Половина жителей Луизианы происходит от французских девчонок, осужденных в своей стране за незаконное ремесло, да только кто в этом признается! Я уверен, что тебе удастся отыскать какого-нибудь увальня, готового ради твоей красоты простить дурной нрав и змеиный язык.

– У меня прекрасный характер! – возмутилась я и чуть было не отшвырнула рваную юбку, но сдержалась, прилежно продолжая шить. Мне не хотелось, чтобы он понял, насколько я задета. – Ты тоже не подарок, – добавила я более ровно.

– Я бы взял тебя к себе в дом, – продолжал Гарт, – но, к сожалению, не могу позволить себе иметь слуг. Все, что у меня есть, – маленькая хижина в заболоченной бухте, ну, такие места зовут у нас луизианскими топями, излюбленное место аллигаторов. Они выползают прямо к порогу в сезон дождей. Насекомые у нас тоже довольно докучливые. Москиты величиной с мышь, а змей так много, что из них делают занавески, чтобы не тратиться на лишние двери.

Я знала, он дразнит меня, но невольно поежилась.

– Нет, – подытожил Гарт, – тебе не понравится в Луизиане. Ты слишком испорчена цивилизацией, чтобы полюбить девственную природу. Но ты, конечно же, сможешь устроиться в Новом Орлеане. Девушка с таким несравненным обаянием, безусловно, не останется без...

Я отбросила шитье и встала.

– Почему ты не можешь оставить меня одну! – почти закричала я. – Разве тебе мало, что ты увез меня из дому, оторвал от семьи, сломал мою жизнь...

– В том, что ты оставила дом, нет моей вины, Элиза.

– И это снимает с тебя ответственность за то, что выпало на мою долю? – взорвалась я. – Ты лишил меня всего, а тебе все мало. Ты продолжаешь терзать меня и мучить постоян-

но, потому что тебе доставляет удовольствие издеваться над людьми.

Он взял мою руку.

– Будет тебе, Элиза, уж и пошутить нельзя...

Я взвизгнула, пробуя дотянуться ногтями до его глаз. Он поймал мои руки и завел их мне за спину.

– Пусти, – кричала я, – пусти! Я убью тебя, клянусь, я тебя убью!

– Убей прямо сейчас, – тихо рассмеялся он. – Клянусь, никто не может пожелать себе более сладкой смерти. – И он уткнулся лицом мне в шею.

Я решила притвориться: обняла его одной рукой за шею и поцеловала, а другой нащупала шитье и, достав иголку, воткнула ее ему в руку. От неожиданности он вскрикнул, а я выскочила из каюты и помчалась на палубу. В тот момент во мне окончательно созрела решимость броситься в море: жить с этим человеком я больше не могла.

Капитан Фоулер стоял возле самой лестницы, ведущей на палубу, и, когда я почти поравнялась с ним, он потянулся ко мне со знакомой скотской ухмылкой. Я невольно отшатнулась и, споткнувшись, скатилась с лестницы.

– Вы, кажется, куда-то торопитесь, дамочка, – сказал он, спускаясь ко мне.

Я всхлипнула от страха и быстро вскочила на ноги. С другого конца коридора ко мне шел Гарт. Я переводила взгляд с одного на другого, а потом, закрыв лицо руками, заплакала.

– Господи, – пробурчал капитан, – уберите ее куда-нибудь подальше, Мак-Клелланд. Эта ваша француженка действует мне на нервы.

– И мне, капитан, – сказал Гарт. Сбросив с плеча его руку, я побежала в каюту.

Я слышала, как оба они смеялись мне вслед, а когда, запутавшись в юбках, я едва не упала, капитан довольно заржал, заметив, что после всех проведенных на море месяцев я могла бы научиться ходить не спотыкаясь. В каюте я упала на койку и зарыдала. Я плакала долго-долго, пока не ослабела от слез. А когда слезы иссякли, я продолжала тихо всхлипывать, содрогаясь от жалости к себе и полной безысходности.

Гарт тихо вошел в каюту и сел рядом. Я ждала язвительных насмешек, но вместо этого он положил руку на мой влажный лоб и сказал:

– Прости меня, Элиза. Мне не следовало тебя дразнить. Я заслужил твой укол. Спасибо еще, что ты не спрятала у себя в юбках нож.

Его неожиданная доброта вызвала очередной приступ слез. Я не могла успокоиться. Гарт помог мне сесть и приложил к моим губам фляжку с бренди.

– Выпей, ты почувствуешь себя лучше.

Я покачала головой и хотела было отвернуться, но он крепко держал меня. Я повиновалась.

– Это не арманьяк, – поморщилась я.

– Ты права, это не арманьяк.

Гарт убрал фляжку и обнял меня. Я сопротивлялась только для видимости, но затем закрыла глаза и опустила голову ему на грудь. Мне было хорошо и уютно оттого, что он рядом. Я забыла, что со мной мой враг, мой безжалостный мучитель. Откинув волосы с моего лица, он шептал мне нежные слова, первые добрые слова, которые я от него слышала; нежно гладил мое лицо, спину, и я всем существом потянулась к нему.

В странном забытии я чувствовала лишь жар, что огненными языками лизал мое лоно. Я плавилась в его объятиях, и на этот раз мы любили друг друга тихо и нежно. И только когда он закончил и я увидела довольный блеск в его льдистых глазах, только тогда я поняла, что меня очередной раз просто использовали. Я ненавидела его, но проклинала и себя, понимая, что больше не могу без него жить, как не могу выжить без еды и пищи.

Его доброта оказалась всего лишь очередной ловушкой. Я могла бы сразу догадаться, но нет, мне искренне хотелось верить, что я для него – не просто забава, не игрушка, с которой можно на время забыть об ужасах «Красавицы Чарлстона». Но ведь и я стремилась к нему, чтобы забыться. Он злил меня, вызывал раздражение, а иногда и ненависть, и все же я отдавалась ему с радостью. Кто же я тогда, если не развратница? Впрочем, мне было все равно. Если желание дарит радость забытья, пусть на время, тогда я должна быть ему благодарна за это.

– Тебе лучше? – заботливо спросил он.

– Ты прекрасный актер, Гарт, – с горечью сказала я. – Ты прекрасно знаешь, как добиться расположения женщины. Доброе слово, нежное прикосновение, и она твоя. Раскрытая, как цветок для пчелы. Какая пошлость!

– Это природа, Элиза, – улыбнулся Гарт. – Ты не можешь бороться с природой. Не стоит стыдиться того, что тебе нравится быть с мужчиной.

Я покраснела.

– Я не стыжусь, Гарт. Но, кроме желания, должна быть любовь. Желание без любви – это...

– В высшей степени приятная вещь, – закончил он за меня. – Ты счастливая женщина, Элиза. Ты срываешь цветы любви, не получая укулов от ее шипов: ни ревности, ни страха быть брошенной. Наслаждайся выпавшей на твою долю удачей. Как я.

Я внимательно посмотрела на Гарта.

– У тебя было очень много женщин, Гарт? И я готова поспорить, что ты не любил ни одну из них. Ты даже не знаешь, что такое любовь. И не хочешь знать, не так ли? Мне тебя жаль.

Гарт снисходительно усмехнулся.

– Прибереги свою жалость для тех, кто в ней нуждается, Элиза. Я делаю то, что делаю, потому что мне так нравится. И если сердце мое остается нетронутым, тем лучше.

Гарт лениво потянулся. Огонь свечей золотил его муску-

листую грудь и волосы с оттенком ржавчины. Он был чертовски красив. Сердце мое болезненно екало при одном взгляде на него. Я понимала, как просто влюбиться в такого мужчину. Если бы его нежность была настоящей, с тоской подумала я, я бы отдала ему сердце навечно.

Но он был другим – холодным, жестоким и надменным. Я уговаривала себя, что мне повезло и я не испытываю к нему ничего, кроме неприязни.

Вдруг кровь ударила мне в виски. Что я делаю?! Как смею даже думать о том, чтобы влюбиться в него? Разве я сошла с ума? Женщина, готовая отдать сердце такому чудовищу, просто дура! Я подошла к открытому окну. Свежий ветер привел в порядок мои мысли. Я буду использовать его, решила я, как он использует меня. Сердце мое останется холодным. Я никогда не позволю себе забыть, кто виновен в моих несчастьях.

К концу февраля капитан Фоулер совсем обезумел. И рабы, и матросы одинаково страдали от бесконечных экзекуций. Он упрекал Гарта, что все неприятности происходят из-за меня. Капитан взял за правило, стоя под дверью нашей каюты, орать на всех проходящих мимо матросов: в самых грубых, нецензурных выражениях он поносил их за то, что они ни о чем другом, кроме как обо мне, думать не могут.

– Ты должен остановить его, Гарт, – молила я. – Он сводит меня с ума. Сделай, пожалуйста, что-нибудь.

Гарт только вздыхал.

– Чего ты от меня хочешь? Вежливо попросить его воздержаться от подобных выражений? Ему скоро самому надоест эта игра, не волнуйся.

– Гарт, но ведь он сумасшедший! О Господи! – Я тяжело опустилась на чурбан и уронила голову на руки. – Я больше не могу. Скоро и я сойду с ума, а ты ничем не хочешь мне помочь. Ты такой же скот, как и он.

– Перестань думать о каждом мужчине, который хочет залезть тебе под юбку, как о скотине, – ответил Гарт. – Воспринимай это как комплимент.

У меня не было слов. Я молча смотрела на него, чувствуя, как во мне закипает гнев. В конце концов я взяла со стола кружку и запустила ею в голову наглеца.

– Я ненавижу тебя! – завизжала я.

Следом полетели миски, ложки – все, что попадалось мне под руку. Гарт успешно отразил натиск и даже сумел меня обезоружить, прижав руки к бокам.

– Прекрати, Элиза, – приказал он, – прекрати немедленно.

Я продолжала вопить. Тогда Гарт наотмашь ударил меня по лицу. Слова застряли у меня в горле. Никогда прежде я не чувствовала такой обиды.

Упав ему на грудь, я заплакала.

– Ну почему ты так поступаешь со мной? Почему? Пока я не встретила тебя, меня никто и пальцем не трогал. Почему?

С палубы доносился пронзительный голос Фоулера, клянущего меня на все лады.

– Когда-нибудь я задавлю его, – проговорил Гарт устало. – Если нам удастся сойти живыми с этого корабля, я удушу его.

На следующий день Гарт, войдя в каюту, сказал:

– Ты можешь подняться на палубу, если хочешь.

– Но Фоулер...

– Он напился в стельку. Боцман уложил его спать.

Мы прокрались мимо капитанской каюты на солнышко.

Свежий веселый ветер гнал нас к берегам Америки.

– Ты можешь посидеть здесь немного. Никто тебя не беспокоит.

– Спасибо, – сдержанно поблагодарила я. Гарт потрепал меня по щеке.

– Ты осунулась и побледнела, Элиза. Я не смогу жить с уродливой женой. Так что отдыхай.

С трудом я удержалась от отповеди. Несколько дней я умоляла его разрешить мне выйти на палубу, и сейчас, когда мне наконец представилась такая возможность, я не хотела портить себе удовольствие. Вздохнув про себя, я принялась размышлять о том, что меня ждет, когда мы сойдем на берег. Я старалась представить свою будущую жизнь без Гарта Мак-Клелланда, но... не могла. У меня было ощущение, что моя жизнь началась со встречи с ним.

На палубе поднялась суета. С мачты донеслось: «Корабль по курсу!» Я подошла к борту и, прищурившись, посмотрела вдаль. Где-то на горизонте маячило зернышко. Надежда

согрела мне сердце. Французский корабль! Меня заберут с «Красавицы Чарлстона», увезут назад, во Францию. Я молила судьбу о спасении.

Гарт подошел ко мне с биноклем.

– Британское судно, – сообщил он. Искра надежды угасла.

– Я не могу разобрать названия, но вижу, что корабль военный.

К нам, пошатываясь, подошел капитан. Не обращая на меня внимания, он взял из рук Гарта бинокль.

– Идет со скоростью узлов тринадцать, я думаю, – заметил Гарт. – Все пушки расчехлены.

– Проклятие, – пробормотал Фоулер. – Что против них наши несчастные две пушки, которые не чистили с тех пор, как мы отплыли из Чарлстона.

Вскоре мы уже могли невооруженным глазом разглядеть быстроходное судно, ошестинившееся батареей пушек. «Эврика», – гласила надпись на корме.

– Враги, – прошептала я.

– Для тебя – враги, – уточнил Гарт, – но не для нас. Если они поднимутся на борт, Элиза, ради Бога, попридержи язык. Я не хочу, чтобы англичане решили, что с нами плывут французские шпионы.

– Мой английский не так уж плох.

– Пусть так, но не стоит его демонстрировать перед флотом его величества.

– Чего им нужно? – спросила я.

– Надеюсь, ничего. Может быть, они просто хотят посмотреть, кто плавает в этих водах. Однако у англичан есть одна нехорошая привычка – забирать американских матросов на службу его величеству, когда своих сил недостает.

– Как это забирать? Что ты имеешь в виду?

– Как? Очень просто. Примерно так же, как твои братья заполучили меня тебе в мужья.

Я отвернулась, прикусив язык. Англичане подали знак, что хотят подойти к нам. Я видела, как они отвязывают две небольшие шлюпки. Одетые в синие мундиры люди спустились по канатам и взялись за весла. Наши матросы сгруппировались у борта, чтобы получше разглядеть непрошенных гостей. Я инстинктивно прижалась к Гарту.

Из трюма поднялась очередная партия рабов для еды и прогулки. Я заметила Джозефа и улыбнулась ему, в глазах его блеснул огонек – он узнал меня.

Капитан Фоулер холодно приветствовал британцев. Один из прибывших, как я поняла, офицер, обратился к Фоулеру:

– Капитан, мы сожалеем о том, что вынуждены прервать ваше путешествие, но у нас есть веские причины полагать, что на вашем корабле есть матросы королевского флота, выдающие себя за американцев.

– Это их обычный прием, – тихо пояснил мне Гарт. – Условия на британских военных судах таковы, что матросы мрут сотнями.

Офицер протянул капитану бумагу.

– Эти люди могут быть на борту «Красавицы Чарлстона». Фоулер просмотрел список и вернул его.

– Нет, никого из этих людей у меня на борту нет.

– Может быть, они известны вам под другими именами.

Конрой, – подозвал он одного из своих людей, – пройди и посмотри, не узнаешь ли ты кого из дезертиров.

– Не понимаю, – шепнула я Гарту, – эти люди здесь?

– Нет, но их все равно найдут. Сейчас увидишь.

Дурное предчувствие охватило меня. Я посмотрела на Гарта: в нем тоже чувствовались тревога и напряжение.

– Я знаю вас, матрос, – заявил человек, которого британский офицер назвал Конроем. – Вас зовут Вэйнрайт. Вы сбежали с корабля в Гибралтаре и решили спрятаться здесь, среди шайки работорговцев и рабов. Пойдемте, ваша игра закончена.

Испуганный матрос пустился наутек, но двое бравых молодцов из флота его величества поймали его, скрутили и оттащили к борту.

– Грязные свиньи, – кричал парень, – разбойники, вору! Меня зовут Джером Бут, так меня окрестили отец с матерью!

Несчастливого успокоили ударом в челюсть.

– Тебе надо научиться уважать британский флот, – наставительно заметил грузный англичанин. – А теперь попридержи свой поганый язык, если не хочешь проглотить остатки зубов.

Между тем Конрой подошел к нам. Увидев меня, он оска-

лился:

– О, кого мы видим! Не саму ли красавицу Чарлстона? Ты ведь не матрос по имени Джонс, не так ли? – Конрой от души рассмеялся собственной шутке. Его товарищи тоже развеселились.

Я испуганно отшатнулась от англичанина. Конрой взглянул на Гарта.

– А вот и Джонс. Вы ведь Джонс, не так ли? Я думаю, что узнал вас, дружище.

– Нет, я не Джонс, – спокойно ответил Гарт. – Меня зовут Мак-Клелланд. Эта дама – моя жена, и мы имеем несчастье быть пассажирами на этом судне.

– Ваша жена? Пассажиры! Нет, я просто со смеху помру от этих янки! И как вам, леди, нравится быть пассажиркой на посудине, везущей кучу грязных ниггеров?

Он потрепал меня по щеке и, оттащив от Гарта, присосался к моим губам. Гарт кинулся к нему, отбросил его в сторону и со всего размаха ударил в челюсть. Конрой упал.

– Гарт, не надо! – закричала я.

Пятеро британцев кинулись к упавшему товарищу. Гарт успел сбить с ног двоих, но силы были слишком неравны, и вскоре его повалили на палубу. Связав ему руки за спиной, английские матросы принялись его избивать. Один из них ударил Гарта по лицу прикладом, в кровь разбив скулу. Я бросилась к своему несчастному мужу, но сильные руки оттащили меня прочь.

Англичане взяли еще двоих матросов и двух сильных чернокожих. Одним из них оказался Джозеф.

Англичане удивленно рассматривали шрамы на спине негра.

– Его, должно быть, порол сам дьявол, – прищелкивал языком один матрос. – Эй, приятель, ты нам расскажешь, как это делается? Эй, Гэвин, не часто нам удастся добыть такого проверенного парня!

Кто-то, я думаю, доктор Хауторн, крепко держал меня, пока британские моряки забирали пленных. Я вырвалась и побежала к борту. Я узнала золотистую голову: вместе с другими на маленькой лодке, качавшейся на волнах, Гарт увозили прочь. Чем дальше он уплывал от меня, тем большая бездна разверзалась передо мной. Я оцепенела. Я не могла поверить в то, что случилось. Сейчас я проснусь, и рядом будет Гарт. Не может быть, чтобы его у меня отняли, не может быть.

– Вам дать мой бинокль, мадам? – любезно предложил Фоулер.

Я машинально взяла протянутый бинокль и поднесла к глазам. Сейчас я ясно видела, как Гарт с трудом поднимался на палубу, как он бросился на офицера, а тот поднял приклад и ударил Гарта по голове. Мой муж рухнул, и его продолжали бить лежачего, а потом, бесчувственного, поволокли куда-то.

Капитан забрал бинокль из моих рук, но я едва ли заме-

тила это. Я продолжала смотреть на английский корабль, на котором уже расправляли паруса и поднимали якорь. Еще немного, и фрегат скрылся, подгоняемый ветром.

— Бедный ублюдок не доживет и до вечера, — удовлетворенно заметил капитан. — Они выбьют из него спесь, а заодно и жизнь.

В ужасе я посмотрела на Фоулера. Глаза его дьявольски блестели, Я почувствовала дикий, животный страх, мозг еще не успел осмыслить происшедшее, но инстинкт подсказал мне: начинаются настоящие испытания. До сих пор между мной и капитаном стоял Гарт, он один, а сейчас Гарт исчез.

Я убежала в каюту. Услышав шаги Фоулера, всем телом я навалилась на дверь, всхлипывая и скуля, как смертельно напуганное животное. Никогда в своей жизни не знала я такого страха. Сердце мое готово было выпрыгнуть из груди, я почувствовала на губах солоноватый вкус — мне показалось, это был вкус страха.

Капитан распахнул дверь, и я отлетела к стене.

— Я пришел принести соболезнования, — сказал он, гнусно посмеиваясь. — Чертовски обидно за парня, правда же? Вот я и решил навестить безутешную вдову.

— Прошу вас, уходите, капитан, — хрипло сказала я. Он надвигался.

— Уходите. Прошу вас. Я принимаю ваши соболезнования, но... Убирайтесь! Убирайтесь сию же минуту!

Он подошел вплотную.

– Не похоже, чтобы с тобой было все в порядке, французская сука. – Фоулер зашелся от хохота. – Ты напугана, не так ли? Ты боишься того, что с тобой будет!

Он кричал, весь перекошенный от животного вожделе-ния. Слюна текла у него по подбородку. Он расстегнул ширинку. Я оцепенело смотрела на него.

– И правильно делаешь, – продолжил он. – Я собираюсь научить тебя таким вещам, о которых твой звездочет даже не слышал.

– Прошу вас, уйдите, капитан, молю вас, – запричитала я, всхлипывая. – Я бы хотела сейчас побыть одна, если не возражаете.

– Возражаю, стерва, – зарычал он, схватив меня за волосы. Я отпрянула и хотела было проскочить мимо него за дверь, но он, намотав прядь на руку, с силой рванул на себя. Я упала на колени.

Фоулер довольно засмеялся. Его лилово-красная, со вздувшимися венами дубина грозно торчала из поросшего черным волосом паха. Я вдохнула поглубже и закрыла глаза, молясь о том, чтобы потерять сознание, но, увы, когда он навалился на меня всем своим весом, втрое превосходящим мой, я не потеряла сознания. Я кусалась и царапалась, но его огрубелые руки были нечувствительны к боли, а когда я попробовала выцарапать ему глаза, он ударил меня по лицу, и я захлебнулась слезами пополам с кровью.

– Проклятая стерва. Дешевая французская шлюха, – злоб-

но шипел он. — Ты ходила задрав нос и смотрела на меня как на грязь, пока рядом был твой красавчик. А сейчас у тебя нет даже того раба, которого ты сберегла!

Фоулер разразился хохотом.

— Не думай, что я не знал, что у вас тут происходило, ты, стерва. Сейчас ты начнешь учиться тому, как следует обходиться с настоящим мужчиной. Ты будешь делать все, что я тебе говорю, а когда ты исполнишь все мои прихоти, ты будешь умолять дать тебе новое дело. Сейчас ты моя, стерва. Моя.

Он задрал кверху юбку и с силой раздвинул ноги. Лицо его было так близко, что я чувствовала кислый запах изо рта и слышала довольное урчание.

Я закрыла глаза и от безысходности решила представить, что я с Гартом. Но воскресить чувственную истому и тепло, которые он дарил мне здесь, в этой самой каюте, было невозможно. Скот не был Гартом. Я не чувствовала ничего, кроме отвращения и боли, унижения и брезгливости. Он кряхтел, сопел, шарил по мне руками, а я тихонько всхлипывала и просила Бога поскорее остановить его.

Фоулер закончил быстро. Слава Богу, их светлость оказалась не способна продлить наслаждение. Он сел на корточки, склоняясь надо мной, стал тискать меня и гладить. Застонав, я повернулась на бок и, свернувшись в клубок, закрыла лицо руками.

— Эй, француженка, нас ждет впереди много радости.

Он шлепнул меня по задку. Тихо заскулив, я попыталась укрыться.

– Нам еще долго плыть, месяц, а то и больше. Времени хоть отбавляй.

Вот так начались мои нескончаемые страдания, бесконечные унижения и пытки. Он насиловал не только мое тело, он втоптывал в грязь мою душу, разрушал сознание. Я стала противна самой себе, по-рабски запуганна и безобразна. Я перестала верить в Бога, который не защитил меня, и мечтала только о смерти.

Я была больше рабыней, чем те, что плыли в трюме. Капитан Фоулер запирали меня в каюте и никуда не выпускали. Он даже запретил мне подниматься на палубу, потому что однажды я чуть не бросилась за борт в мирный покой океана. С другой стороны, мое заточение было для меня благом: я не видела взглядов, которыми смотрели на меня моряки. Что было в этих лицах: злоба, похоть или даже сочувствие, – я не знаю. Унизительное сознание собственного ничтожества и стыд оказались для меня самой страшной пыткой. Фоулер вывалил меня в грязи, сделал неприкасаемой.

Фоулер ел со мной. За едой он был столь же неопрятен и мерзок, как и при отправлении других своих надобностей. Он даже спал со мной на той же койке, которую мы когда-то делили с Гартом. Он брал меня, когда ему заблагорассудится, оскверняя самыми немыслимыми способами, и я делала все, что он прикажет. Я больше не пыталась покончить с со-

бой, твердо решив, что хочу жить и выживу.

Иногда он пинал меня тяжелыми сапогами, а я ползала и скулила у него в ногах, как побитая собака. Гарта тоже били ногами, твердила я себе, когда боль застилала сознание. Может быть, он выжил, выживу и я.

Фоулер внушал страх команде. Его никто и никогда не пытался остановить: матросы слишком хорошо знали, что прикончить человека ему так же просто, как расстегнуть передок штанов. Убийство для него – всего лишь еще одно извращенное удовольствие. Они, вероятно, даже радовались: когда он мучил меня, он не трогал их. Число экзекуций на палубе сокращалось ровно во столько раз, во сколько увеличивалось число пыток в моей камере.

Я забыла о гордости и хотела одного – умерить его жестокость. Я плакала, валялась у него в ногах. К стыду моему, я даже пыталась прихорашиваться: а вдруг он увидит во мне красивую женщину, заслуживающую лучшего обхождения? Я называла его Жозе и даже улыбалась ласково и кокетливо, словно добрая жена.

– Стараешься умаслить меня, стерва? – недобро усмехался он. – Будь я проклят, но ты, кажется, хочешь, чтобы я относился к тебе как к леди.

– Вовсе нет. Ты интересен мне как мужчина.

Он сгреб мое лицо в ладонь.

– Мужчина, говоришь? Я покажу тебе, какой я мужчина. А сейчас закрой рот. – Он ударил меня, и я полетела на кой-

ку. – Снимай это барахло и ложись ничком.

Расстегнув платье непослушными пальцами, я разделась и легла на спину.

– На живот, я сказал. Мордой вниз.

И вновь он терзал меня до тех пор, пока легкие мои едва не лопнули от крика.

Когда я решила, что запас его зверских штучек наконец иссяк, он придумал новую пытку. Однажды он привел ко мне в каюту молоденькую негритянскую девушку.

– Помнишь, как ты развлекалась, наблюдая за нашими мальчиками и девчонкой в Даоми, – заявил он со злорадной усмешкой. – Посмотрим, как тебе это понравится.

Девчонка слабо вскрикнула, когда он бросил ее на пол и раздвинул ноги. У нее не было сил с ним бороться, и она даже не плакала, когда он, справив свою нужду, ударил ее ногой в пах.

– Ну как, понравилось? – спросил он, застегивая штаны. – В следующий раз она будет смотреть, пока я проделаю то же самое с тобой.

Следующий раз, а за ним еще следующий... Фоулер сдержал обещание. Та женщина была свидетельницей моего позора, за ней еще многие другие из трюма, а я наблюдала за тем, что с ними проделывает мой тюремщик.

Я мечтала убить его. Не шпагой или из ружья, а медленно, так, как он убивал меня, так, чтобы жизнь вытекла из него по капле. Мне казалось, что, доведись мне выпустить из него

кровь, я бы с наслаждением искупалась в ней и, быть может, снова стала прежней.

Изо всех сил я цеплялась за жизнь. Чего мне стоила эта борьба, я не знала до тех пор, пока однажды не предприняла очередную попытку добиться от моего мучителя снисхождения.

Фоулер состроил брезгливую мину:

– Ты, безмозглая французская шлюха, Жозе от тебя устал. От тебя смердит, и мне гадко смотреть на тебя. Хочешь посмотреть, почему?

Он зашелся сумасшедшим смехом и, выбежав из каюты, вернулся вскоре с маленьким зеркалом для бритья.

– Вот почему! – И сунул мне зеркальце под нос, захлебываясь от восторга.

Я не узнала себя. С полминуты я смотрела на лицо в зеркале, стараясь обнаружить сходство с прежней Элизой. Черные глаза, тусклые и пустые, казались непомерно большими на обтянутом кожей черепе. Запавшие щеки и мертвенно-серая кожа. Когда-то яркие губы растрескались и поблекли. А волосы, мои чудные черные волосы, которые Гарт сравнивал с ночным небом после шторма, представляли собой сплошной колтун. Я стала страшнее ведьмы из детской сказки.

Я поднесла к глазам руку: не рука, а птичья лапа с выступающими синими венами. И вдруг я захохотала, громко, неудержимо, как сумасшедшая. Я смеялась и не могла остановиться. Как все же смешно устроена жизнь! Я считала

несчастьем то, что дядя Тео хотел выдать меня за богатого барона! Как это забавно! И как я была рассержена, как злилась на себя, глядя в зеркало накануне того рокового вечера, за то, что красива! Как смешно! Ужасно, до колик смешно!

– Ой, Жозе, смотри, что ты сотворил! – захлебывалась я от смеха. – Ведьма, настоящая ведьма! Я – морская ведьма, Жозе!

Он побледнел и чуть попятился. Вот на чем я сыграю! понизив голос до замогильного шепота, я заявила:

– У меня теперь есть особая власть, Жозе. – Я завращала зрачками. – Сила исцеления и сила проклятия. И я проклиная тебя, Жозе, проклиная, проклиная, проклиная!

Я заухала, как сова, и Фоулер шмыгнул за дверь. Упав на койку, я рассмеялась. Он и в самом деле испугался меня, дурак! Господи, как я не додумалась до этого раньше? Все моряки суеверны, и даже капитаны не исключение. Я породила в его душе страх. Я снова засмеялась, и мой смех для меня самой прозвучал дико. Одиночество. Я свернулась клубком и заплакала. Душа моя исходила слезами, до сих пор я не знала, как плачет душа.

После этого случая Фоулер стал навещать меня не так часто. По мере приближения к Ямайке он стал больше заниматься рабами: кормить, следить за их прогулками – за истощенного раба не дадут хорошую цену. Теперь он спал в собственной каюте, и за это я была ему благодарна. Он продолжал использовать меня для отправления своих потребно-

стей, но наблюдал за мной с некоторой опаской, наполовину поверив, что я и впрямь превратилась в ведьму. Я постоянно бубнила французские фразы, поскольку знала, что он не выносил этого языка. Удовольствие видеть, как он багровеет от злости и потом бледнеет от страха, делало нечувствительными его пинки.

– Ah, que vous etes l'animal le plus gros et despicable de tout monde⁴, – бормотала я.

Теперь у меня появилось оружие, и я, не колеблясь, пускала его в ход. Я заметила, что латынь, произносимая речитативом, низким голосом, еще больше нагоняет на него страх. Пришлось порыться в памяти в поисках вызубренных в школе цитат. Даже насилуя меня, он пугался при звуках *amo, amas, amat* или *veni, vidi, vici*.

Я понимала, насколько опасным становится мое положение по мере приближения к цели нашего путешествия, и ни секунды не сомневалась в том, что он побоится явить миру свидетельство собственной жестокости. А матросы, многие из которых вложили в предприятие собственные деньги, конечно же, будут на его стороне.

Однажды, после особенно удачного розыгрыша, Фоулер, к моему удивлению, потащил меня к двери, приговаривая:

– Сегодня я отдам тебя настоящим акулам. Ты будешь орать, как никогда не орала раньше.

Я встревожилась. Проклятия мои не возымели обычного

⁴ Ты грубая скотина (фр.).

действия, и он уверенно тащил меня за собой. По коридору вверх, на палубу, на солнце. Солнечный свет ослепил меня, и я зажмурилась, прикрыв руками лицо. Я жила как моль... бог знает сколько времени. С того зимнего дня, когда у меня забрали Гарта и дали взамен Жозе Фоулера, потеплело.

Капитан дал мне пинка, и я тяжело упала на колени.

– Эй, подайте даме руки! – закричал он. Послышались ропот удивления и топот ног. Вокруг меня собиралась толпа. Я слышала, как дружно они сопят. С трудом я открыла глаза и огляделась. Лес ног, обутых и босых, волосатых и гладких. У многих штаны обносились, превратившись в лохмотья. Груды, виднеющиеся в распахнутых рубашках, у кого мужские, у кого – худосочные. И лица, полные недоумения, смущения и страха. Здесь была вся команда.

– Миссис Мак-Клелланд.

Удивленный шепот.

– Миссис Мак-Клелланд была больна, господа.

Раздались сдавленные смешки.

– Повторяю, леди была больна. Она не может вспомнить, что она женщина. Разве это не странно? Я думаю, она нуждается в напоминании, нежном напоминании. Кто из вас, парни, готов оказать даме услугу?

На этот раз смеялись от души. Матросы видели, насколько нежно со мной обращались.

Мужчины переминались с ноги на ногу, как школьники. В ноздри им ударил запах женщины, представился случай

позабавиться белой плотью после приевшейся им черной.

– Видите эту монету?

Я взглянула вверх: в руках капитана блесло золото. Один из моих луидоров.

– Эта монета достанется первому, у кого окажется в достатке благородства и жалости, чтобы излечить леди от тяжкого недуга.

На мгновение наступила гнетущая тишина. Подкуп сделал свое дело. Они медленно брали меня в кольцо, словностая голодных волков. Глаза их сверкали холодным блеском. Я знала, что их держит: они думали, что я – ведьма, и боялись меня. Ничем другим невозможно было объяснить их нерешительность: ставка в игре была двойной – им предлагались сразу и деньги, и женщина.

– Вы что, испугались какой-то шлюхи? – рассерженно заорал капитан. – Вперед, ребята! Даю деньги каждому, кто уважит леди!

Плотина прорвалась. Множество рук потянулось ко мне, через мгновение последние покровы были сорваны с моего тела. Они жадно хватали меня за лицо, за волосы, за ноги, грудь... Теперь они вошли во вкус.

Должно быть, я начала истекать кровью практически сразу после начала оргии, и мужчины отпрянули от меня, недовольно ворча. Откуда-то из спасительного забытья накатила боль такой невозможной, немыслимой силы, что я, уже не владея собой и не понимая, что происходит, закричала ди-

ко и протяжно. Тело мое билось в конвульсиях, а мои мучители недоуменно взирали на меня сверху вниз. Очередной приступ широким клинком пронзил мое лоно, и я закричала вновь.

– Господи, что здесь происходит?

– Сейчас она уж точно пропала, капитан.

– Проклятие, найдите этого ублюдка Хауторна!

Я уже ничего не видела, но присутствие рядом с собой этого негодяя ощущала кожей, чувствовала на себе его полный ненависти взгляд.

– Вы все в ответе за ее смерть, слышите, сволочи, – кричал он. – В конце концов это вы ее убили!

– С чего весь сыр-бор?

Кто-то опустился рядом со мной на колени. Запах виски.

– Что тут... Боже мой!

Клинок повернулся во мне. Я снова закричала.

– Унесите ее вниз немедленно! Не стойте здесь, как стадо баранов. Вы в этом виноваты, да простит вам Господь. Быстрее, пошевеливайтесь!

И следом – спасительное забытие.

Корабль мягко покачивался на волнах, словно дитя в колыбели. Я спала. Потом меня стало качать сильнее, бросать из стороны в сторону, выворачивая внутренности. Вкус крови и слез на губах, боль.... Нет, это не смерть. Неужели я обманула смерть? Или смерть обманула меня?

– Доктор Хауторн?

– Да, дитя мое, я здесь.

– Что случилось?

– Шторм, только и всего. Немного ветра и волн. Обычное дело. Отдыхай, Элиза. Все будет в порядке, надо только отдохнуть.

– Элиза? Я едва не забыла имя, которым меня нарекли родители. Я не слышала его с тех пор, как.... как забрали Гарта. – Мне захотелось плакать. – Какая грязь, я чувствую себя такой грязной....

Врач смочил мне губы.

– Прошу вас, расскажите, что произошло. Я знаю, что они со мной сделали. Боль была так ужасна...

Рука на лбу была приятно прохладной.

– Вы потеряли ребенка, Элиза.

Я приглушенно вскрикнула.

– Разве вы не знали, что беременны?

– Нет, – прошептала я. – Я думала, что это морская болезнь. Я и подумать не могла... впрочем, мне было не до этого.

Я вздохнула. Потерять ребенка еще до того, как узнаешь о нем, так странно, так грустно.

– Я рада, доктор Хауторн. Рада. Я не хотела... его ребенка. Доктор помолчал.

– Плод был довольно большой, Элиза. Месяца четыре, не меньше. Боюсь, что вы не сможете больше родить. Мне... Мне очень жаль.

Открылся новый ящик Пандоры. Значит, я носила под сердцем ребенка Гарта. Слезы катились по моим щекам. Я плакала не по Гарту и не по ребенку, я плакала по себе.

Море потихоньку успокоилось. Доктор сказал, что из-за шторма мы сбились с курса, но находимся в прибрежных водах. Мы бросили якорь в бухте и послали моряков за пресной водой. Капитан, как сказал врач, страшно злится из-за непредвиденной задержки, поскольку до Ямайки плыть осталось всего несколько дней, а эти воды кишат пиратами. Я улыбнулась.

– Вы шутите, доктор. Какие в наше время пираты?

– В самом деле. Честно говоря...

Я услышала, как открылась дверь и в комнату вошел Фоллер.

– Выйди вон, Хауторн, – приказал он. Врач, собравшись с духом, заявил:

– Капитан, я должен вас предупредить, что еще одно переживание...

– Вон, сволочь!

– ... может иметь самые серьезные последствия для пациентки, и, если она умрет, я обещаю вам, что вас повесят. Вас и только вас!

– Пошел к черту, Хауторн. Не стоит выметать сор из избы. Если вы попридержите свой поганый язык, то все мы останемся целы.

Я услышала крик, потом сдержанную ругань, увещевания,

дверь хлопнула, и я поняла, что осталась наедине с Фоулером.

– Мне не стоило брать вас на борт, – процедил он сквозь зубы.

Я отвернулась. Он схватил меня за подбородок и повернул к себе.

– Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю, стерва! Ты никому ничего не расскажешь, ни ты, ни этот полудурок Хауторн, потому что ни ты, ни он не доживете до утра.

– Non amo te, Sabidi... – проговорила я нараспев.

– Прекрати, ты, слышишь!

Фоулер ударил меня по лицу.

– ... nec possum dicere quare...

Он мог меня убить, но ему помешал матрос, внезапно ворвавшийся в каюту:

– Пираты, капитан, пираты!

Фоулер выскочил из каюты. Я засмеялась. Смерть, я перехитрила тебя! Обвела вокруг пальца, как и твоего посланца Жозе Фоулера. Боль захлестнула меня вновь, и я потеряла сознание.

Может быть, мне вовсе не удалось перехитрить смерть, и старуха с косой просто решила прийти за мной в тот час, когда сама сочтет нужным? Я лежала в каюте, как в склепе, больная и одинокая, лишь краем сознания воспринимая грохот и выстрелы наверху, на палубе.

Не помню, что было потом, но я очнулась, услышав над

собой французскую речь. Кто-то издал ответил, тоже по-французски.

– Господи, кто это? Она мертва, Пьер? Должно быть, она полукровка, кожа у нее очень светлая.

Я слабо застонала, но не могла произнести ни одного слова – как в кошмарном сне, когда ты осознаешь опасность, но не можешь ни пошевелиться, ни закричать, а проснувшись, с радостью видишь, что твои несчастья – всего лишь сон.

Вот и я решила, что вернулась домой. Я слышала свой голос, сказавший по-французски:

– Но я хочу выйти за него, дядя Тео. Пусть он живет с нами в замке, и мы будем каждый вечер пить шампанское.

– Доминик, Боже, она жива!

Голоса стали глуше. Чьи-то руки подняли меня и понесли наверх, наверное, к небесам, и когда я попала в рай, я больше уже ничего не помнила.

Глава 6

ПИРАТ ЛАФИТ

– Лили, твои руки творят чудеса. Ты сделала больше, чем сумели бы все доктора Нового Орлеана, взятые вместе. Мадемуазель превозмогла лихорадку.

Боль ушла. Я плыла в бархатной темноте, не зная, где я, жива или нет, и, честно говоря, не слишком стремилась узнать. Перед моими глазами плясал дьявольский облик Фоллера; ненависть, страх, горечь и боль владели мной. В моей душе не осталось ничего светлого, и мне не хотелось жить. Жизнь не сулит мне ничего доброго. Я разуверилась в человеческой доброте; мужчины, с которыми свела меня судьба, разрушили мою жизнь, и я не ждала от них ничего, кроме насилия, унижений и боли. Я не хотела никого видеть, никого знать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.